

ГОУДПО «Вологодский институт
развития образования»

ЛИТЕРАТУРА
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Хрестоматия для 5–6 классов

Вологда
2006

ББК 83.3я72
Л 64

Печатается по решению редакционно-издательского совета Вологодского института развития образования

Авторы-составители:
О. В. Богданова, Е. Г. Фисюк, Л. В. Широкова, кандидат филологических наук

Редактор
С. Ю. Баранов, кандидат филологических наук

Рецензенты:
Е. В. Анкудинова, методист ЦПК педагогических работников г. Вологды;
И. В. Мовнар, кандидат педагогических наук, заведующая кабинетом филологии и эстетического образования ВИРО;
Т. Л. Шишигина, кандидат педагогических наук, доцент ВГПУ

Хрестоматия подготовлена в лаборатории ВИРО «Литература Вологодской области» на основе опыта учителей СОШ № 15 г. Вологды

© О. В. Богданова, Е. Г. Фисюк,
Л. В. Широкова, 2006
© ВИРО, издательский центр, 2006

ISBN 5-87590-213-2

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 6

5 КЛАСС

Финно-угорский эпос	8
Калевала	8
Славянский миф о сотворении Земли из яйца в обработке А. Н. Афанасьева	14
Устное народное творчество	16
Жанры фольклора	16
Сказки Вологодского края	22
Перышко Финиста-ясна сокола. <i>Из собрания А. Н. Афанасьева</i>	22
Морозко. <i>Никольский вариант сказки</i>	34
Морозко. <i>Тарногский вариант сказки</i>	42
Байка о щуке зубастой	47
Государь, поп и роботник	49
Легенды и предания	51
О начале Вологды. <i>Летописи сообщают</i>	51
В. И. Аринин. Вологодский клад. <i>Главы из книги</i>	54
Литературные сказки русских и зарубежных писателей	60
Сказки Рихарда фон Фолькманна в переводе и обработке	
Р. А. Балакшина	60
Волшебное кольцо	61
Богач и бедняк	66
А. А. Брянчанинов	73
Волшебный конь	74
Белая уточка	85
Литература XX века	
Произведения о родине и родной природе	93
Ф. П. Савинов. Родное	93
А. Я. Яшин	96
На Бобришном угore	96
Босиком по земле	98
С. В. Викулов. «Она не скажет...»	99
А. А. Романов	101
Русский Север	101
«Земля отцов и дедов, та земля...»	102

О. А. Фокина	103
Храни огонь родного очага	103
«Простые звуки родины моей...»	103
Н. П. Сидорова	104
«Белое ровное спящее поле...»	104
Радуга	105
С. В. Чухин	106
«Она чиста, дороженька лесная!..»	106
«Снегу светлому поклоняюсь...»	106
«Кажись, и чудо невелико...»	107
Рассказы вологодских писателей о родной природе	109
В. П. Астафьев	109
Щурок-швырок	110
Капалуха	116
Милаха и кот Громило. Из книги «Дядя Кузя – куриный начальник»	119
Гуси в полынье	130
В. И. Белов	139
Валдай и Кузя. Из книги «Рассказы о всякой живности»	140
Кот Рыжко	143
Счастливого плавания!	146
Выручил	148
И. Д. Полуянов	152
С чужого плеча. Из книги «Месяцеслов»	152
На просеке	156
Подарки	160
Ю. М. Леднев	164
Чивик-чивик!	164
Скворчонок Чир	170
«Ради жизни на земле»	177
Ю. М. Ледnev	177
Из поэмы «Отец»	177
Аналфо	180
Картошка	181
«Вы память этой женщины не троньте...»	182
6 КЛАСС	
Устное народное творчество	184
Обрядовый фольклор	184
И. Д. Полуянов. Честная масленица. Из книги «Месяцеслов»	191
А. А. Романов. Масленица	193

Пословицы и поговорки – малый жанр устного народного творчества	196
В. И. Белов. Искусство народного слова. Из книги «Лад»	196
А. Я. Яшин. Родные слова	200
О. А. Фокина. «Этот бает, а другой – гутарит...»	201
Древнерусская литература	203
Северная Фиваида	203
В. П. Астафьев. Видение	206
Ю. М. Леднев. Спас-Камень	212
Сказание о преподобном Иосафе Каменском	216
Народные умельцы-самородки	219
А. Г. Варюхичев. Левша из Белозерска. Из книги «Сказы о самородках»	221
Ю. М. Леднев. Каслинское литье	233
А. А. Романов	236
Полотенце	236
Народный музей	239
Человек и природа в творчестве писателей и поэтов XX века	243
Ю. М. Леднев. Пеструха	245
И. Д. Полуянов	254
Серые	254
Золотые лапотки	264
Плач на пеньке	274
Стихотворения вологодских поэтов о родной природе	277
Н. А. Клюев	278
«Черны проталины, навозом...»	279
«Уже хоронится от слежки...»	280
Н. М. Рубцов	282
Жеребенок	283
Про зайца	284
Добрый Филя	285
А. А. Романов. Родина	286
Стихотворения о Великой Отечественной войне	288
Поэты-вологжане – участники Великой Отечественной войны	288
С. С. Орлов	292
После марша	292
Живая вода	293
А. Я. Яшин. «Не позабыть мне первых схваток»	294
Список литературы, рекомендованной для самостоятельного чтения	296
Краткий словарь литературоведческих терминов	298

К ЧИТАТЕЛЮ

Своеобразен и неповторим наш край. Поражают своей красотой широкие, спокойные реки, светлые озера, дремучие леса и бескрайние болота.

На Вологодской земле стоят древние города: Белозерск, которому более тысячи лет, Вологда и Великий Устюг – ровесники Москвы, столь же древние Тотьма и Устюжна. В этих городах и старинных монастырях, крепостях сохранились дивные памятники русского зодчества и живописи. Вологодская область славится старинными ремеслами: кружевоплетением, чернением по серебру, изготовлением шкатулок с «морозом по жести» и с резьбой по бересте. В селах Вологодчины можно найти прекрасные произведения прикладного народного творчества: резные прялки и чудесно вышитые полотенца – можно услышать древние сказки, народные песни и частушки.

Испокон века здесь живут добродушные, мужественные, талантливые люди. Невозможно назвать всех, но среди самых известных – землепроходец Семен Дежнев, поэт К. Н. Батюшков, изобретатель самолета А. Ф. Можайский, художник В. В. Верещагин, ученый-физиолог Н. Е. Введенский, хирург Н. М. Амосов, маршал И. С. Конев, авиаконструктор С. В. Ильюшин, летчик-космонавт П. И. Беляев.

О красоте вологодской природы, о жизни в наших краях написано немало книг. Свыше ста литераторов родились на территории нынешней Вологодской области, многие из них связали с нашим краем свою судьбу, жили здесь, создавали свои произведения.

В этой книге вы найдете материал о происхождении Вологды, ее защитниках и покровителях, прочтете народные сказки, записанные на территории нашей области, познакомитесь с произведениями Н. М. Рубцова, В. И. Белова, О. А. Фокиной, И. Д. Полуянова, Ю. М. Леднева, А. А. Романова и других вологодских писателей. Все они рассказывают о большом крае – Вологодской земле, любовно называемой Вологодчиной.

5 класс

ФИННО-УГОРСКИЙ ЭПОС

«КАЛЕВАЛА»

Как создавалась Земля? Как возник человек? Кто или что помогло ему выжить? Над такими вопросами люди размышляют сегодня, размышляли и много веков назад. У каждого народа есть своя история, о которой сам же народ повествует в мифах, былинах, сказаниях, легендах. Во времена, когда люди еще не знали письменности, знания передавались из уст в уста. Тогда возникли и эпические произведения, то есть устные рассказы, песни об истории народа, о древних героях, о том, что было в «незапамятные времена».

Свои эпические сказания существовали и у северных народов.

«Калевала» – это название финского эпоса. Народные песни финно-угорских племен собрал в 1849 году Элиас Лённрот. «Калевала» включала в себя 50 рун – старинных эпических песен, известных в разных частях Финляндии. Возможно, что часть материала Лённрот собрал на Вологодской земле неподалеку от Вытегры, которая тогда

Рис. Т. Юфы. Илмаринен

вместе с Карелией входила в состав Олонецкой губернии. На протяжении веков эти песни передавались от поколения к поколению. Слово «Калевала» означает «родина Калева». Калев – мифический герой, прародитель финнов. Он сильный воин, строитель замков, зачинатель земледелия, окружён людьми, богами, волшебниками, ведьмами, феями. Другие важные персонажи эпической поэмы – старый мудрый певец, знаток магических искусств Вяйнямейнен, кузнец Ильмаринен, бесстрашный Лемминкайнен.

Как родилась Финляндия

В давние-давние времена не было ни солнца, ни звезд, ни луны, ни земли. Не было вообще ничего. Был только воздух, а под ним огромные и бесконечные просторы вод. Однажды волшебница *Ильматар*, дочь бога воздуха, спустилась вниз из своего голубого дома и начала бродить над морем, задевая лазурные волны.

Она играла с пеной и солеными брызгами, скользила по гребням волн и украшала свою белокурую голову короной из водорослей. Вскоре это занятие ей наскучило, и она прилегла на волны, опустила голову в седую пену, а ее волосы растеклись по воде.

Море медленно качало ее на волнах, тихонько баюкая, как в колыбели. Богиню одолела сладкая дремота.

Вдруг в небе появилась огромная птица. Она долго летела, очень устала и искала место, где бы перехватить. Птица хотела построить гнездо, но вокруг не

было ничего, только вода. Обессилев, она была крыльями по волнам и разбудила шумом богиню. *Ильматар* открыла большие голубые глаза и увидела в бледном свете, разливавшемся во Вселенной, темный силуэт. Богиня медленно подняла из воды колено. Птица, собрав остатки сил, подлетела ближе и опустилась на него.

Богиня и птица долго качались на волнах. На колене было свито гнездо, птица отложила в него шесть золотых яиц и одно железное и начала их высиживать. Один, два, три дня сидела птица на яйцах, и они становились все горячее и горячее. На четвертый день богиня не смогла больше выдерживать жар в колене: она резко повернулась, яйца выпали из гнезда и разбились. Птица с криком расправила крылья и исчезла в прозрачном воздухе. И тогда в беспредельной Вселенной свершилось чудо.

Скорлупа золотых яиц увеличилась и образовала купол неба, изогнувшись над землей. Желтки стали звездами, солнцем, луной, а маленькие черные кусочки железного яйца превратились в тучи и быстро понеслись над морем.

Так появились небо и земля, но и они показались *Ильматар* несовершенными. Тогда богиня поднялась над водой. Она коснулась пальцами мягкой земли – и возникли заливы и бухты. Ударила серебряными ногами по глиняной почве – и появились широкие равнины. Там, где богиня опустила голову, ее вьющиеся волосы образовали озера, реки и водопады, да так много, как нигде в мире. Маленькими шагками *Ильматар* пробиралась через них к океану, и где проходила богиня, из-под воды выступали острова. Так родилась Финляндия, удивительная земля сорока тысяч озер, скал и островов.

Рис. Ю. Тихонова. Скалы

Из руны первой

Создание мира небесной девой Ильматар

Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.
Утка, та красотка-птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено.
Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое – из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит –
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,

Словно в пламени колено,
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает –
Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла Мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный;
Из желтка, из верхней части,

Солнце светлое явились;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.

Ильматар – дочь бога воздуха.

Магия – чудодейственные обряды и заклинания, призванные воздействовать на природу, людей, животных и богов.

СЛАВЯНСКИЙ МИФ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ ИЗ ЯЙЦА В ОБРАБОТКЕ А. Н. АФАНАСЬЕВА

В давние времена Земля была пуста, ничего на ней не было – только камень. Пожалел о том Бог и послал своего петуха, да оплодит он Землю. Кочет сел в пещере и снес чудесное яйцо, из которого истекло семь рек; они наводнили равнины, и вскоре все кругом зазеленело, запестрело цветами и преисполнилось всяких плодов. Без забот, счастливо жили в том раю люди.

*Эпос, эпическая поэма.
Миф, космогонический миф, мифический герой, руна.*

Вопросы и задания

1. Соотнесите определения и понятия.

Миф	старинная эпическая песня
Эпос	древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле
Руна	род литературы, в произведениях которого повествуется о событиях и героях

2. Вставьте недостающие по смыслу слова.

«Калевала» – это название _____ эпоса. Слово «Калевала» означает _____. Персонажами «Калевалы» являются _____. Миф о небесной деве Ильматар повествует о происхождении земли из _____.

3. Найдите сходство и различие финского и славянского мифов о сотворении Земли.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины... героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа.

А. Н. Толстой

ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА

С фольклором человек знаком с колыбели. Трудно представить себе человека, который никогда не слышал сказок, не отгадывал загадок. Они возникли давным-давно. Передаваясь от отца к сыну, от бабушки к孙ку, сохранились они до нашего времени. Фольклор – это устное народное творчество, само слово в переводе с английского языка значит «народная мудрость».

Величайшее богатство народа – его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно сохраняются в слове несметные сокровища человеческой мысли и жизненного опыта. Что же значило для народной жизни слово? Оно утешало, помогало, лечило, вдохновляло на труд и подвиг.

Умение хорошо, то есть образно и умно, говорить высоко ценилось. Далеко не каждый владел этим искусством. Сказка, загадка, пословица и другие фольклорные жанры

Рис. И. Билибина

учили образно мыслить, понимать речь и пользоваться иносказанием.

Сказка – один из основных жанров фольклора. Это вымышленный рассказ о каких-то необычных событиях. Сказки сочинялись издавна и передавались из поколения в поколение, передавались из уст в уста. Они впитывали в себя историю народа, красоту русской природы.

Народные сказки имеют множество вариантов, потому что в разных местностях их рассказывали по-особому.

Сказки широко бытовали и на территории Вологодского края.

В XIX веке начинается собирание сказок. В 1850–1860-е годы публикуется обширное собрание А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». В нем впервые были широко представлены вологодские тексты сказок о животных («Лисаповитуха», «Кот, петух и лиса», «Кот и лиса», «Свинья и волк», «Журавль и цапля», «Байка о щуке зубастой»), волшебных сказок («Морозко», «Перышко Финиста-ясна сокола», «Чудесная дудка»), бытовых сказок («Сказка о злой жене»).

Среди собирателей вологодского фольклора широкую известность приобрел Н. А. Иваницкий, записавший на тер-

ритории Вологодской губернии еще в конце XIX века более 60 сказок. В 1915 году братья Б. М. и Ю. М. Соколовы издали большую книгу «Сказки и песни Белозерского края», в которую вошли тексты, записанные на территории Бело-зерского и Кирилловского уездов.

Сказки были воплощением русской души, отражением народных нравов, обычаяев, представлений о мире.

Представления об окружающей действительности, о добре и зле воплотились и в других жанрах фольклора: былинах, преданиях, песнях, в том числе и в детском фольклоре.

Совсем маленького ребенка убаюкивали колыбельными песнями. Играя с малышом, произносили пестушки и потешки – короткие стихотворные приговоры, которыми сопровождаются движения ребенка в первые месяцы жизни (пестовать – значит нянчить; тешить, потешить – развлекать, веселить). Ребенку постарше рассказывали прибаутки, маленькие сказочки в стихах. Часто использовали прибаутки-перевертыши, небылицы, сказочки, в которых все перепутано, перевернуто наоборот, например:

Рис. Л. Кузнецова. «Дождик, дождик пуще...»

Был я на меленке,
Видел я диковинку:
Козел муку сеет,
Козлиха подсевает,
Маленьки козлятка
В скрыпочку играют...

А потом наступала очередь загадок. Загадка – краткое поэтическое описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать. Но это описание иносказательное, то есть дается сравнение явления или предмета с чем-либо. С помощью загадки испытывали сообразительность человека. В этом жанре окружающий мир показан ярко, образно. Солнце в загадке изображалось так: «Летом греет, зимой холодит». А прорубь сравнивалась с дырой в шубе: «Шуба нова, а на подоле дыра».

Важное место в фольклоре отводилось пословицам и поговоркам. Эти короткие изречения содержат глубокую народную мудрость. Поговорка – меткое образное выражение, а пословица – поучительное жизненное наблюдение. Поговорка отличается от пословицы тем, что она не содержит вывода и представляет собой только часть предложения, а пословица – законченное предложение, часто с нравоучительным выводом. С помощью пословиц и поговорок передавался жизненный опыт: «Со своей стороны и ворона родня», «Без ума голова – котел», «Ночью все коты серы».

Поздним жанром фольклора является частушка. Она возникла лишь во второй половине XIX века. Частушки – это короткие рифмованные куплеты, их пели на праздниках, на гуляниях. Они состоят из четверостиший или двустиший, в которых исполнитель рассказывает о своей жизни, о любви и разлуке, о радостях и обидах.

Таким образом, одни жанры фольклора были развлекательными (потешка, прибаутка, частушка), а другие (сказка, загадка, пословица, поговорка) учили. Многие произведения устного народного творчества сохранились по сей день.

Фольклор, жанры фольклора, сказка, волшебная сказка, бытовая сказка, сказка о животных, вариант сказки, рассказчик, пословица, песня, поговорка, потешка, прибаутка, загадка, частушка.

Вопросы и задания

1. По приведенным ниже словам узнайте и назовите пословицу.

Уродился – пригодился.

Мед – лед.

Кашка – чашка.

Припасиха – прибериха.

2. Прочитайте загадки. Какие из них содержат а) отрицательные сравнения; б) иносказание; в) шуточной смысл?

– Чашечка горошку рассыпана на дорожку.

– Черен, да не ворон; рогат, да не бык; о шесть ног, да без копыт.

– Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестун.

3. Соедините строки первого и второго столбиков так, чтобы получилась частушка.

Мою милашку звали Машкой,
Рукодельная была...

...Если голову сломают,
Я корчагу привяжу.

Ой, как жуковски девахи
Баско наряжаются...

Я отчаянный родился
И собой не дорожу...

Кабы, кабы да кабы,
На носу росли грибы...

...В решето коров доила,
Помелом избу мела.

...Сами бы варились
Да и в рот катилися.

...Не умеют щей варить –
Замуж собираются.

4. Составьте небольшой рассказ, историю, выводом которого может служить пословица «Слово толковое стоит целкового».

5. Составьте свой сборник «Дивлюсь народной речи», включая в него пословицы, поговорки, загадки, частушки Вологодского края.

СКАЗКИ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

ПЕРЫШКО ФИНИСТА-ЯСНА СОКОЛА

Из собрания А. Н. Афанасьева

Был-жил старик со старухою. У них было три дочери; меньшая была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит:

— Дочери мои любезные! Что вам надобно, приказывайте, — все искуплю на ярмарке.

Старшая просит:

— Купи мне, батюшка, новое платье.

Середняя:

— Купи мне, батюшка, шалевой платочек.

А меньшая говорит:

— Купи мне аленъкий цветочек.

Засмеялся старик над меньшою дочкию:

— Ну что тебе, глупенькая, в аленъком цветочке? Много ли в нем корысти! Я тебе лучше нарядов накуплю.

Только что ни говорил, никак не мог уговорить ее: купи аленъкий цветочек — да и только.

Поехал старик на ярмарку, купил старшей дочери платье, середней — шалевой платок, а цветочка аленъкого во всем городе не нашел. Уж на самом

выезде попадается ему незнакомый старичик — несет в руках аленъкий цветочек.

— Продай мне, старинушка, твой цветок!

— Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдет за моего сына — Финиста-ясна сокола, так отдам тебе цветок даром.

Призадумался отец: не взять цветочка — дочку огорчить, а взять — надо будет замуж ее выдать, и Бог знает за кого. Подумал-подумал, да таки взял аленъкий цветочек. «Что за беда! — думает. — После присватается, да коли нехорош, так и отказать можно!»

Приехал домой, отдал старшей дочери платье, середней шаль, а меньшухе отдает цветочек и говорит:

— Не люб мне твой цветочек, дочь моя любезная, больно не люб! — А сам шепчет ей потихоньку на ухо: — Ведь цветочек-то заветный был, а не продаж-

Рис. Б. Шахова. Возвращение с ярмарки

ный; взял я его у незнакомого старика с условием отдать тебя замуж за его сына Финиста-ясна сокола.

— Не печалься, батюшка, — отвечает дочка, — ведь он такой добрый да ласковый; ясным соколом летает по поднебесью, а как ударится о сырую землю — так и станет молодец молодцом!

— Да ты разве его знаешь?

— Знаю, знаю, батюшка! В прошлое воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!

Старик покачал головой, посмотрел на дочь таково пристально, перекрестил ее и говорит:

— Поди в светелку, дочка моя милая! Уж спать пора; утро вечера мудренее — после рассудим!

А дочка заперлась в светелке, опустила аленький цветочек в воду, отворила окошко, да и смотрит в синюю даль.

Откуда ни возьмись — взвился перед ней Финист-ясен сокол, цветные перышки, впорхнул в оконечко, ударился об пол и стал молодцем. Девушка было испугалась; а потом, как заговорил он с нею, и невесть как стало весело и хорошо на сердце. До зари они разговаривали — уж не ведаю о чем; знаю только, что, как начало светать, Финист-ясен сокол, цветные перышки, поцеловал ее, да и говорит:

— Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая! Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко

да только махни им в правую сторону — и вмиг перед тобой явится все, что душе угодно!

Поцеловал ее еще раз, обернулся ясным соколом и улетел за темный лес.

Девушка посмотрела вслед своему суженому, затворила окно и легла почивать. С той поры каждую ночь, лишь поставит она аленький цветочек на растворенное окошечко, прилетает к ней добрый молодец Финист-ясен сокол.

Вот наступило воскресенье. Старшие сестры стали к обедне наряжаться.

— А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету! — говорят младшей.

Она отвечает:

— Ничего, я и дома помолюсь!

Старшие сестры ушли к обедне, а меньшая сидит у окна вся запакованная да смотрит на православный народ, что идет к церкви Божией. Выждала время, вышла на крылечко, махнула цветным перышком в правую сторону, и откуда ни возьмись — явились перед ней и карета хрустальная, и кони заводские,

и прислуга в золоте, и платья, и всякие уборы из дорогих самоцветных каменьев.

В минуту оделась красная девица, села в карету и понеслась в церковь. Народ смотрит да красоте ее дивуется.

— Видно, какая-нибудь царевна приехала! — говорят промеж себя люди.

Как запели «Достойно», она тотчас вышла из церкви, села в карету и укатила назад. Люд православный вышел было поглязеть, куда она поедет; да не тут-то было! Давно и след простыл.

А наша красавица лишь подъехала к своему крылечку, тотчас махнула цветным перышком в левую сторону: вмиг прислуга ее разделя, и карета из глаз пропала. Сидит она по-прежнему как ни в чем не бывало да смотрит в окошечко, как православные из церкви по домам расходятся. Пришли и сестры домой.

— Ну, сестрица, — говорят, — какая красавица была нонче у обедни! Просто загляденье, ни в сказке сказать, ни пером написать! Должно быть, царевна из иных земель приезжала — такая пышная, разодетая!

Наступает другое и третье воскресенье; красная девица знай морочит народ православный, и сестер своих, и отца с матерью. Да в последний раз стала раздеваться и позабыла вынуть из косы бриллиантовую булавку. Приходят из церкви старшие сестры, рассказывают ей про царевну-красавицу да как взглянут на сестру-меньшуху, а бриллиант так и горит у нее в косе.

— Ах, сестрица! Что это у тебя? — закричали девушки. — Ведь точь-в-точь этакая булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала ее?

Красная девица ахнула и убежала в свою светелку. Расспросам, догадкам, перешептываньям конца не было; а меньшая сестра молчит себе да потихоньку смеется.

Вот большие сестры стали замечать за нею, стали по ночам у светелки подслушивать, и подслушали один раз разговор ее с Финистом-ясным соколом, а на заре своими глазами увидели, как выпорхнул он из окна и полетел за темный лес. Злые, видно, были девушки — большие сестрицы: уговорились они поставить на вечер потаенные ножи на окне сестриной светелки, чтобы Финист-ясен сокол подрезал свои цветные крыльшки.

Вздумали — сделали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленький цветочек на окно, прилегла на постель и крепко заснула. Прилетел Финист-ясен сокол да как порхнет в окошко и обрезал свою левую ножку, а красная девица ничего не ведает, спит себе так сладко, так спокойно. Сердито взвился ясен сокол в поднебесье и улетел за темный лес.

Поутру проснулась красавица, глядит во все стороны — уж светло, а добра молодца нет как нет! Как взглянет на окно, а на окне крест-накрест торчат ножи острые, и каплет с них алая кровь на цветок. Долго девица заливалась горькими слезами, много

бессонных ночей провела у окна своей светелки, пробовала махать цветным перышком – все напрасно! Не летит ни Финист-ясен сокол, ни слуг не шлет! Наконец со слезами на глазах пошла она к отцу, выпросила благословение.

– Пойду, – говорит, – куда глаза глядят!

Приказала себе сковать три пары железных башмаков, три костыля железные, три колпака железные и три просвиры железные: пару башмаков на ноги, колпак на голову, костыль в руки, и пошла в ту сторону, откуда прилетал к ней Финист-ясен сокол.

Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. Девица говорит:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом. Избушка повернулась к ней передом. Вшла в избушку, а в ней лежит Баба-Яга – из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается! Куда путь, красная девица, держишь? От дела лытаешь али дела пытаешь?

– Был у меня, бабуся, Финист-ясен сокол, цветные перышки; сестры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста-ясна сокола.

– Далеко ж тебе идти, малютка! Надо пройти еще тридевять земель. Финист-ясен сокол, цветные перышки, живет в пятидесятном царстве, в осьмидесятом государстве и уж сосватался на царевне.

Баба-Яга накормила-напоила девицу чем Бог послал и спать уложила, а наутро, только свет начал брезжиться, разбудила ее, дала дорогой подарок – золотой молоточек да девять бриллиантовых гвоздиков – и наказывает:

– Как придешь к синему морю, невеста Финиста-ясна сокола выйдет на берег погулять, а ты возьми золотой молоточек в ручки и поколачивай бриллиантовые гвоздики; станет она их покупать у тебя, ты, красная девица, ничего не бери, только проси посмотреть Финиста-ясна сокола. Ну, теперь ступай с Богом к моей середней сестре!

Опять идет красная девица темным лесом – все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушки в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена – и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается.

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти – хлеба ести.

Избушка повернулась к лесу задом, к девице передом. Входит туда, а в избушке лежит Баба-Яга – из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух

по вольному свету стал ходить! Куда, красная девица, путь держишь?

– Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола.

– Уж он жениться хочет. Нонче у них девишик, – сказала Баба-Яга, накормила-напоила и спать уложила девицу, а наутро чуть свет будит ее, дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает:

– Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку, выйдет к тебе невеста Финиста-ясна сокола, станет покупать блюдечко с шариком; а ты ничего не бери, только проси посмотреть Финиста-ясна сокола, цветные перышки. Теперь ступай с Богом к моей старшей сестре!

Опять идет красна девица темным лесом – все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя проповедица изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках – то и дело поворачивается.

– Избушка, избушка! Поверни к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти – хлеба ести.

Избушка повернулась. В избушке опять Баба-Яга лежит из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом было не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит! Куда, красная девица, путь держишь?

– Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола.

– Ах, красная девица, уж он на царевне женился!

Вот тебе мой быстрый конь, садись и поезжай с Богом! – Девица села на коня и помчалась дальше, а лес все реже да реже.

Вот и сине море – широкое и раздольное – разлилось перед нею, а там вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных. «Знать, это царство Финиста-ясна сокола!» – подумала девица, села на сырчий песок и поколачивает золотым молоточком бриллиантовые гвоздики. Вдруг идет по берегу царевна с мамками, с няньками, с верными служанками, остановилась и ну торговаться бриллиантовые гвоздики с золотым молоточком.

– Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста-ясна сокола, я тебе их даром уступлю, – отвечает девушка.

– Да Финист-ясен сокол теперь спит, никого не велел пускать к себе; ну, да отдай мне свои прекрасные гвоздики с молоточком – уж я, так и быть, покажу его тебе.

Взяла молоточек и гвоздики, побежала во дворец, воткнула в платье Финиста-ясна сокола волшебную булавку, чтобы он покрепче спал да побольше от сна не вставал; после приказала мамкам проводить красную девицу во дворец к своему мужу, ясну соколу, а сама гулять пошла.

Долго девица убивалась, долго плакала над мильным; никак не могла разбудить его... Нагулявшись

вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. **Финист-ясен сокол** проснулся.

— Ух, как я долго спал! Здесь, — говорит, — кто-то был, все надо мной плакал да причитывал; только я никак не мог глаз открыть — так тяжело мне было!

— Это тебе во сне привиделось, — отвечает царевна, — здесь никто не бывал.

На другой день красная девица опять сидит на берегу синего моря и катает бриллиантовый шарик по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидала и просит:

— Продай мне!

— Позволь только посмотреть на Финиста-ясна сокола, я тебе и даром уступлю!

Царевна согласилась и опять приколола платье Финиста-ясна сокола булавкою.

Опять красна девица горько плачет над милым и не может разбудить его.

На третий день она сидит на берегу синего моря такая печальная, грустная и кормит своего коня калеными угольями. Увидала царевна, что конь жаром кормится, и стала торговаться с ним.

— Позволь только посмотреть на Финиста-ясна сокола, я тебе его и даром отдам!

Царевна согласилась, прибежала во дворец и говорит:

— **Финист-ясен сокол!** Дай я тебе в голове поищу. — Села в голове искать и воткнула ему в волосы булав-

ку — он тотчас заснул крепким сном; после посыпает своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует, а сама горько-горько плачет; нет, не просыпается! Стала ему в голове искать и выронила нечаянно волшебную булавку — **Финист-ясен сокол**, цветные петушки, тотчас проснулся, увидел красную девицу и так-то обрадовался! Она ему рассказала все как было: как позавидовали ей злые сестры, как она странствовала и как торговалась с царевною. Он полюбил ее больше прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел, не мешкая, созвать бояр и князей и всякого чину людей. Стал у них спрашивать:

— Как вы рассудите, с которой женою мне век коротать — с этой ли, что меня продавала, или с этою, что меня выкупала?

Все бояре и князья и всякого чину люди в один голос решили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повесить на воротах и расстрелять. Так и сделал **Финист-ясен сокол**, цветные петушки!

Обедня — церковная служба.

Заводские кони — племенные кони, выведенные на конезаводе.

«Достойно» — молитва, начинающаяся со слова «достойно».

Светелка — небольшая комната, обычно в верхней части крестьянской избы.

Просвира — белый круглый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения.

Нонче — нынче, сегодня.

МОРОЗКО

Никольский вариант сказки

Жили-были старик да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую dochь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

— Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают.

Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчуна, а дочки ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы

старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

— Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

— Ладно, — сказал старик и побрел себе на пень; а старуха вслед ему:

— Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано всталла, умылась, Богу помолилась, все собрала, передом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал:

— Ну, я все изладил!

— Садитесь за стол да жрите! — сказала старуха.

Старик сел за стол и dochь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул челпан и нарушал хлеба и себе

Рис. И. Билибина.
Морозко и падчерица

и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

— Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, — знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завыла.

— Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!

Старик молча уклав пожитки, велел дочери накинуть шубняк и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

— Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковее. — А после заворотил лошадь — и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит:

— Тепло ли те, девица?

— Тепло, тепло, батюшко Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу:

— Тепло ли те, девица?

Тепло ли те, красная?

Девица чуть дух переводит, но еще говорит:

— Тепло, Морозушко!

Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал:

— Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло, ли те, лапушка?

Девица окостеневала и чуть слышно сказала:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжался, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит:

— Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и девица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья.

– Э, не обманешь меня.

Вот спустя немного старуха говорит старику:

– Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!

Нескоро дело делается, скоро сказка сказываеться. Вот поутру кормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила.

Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши девицы сидят да посмеиваются:

– Что это у матушки выдумано – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт приедет, и не знаешь какой!

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко.

– Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженый не приедет, так мы здесь околеем.

– Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед на дворе.

– А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмет?

– Не тебя ли, дурище?

– Да, мотри, тебя!

– Конечно, меня.

– Тебя! Полное тебе цыганить да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши девицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

– Ой ты, заспанная рожа! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

– Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!

Так девицы раставаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

– Что долго нейдет? Виши ты, посинела!

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскакивать да пощелкивать. Девицам послышалось, что кто-то едет.

– Чу, Параха, уж едет, да и с колокольном.

– Поди прочь! Я не слышу, меня мороз обдирает.

– А еще замуж нарохтишься!

И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит:

– Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?

– Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул.

Морозко стало ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать.

— Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?

— Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли.

Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал:

— Тепло ли вам, девицы?

— Убирайся ко всем чертам в омут, сгинь, окаянный! — и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит:

— Запряги-ка ты, старик, пошевенки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало. Чай девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровей, старый хрыч!

Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мёртвыми. Он в пошевенки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала:

— Что детки?

— В пошевнях.

Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мёртвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила:

— Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных

семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу!

— Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямщицы! Коли я виноват? Ты сама захотела.

Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать.

Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. Старик внучат Морозком страшал и упрямиться не давал. Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

Голик — веник из веток без листьев.

Коробейка — короб, лубяное или берестяное изделие для хранения и носки чего-нибудь.

Исподка — нижняя рубаха.

Коник — широкий ларь у входной двери, в котором хранили инструменты, посуду, продукты.

Челпан — целый, неразрезанный каравай хлеба.

Мотри-ка — смотри.

Мянда — сосна.

Цыганить — здесь: обманывать, выманивать.

Растабаривать — болтать, беседовать.

Нарохтиться — собираться, порываться, стремиться.

Пошевенки — широкие сани, обитые лубом.

Охабочка — охапка.

Опахало — покрывало.

Воровей — проворней.

Рогожка — грубая ткань из мочала.

Сусед — сосед.

МОРОЗКО

Тарногский вариант сказки

Жили да были в одном селе старик да старуха. И было у них две дочери.

Одна дочь – старику родная дочь, а вторая – старухе родная дочь. Старикова-то дочь, Маша ее звали, была стройна, хороша и на лицо очень уж красива. А как на всякую работу была – не было такой работы, чтобы она не могла сделать. И была она очень послушна, и все ее в селе даже очень любили.

А вот старуха, наоборот, свою дочку любила, и только ее и хвалила. Хотя была она картава и ряба, и лицо было все в ямах, как будто споном торкнул в него кто-то. А ленива была какая! В избе полу не подметет, со стола посуду не уберет. А неслух какой был! Никого не слушалась. Выйдет на дорогу и стоит как пень. А работу выполнять ей всякую было лень, и доброго слова с людьми сказать не может. Обеим девушкам было уже по 13 лет.

Все люди Машу любили и ее лишь только хвалили. А старуха, наоборот, любила только свою дочь, а Машу ненавидела. И захотела ее совсем со свету сжить. Начала старику нашептывать: свези свою Машу в лес, пускай ее там мороз заморозит иль медведи да волки съедят.

Долго стариик не соглашался на такое дело, но не стала старуха давать старику покоя: свези и свези в лес Машу. А дело было зимой. Ночевали они все

ночку, съели по кусочку, стариик запряг лошадь, зашел в избу, надел тулуп и говорит Маше:

– Собирайся, мы с тобой в лес за дровами поедем.

Маша была очень послушна, быстренько оделась, и поехали в лес. Посадил стариик Машу под елку и сказал ей:

– Посиди здесь, пока я дров воз нарублю.

Завернул лошадь и уехал домой, хотя очень жалко ему было Машу, но пришлось оставить.

Сидит Маша одна в лесу под елкой. Нет отца. И вечер пришел, его все нет, и дороги домой Маша не знает. Вот и ночь настала. Морозко по елкам поскакивает, девоньку Машу в лоб поколачивает:

– Девонька, девонька, каково тебе под елочкой сидеть? Не озябла ли?

– Хорошо, Морозушко, хорошо, батюшко! Очень тепло мне здесь у вас. Ведь мне и дома у мачехи было не теплее. Я ведь спала-то дома под порогом.

– Вот что, Маша, – говорит Мороз. – Я тебе дам работу. Я принесу полотна, сшей мне к утру белье: и штаны и рубаху. Да чтоб были как раз по мне, по Морозу.

– Хорошо, – говорит Маша, – мне не привыкать ночи не спать.

Принес Мороз Маше полотна целую трубу на белье. Принес свой тулуп теплой и сам ушел от Маши. Уже утром приходит он к Маше, а белье у Маши для Мороза уже готово и как раз по нему все сшито. А полотна еще много осталось.

— Это себе возьми, — говорит Мороз, — за работу.
— Нет, дедушка, я за работу и брать не приучена, да и положить ведь у меня некуда.

— Я принесу тебе сундук, будет у тебя куда положить. Будет и что положить. Для хороших людей я никогда плохой не бываю. Я всегда их труд уважаю и оплачиваю.

И приносит Маше большой-большой сундук. И сам мигом ушел, сказал только Маше на прощанье свое «До свиданья!» и скрылся.

Открыла Маша сундук, чтобы положить полотно, а там полно всякого добра. Есть что покушать и есть что одеть.

Когда вернулся отец-старик домой, обрадовалась мачеха, что оставил старик Машу в лесу. Она думала, что замерзнет Маша или съедят ее медведи и волки. Посыпает она утром старика в лес:

— Захвати мешок с собой и привезешь домой кости от Маши.

Запряг старик лошадь и едет в лес на то место, где вчера оставил Машу. Смотрит под елку, а Маша сидит себе жива и здорова, и громадный сундук перед нею стоит. Обрадовался отец, составили они сундук на сани и поехали домой.

Увидела в окно мачеха Машу и глазам своим верить не хочет, что Маша живая.

— Ну, завтра свези и мою дочку в гости к Морозу. Пускай и она будет богата.

Ночевали ночку, позавтракали, и повез старик в лес старухину дочку. Посадил под ту же самую елку, а сам домой уехал.

Сидит она не шелохнется, руками-ногами шевельнуть лень. Вот и ночь пришла. А Морозко по елкам поскакивает, девоньку в лоб поколачивает.

— Девонька, девонька, каково тебе под елочкой сидеть? Не озябла ли?

Как заругается на него старухина дочка:

— Черт ты старой, Мороз-красной ты нос, неси мне скорее все, что Маше принес! Не привыкла я на холода спать да ночи без сна проводить.

— Сначала надо заслужить, — говорит Мороз. — Я принесу тебе полотна, сшей мне к утру из него белье для меня.

— Очень ты мне нужен! Чтоб я работала на тебя?! Я вообще не приучена работать.

Ничего не сказал больше Мороз старухиной дочке, сел на ту елку, под которой сидела старухина дочка, и давай ее морозить. Ну и заморозил насмерть.

Приехал утром старик в лес, смотрит под елку, где осталась старухина дочка, а там лежат одни косточки. Собрал он их, завернул в тулуп и привез старухе одни косточки от дочки.

А Маша выросла большая, и посватался к ней жених. Такой же хороший и красивый, и работящий, как и Маша сама. Сделали они хорошую свадьбу. Дали пир на весь мир. На том пиру ведь и я был, пиво и вино пил, по усам текло, только в рот почему-то не попало. А почему? Я того и сам не знаю.

Вот, дети, до чего доводит лень-то, ее благородие. Любите жизнь, любите труд!

(Записано М. А. Вавиловой и Т. Сахаровой в 1965 году от А. И. Едемского, 1899 года рождения, крестьянина д. Ананьевской (Помелихи) Тарногского района. Печатается по рукописи: Фольклорный архив Вологодского государственного педагогического университета.)

Вопросы и задания

1. Найдите черты волшебной сказки в прочитанных произведениях.
2. Сопоставьте два варианта сказки «Морозко». Чем схожи сюжеты этих сказок? Какие вы видите отличия?
3. Найдите и зачитайте зacin и концовку в обеих сказках. Какой вариант зacина и концовки обычно встречается в сказках? Чем можно объяснить различие этих вариантов?
4. В чем заключается поучительный смысл прочитанных сказок?
5. Какие типы сказок, кроме волшебной, вам известны? Найдите их черты в сказках «Байка о щуке зубастой», «Государь, поп и роботник».

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуньи, ерши – все собирались глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася; шел паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все рассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать, издали увидит леща, да и хвать его зубами – леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает. Собралась вся мелкая рыбница, и стали

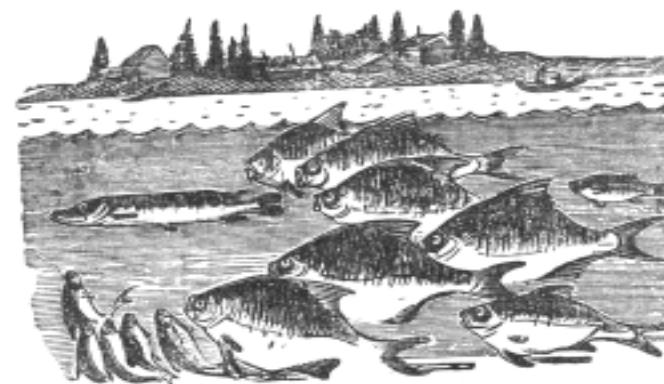

Рис. К. Кузнецова

думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наскоро взголцыл: «Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить; а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем тепере в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить – в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи».

И поднялись все ерши, лещи, окунь из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней браты изловил на удочку и сварил забубённую ушицу, да тем, кажись, заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадается стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала; как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червяков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.

Вершок – русская мера длины, равная 4,4 см.

Оказия – удобный случай.

Торовастый – бойкий, ловкий.

Взголцыть – громко крикнуть.

Баять – говорить.

ГОСУДАРЬ, ПОП И РОБОТНИК

В маленьком приходе жил священник, он жил исправно, не было заботы никакой; и так он ожирел порато! И пришлось ему побывать к государю лично. И спрашивает его государь: «Вы, отец духовной, из какого приходу, и что вы ожирели, батюшка, так порато?» – «А вот, потому что нет никакой заботы». – «А вот я тебе загану три загадки – отгадай. Через мисяц и приходи ко мне». – «Какие, говорит, ваше императорское величество?» – «А вот, говорит, перва загадка: чего я стою? А вторая загадка: на своём коне, во сколько время всю Рассию могу объехать? А третья загадка: чего у меня на уме?» Всё хорошо. «Ступай домой, подумай и приходи». У попа жил роботник. Приходит поп домой печельный, в заботе такой: не отгадает – житьё будет плохое. Всё похудел, хуже стал. Попадья его спрашивает – «Да, вот загадки государь загадал, а отгадать не могу». Потом роботник спрашивает: «Отчего это вы, батюшко, похудели?» – «Да вот, говорит, так и так, загадал государь три загадки, а отгадать не могу». – «А давайте, отгадаю, отпустите меня». – «А ступай, иди с богом». Одел во всю одежду попову роботник и отправился туды. Приходит роботник, говорит прислуге: «Доложите, что поп пришел». Прислуга доложила. Государь и говорит: «Пусть приходит». «Ну что, говорит, отгадал ли загадки?» – «Точно так, ваше императорское величество». – «Ну, какие загадки?» – «Вот перва загадка: чего я стою?» – «А вот чего вы

стоите, говорит, Иисуса Христа продали за 30 серебренников, а вы первой помазанник после Иисуса Христа, так вы 29 серебренников стоите». – «Хорошо». – «А вторая, говорит, загадка: во сколько время могу всю Рассею изъездить?» – «А вот будь, ваше императорское величество, ваш конь, как соньцё, в 24 часа объехали бы весь свет». – «А третья загадка: что у меня на уме?» – «Думаете, что мне не отгадать?». – «Вот так, говорит, поп – молодец!» Выхвалил государь попа. «Нет, ваше императорское величество, я, говорит, не поп, а я его роботник». – «Ну, так будь ты попом, а поп пусть роботником».

Свешненик – священник.

Порато – скоро, хорошо, очень.

Загану – загадаю.

Серебренник – монета.

Соньцё – солнце.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Особыми жанрами фольклора являются легенды и предания. Легенда – это устный рассказ религиозного характера о явлениях, происходящих не по воле человека, а под действием каких-либо высших, божественных сил. Легенды обычно повествуют о каком-то чуде. Они объясняют те законы, по которым существует мир и должен жить человек, учат правильному поведению и отношению к окружающим. А предания рассказывают о событиях реальных, естественных. Они часто поясняют происхождение разных народов, повествуют, как были основаны некоторые города, освоены новые территории, как возникли те или иные географические названия.

Легенды и предания, как и другие жанры фольклора, переходили от поколения к поколению и записывались собирателями. Со времен появления предания и легенды часто воспринимались в народе как достоверный источник исторических сведений. Пересказы легенд и преданий мы можем найти и в древних летописях, и в произведениях современных писателей и поэтов.

О НАЧАЛЕ ВОЛОГДЫ

Летописи сообщают

«Что касается до начала сего города, когда и от кого построен, и какие именно издревле в сих пределах народы жительствовали, о том и обстоятельное и верное известие не мог отыскать... Впро-

чем, означается, что Вологда городом и до разорения Батыем ханом татарским в населении была. О чем видно по житию преподобного Герасима Вологодского, который на Вологду прииля за девяносто лет, и построил монастырец прежде нашествия Батыева на Россию, но и тогда до пришествия сего преподобного, города селение и торговое место было. Також и из грамоты от новгородцев к великому князю Ярославу Ярославовичу, тоже и от других обстоятельств видимо. По разумению же иностранных из описания о России печатанного в Голландии, в Лейдене на латинском языке в типографии Елцевириеве 1630 году значится тогда, что Вологодская провинция лесиста и болотиста, так что путешественники чрез оную с великим трудом проходить могут, и что прежде несколько времени была сия провинция под новгородскою властию... город Вологда имеет де замок очень

крепкий как по положению места, так и по работе, в которой российский великий князь во время необходимости часть своих сокровищ обыкновенно соблюдал, для чего де каменною стеною толстою и высокою обнести постарался, приупоминается и о коммуникации, и что по реке Вологде город и провинция именование свое имеет...»

Герб Вологды

«На Вологду прииде от Киева преподобный Герасим и во имя Пресвятой Троицы монастырь возгради от реки Вологды в полуверсте на ручью, зовомом Касарове. Рождением же был града Киева постриженник Глушенского монастыря, преставился 6656 (1148) марта в 4 день.

...Пришествие его к значенному месту приупоминается: яко прииде на великий лес на средний посад Воскресенья Христова ленивые площадки малого торжку, а посему как и из жития сего преподобного видимо, что до него имелося селение города посадом и торгом, который и ныне называется ленивой площадью, а при оном бывала прежде и церковь соборная деревянная на каменном обложении...»

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ АРИНИН (Род. в 1935)

Писатель Владимир Иванович Аринин в книге «Вологодский клад» тоже использует народные легенды и предания. Он родился в 1935 году и сейчас живет в Вологде, пишет пьесы и прозу. Его интересует история России, особенно культура родного края. Книги Владимира Аринина посвящены и великому русскому поэту А. С. Пушкину, и событиям Великой Отечественной войны, и древней истории Вологодской земли. Есть у него и произведения для детей: «Сказки Черноглазки», «Атлантида», «Оранжевая звезда», а также другие истории, рассказывающие о происшествиях необычайных и удивительных. Давайте познакомимся с главами из книги «Вологодский клад».

«ВОЛОГОДСКИЙ КЛАД»

Главы из книги

Вологодские легенды

Как в наше космическое время, так и в любые другие времена людям было свойственно стремление к чудесному, невероятному.

С древних времен люди слагали сказки, создавали легенды. Ты не знаешь, что такое легенда? Это – рассказ о чудесном, необыкновенном. В нем что-то правда, а что-то выдумка.

Много легенд хранит в памяти наш город. Хочешь их узнать? Я ничего не буду придумывать. Я только перескажу их для тебя своими словами.

Начало Вологды

В старину наши северные земли были покрыты лесом. Тянулся он без конца и края – дремучий, суровый. Много диких зверей и птиц водилось в нем. В глубь леса можно было проникнуть лишь по рекам.

Реки были широки, полноводны, богаты рыбой. Повсюду в лесных чащах сверкали на солнце большие и малые озера, дымились туманами непроходимые болота и топи.

И вот попал тогда в наши края старец Герасим. Долго плыл Герасим в большой лодке по спокойной светлой реке, наконец причалил к берегу, вы-

шел на него, огляделся. Понравилось ему место. «Вот здесь, – подумал старец, – заложу я город». Смотрит, а на обрыве уже стоят несколько срубленных из толстых бревен дворов и церквушка.

– Как называется это поселение? – спросил Герасим у местных жителей.

– Вологда, – ответили ему.

– А почему Вологда? – поинтересовался Герасим.

– А потому, – объяснил один из жителей, – что на финском языке это означает – светлая, ясная.

– Нет, – заспорил с ним другой, – название Вологда происходит от того, что путникам и рыбакам приходилось волочить от других рек до нашей реки лодки по земле, то есть тащить волоком.

– Не то, – сказал третий. – Волок – значит большой лес. От этого и Вологда.

И принялись они спорить и доказывать, кто из них прав. А Герасим подумал: «Не все ли равно, от чего название происходит? Самое главное, оно уже есть. И поселение уже есть».

Колокольня Вологодского кремля

Воины в белых одеждах

Из небольшого поселения Вологда постепенно превратилась в город, который рос иширился.

Но вот однажды зимой окружило Вологду несметное вражеское войско. Тревожно зазвенели над городом колокола, созывая его защитников: «Спасайте родной город! Быть бою!»

Но поняли вологжане – не устоять им: слишком многочисленны и сильны враги.

Горели, окружая Вологду, костры. Горели волчьими огоньками глаза у завоевателей. Вот-вот они кинутся на город.

Замер в смертном страхе город. Даже малые дети не плачут – затаились.

Но что это? Неизвестно откуда на вологодских улицах появились два никому не ведомых воина в белых одеждах. Идут они по снегу, а следов не оставляют. Так прошли они всю Вологду. Вот оказались за городскими стенами. И вдруг, вырвав из ножен огненные мечи, бросились на вражеский лагерь и начали всех подряд сечь и рубить нещадно.

Ринулись тогда на врагов вологжане. Опрокинули их и погнали прочь. Победа! Большая победа! Спасен город!

Но на поле боя нашли вологжане изрубленные мертвые тела двух незнакомцев. Белая их одежда была иссечена и превратилась в алые от крови клочья...

Похоронили их на поляне близ Вологды. С печалью, с благодарностью, с почестями.

И каждый год с тех пор устраивался на этой поляне в их память праздник. Девушки-вологжанки водили хороводы, а старики снова и снова рассказывали о подвиге воинов в белых одеждах.

Аника-воин помог

Из-за темных лесов, из-за бурных морей появились на русской земле три страшных всадника. И решили они все на своем пути уничтожить и наш город погубить.

Погнал первый всадник что есть мочи своего коня, взмахнул мечом – и началась война. Шла она несколько лет. Многие жители погибли. Разграблена была Вологда, разрушена, сожжена, но все же выстояла.

Заново отстроили вологжане свой город.

Но скачет второй всадник, костлявой рукой размахивает. Пришла в Вологду страшная болезнь, великий мор. Половина жителей в городе умерла. Однако перенесла Вологда это несчастье.

Убралась болезнь прочь, сгинула.

Мчится третий всадник. Это – голод. Плачут дети, стонут отцы и матери: «Хлеба! Хлеба!» Но и голоду не удалось наш город погубить.

Все выдержала Вологда, все вынесла. И стала краше прежней. Звонко звенели колокола, сверкали ярко купола на солнце, шумела, волновалась торговая площадь. На городских стенах стражи перекликались: «Славен город Вологда!»

Иноземные купцы охотно в наш город приезжали, торговали прибыльно и, удивляясь, спрашивали:

– Как это вы, вологжане, сумели все несчастья перенести?

– Да уж... – невесело усмехались вологжане. – Мы люди выносливые. Мы – русские. А притом нам Аника-воин помогал...

– Какой такой Аника-воин? – интересовались иноземцы.

– Был такой славный богатырь, – отвечали горожане.

И рассказывали, что жил в Вологде Аника-воин. В других местах над Аникой посмеивались. А в Вологде – нет. Здесь знали его как сильного и доброго богатыря. Он в Вологде немало подвигов совершил, помогал людям переносить беды и напасти.

В память о нем вологжане на одной из лесных полян, недалеко от города, каждый год в определенный день разжигали большой костер, угощали гостей блинами и яичницей и сами угощались.

Раз столько несчастий перенесено, можно и попраздновать.

Легенда, предание, художественный вымысел, символ.

Вопросы и задания

1. Сопоставьте летописное сказание и легенду, рассказанную В. И. Арининым, и ответьте на вопросы:

– Как в летописи и легенде объясняется происхождение названия города Вологда?

– Кто считается основателем г. Вологды? Как об этом говорится в легенде и летописи?

2. Назовите ключевые слова для рассказа об Анике-воине. Кого из героев фольклора напоминает Аника-воин? Почему?

3. В чем заключается подвиг воинов в белых одеждах? Что символизируют белые одежды?

4. О каком кладе идет речь в произведении В. И. Аринина «Вологодский клад»?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

СКАЗКИ РИХАРДА ФОН ФОЛЬКМАННА В ПЕРЕВОДЕ И ОБРАБОТКЕ Р. А. БАЛАКШИНА

Сказки – это один из жанров устного народного творчества. Во все века человек выражал в них свои лучшие устремления: потребность в добре, красоте, счастье, любви. Народные сказки привлекали к себе внимание многих писателей, стремившихся понять душу народа, его отношение к прошлому и настоящему, его мечты о будущем. Вам знакомо творчество А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, Г. Х. Андерсена и Ш. Перро. Эти знаменитые писатели являются авторами литературных сказок.

Познакомьтесь со сказками Рихарда фон Фолькманна.

Рихард фон Фолькманн (1830 – 1889) – немецкий хирург и писатель. Учился в городах Хале, Хиссене и Берлине. Впоследствии стал профессором хирургии, директором хирургической клиники. Во время франко-прусской войны (1870 – 1871) был военным врачом. Являясь одним из наиболее популярных и авторитетных хирургов своего времени, он дал много нового и оригинального в деле лечения ран на войне. Описал целый ряд новых болезненных форм, носящих и до сих пор его имя. Был блестящим медицинским техником и интересным лектором.

Кроме медицины, Фолькманн занимался и литературой. При его жизни было выпущено несколько книг: «Сновидения у французских каминов», «Стихотворения», «Маленькие истории». Произведения писателя были опубликованы под псевдонимом, то есть вымышленным именем, Рихард Леандер. Сказки Фолькманна учат милосердию и справедливости, его герои мудры, трудолюбивы, добры.

Литературный псевдоним

Волшебное кольцо

В одной деревне жил крестьянин – Ганс-простак. Сколько он ни трудился, никак не мог поставить на ноги свое хозяйство. Все дела у него шли кувырком.

Однажды сидел он на своем плуге и отдыхал, отирая пот с лица. По краю поля шла старуха с хитрыми глазами, про которую в деревне поговаривали – будто она волшебница.

– Не мучай себя понапрасну, – крикнула она Гансу, – все равно ничего путного у тебя не выйдет. Брось этот плуг, иди в лес, что в двух днях ходу отсюда. В лесу ты увидишь одинокую ель, которая выше всех деревьев. Там ты найдешь свое счастье.

Ганс не заставил себя долго упрашивать, помолился, взял топор и отправился в путь. После двух дней пути отыскал он в лесу ту самую ель, срубил ее, она рухнула наземь, и в тот миг, когда ветви ели косну-

Рис. А. Савина

любое твое желание. Но запомни – в кольце только одно желание, поразмысли над ним хорошенько. После исполнения желания кольцо теряет силу.

Орел большими кругами стал набирать высоту и исчез из виду.

Ганс надел кольцо на палец и пустился в обратный путь. Под вечер пришел он в большой город. На улице, на пороге своей лавки стоял ювелир, у которого было в продаже множество дорогих колец и перстней. Ганс показал ему свое кольцо и спросил, сколько оно стоит.

– Пустяки, – важно ответил ювелир, едва взглянув на кольцо.

Ганс расхохотался и сказал, что его кольцо стоит всей лавки ювелира, и тут же поведал ему историю кольца. Ведь недаром Ганса прозвали простаком.

лись земли, из ее верхушки выпало гнездо с двумя яйцами. Яйца разбились – из одного выпорхнул птенец, а из другого – выкатилось золотое кольцо.

Птенец рос на глазах и, когда обратился в большого орла, забил крылами, взлетел и крикнул с высоты:

– Ты освободил меня, Ганс. В благодарность возьми это кольцо. Поверни его три раза на пальце и исполнится

Тем временем стемнело. Городские ворота заперли. Ювелир позвал Ганса ночевать к себе, угостил его крепким вином, приласкал льстивыми словами и, когда Ганс беззаботно уснул, снял у него с пальца волшебное и подменил его точь-в-точь таким же, но обыкновенным кольцом.

Рано утром, только встало солнце, ювелир разбудил Ганса и сказал ему:

– У тебя впереди дальняя дорога. Лучше, если ты отправишься в нее пораньше. Скатертю дорожка, милый гость.

Ганс поблагодарил за ночлег и вышел из лавки. Ювелир торопливо запер за ним дверь, закрыл ставни, чтобы никто не подсмотрел с улицы, стал посреди комнаты, трижды повернулся кольцо и крикнул:

– Хочу иметь ровно сто тысяч талеров!

Едва он выговорил это, как с потолка хлынул ливень из талеров. Твердые, блестящие, полновесные талеры лились стремительным потоком, до крови били ювелира по голове, по плечам, по рукам. В ужасе, крича от боли, бросился он к дверям и уже почти достиг их, как запнулся, упал, и подняться не смог. А ливень не кончался – ведь сто тысяч золотых талеров, это страшно много. Под их тяжестью скоро прогнулся пол комнаты, и ювелир вместе с золотом рухнул в глубокий подвал.

На этот шум прибежали встревоженные соседи. Когда они увидели мертвого ювелира под огромной грудой золота, они сказали:

– Да, это большое горе, когда привалит слишком много счастья.

А Ганс пришел домой и радостно сказал жене:

– Теперь наше счастье с нами, милая моя женушка. Только нужно как следует подумать, что мы хотим.

– Как ты думаешь, – сказала жена, – не пожелать ли нам еще несколько акров пахотной земли? Ее у нас так мало. Давай пожелаем то поле, что на опушке леса.

– Если мы хорошо поработаем, – возразил Ганс, – даст Бог, мы его и так купим.

И, действительно, в этом году Ганс с женой трудились старательно, как никогда, и сняли такой урожай, что купили поле на опушке леса, и еще у них денег осталось.

– Ну вот, – сказал Ганс, – у нас есть поле, и еще желание в запасе.

– Неплохо бы пожелать нам корову и лошадь, – сказала жена.

Ганс побрякал в кармане штанов оставшимися деньгами и сказал:

– Тебе все не терпится истратить свое желание. Поработаем лучше на совесть, будут у нас и корова с лошадью.

И, верно, после второго года усердного труда, были у них и корова с лошадью.

– Вот видишь, – сказал Ганс. – Опять один год сэкономил нам желание.

– Я тебя не понимаю, – с досадой сказала ему жена. – Раньше ты всегда жаловался, что у тебя нет

возможности исполнить свои желания, теперь такая возможность есть, а ты по-старому надрываешься на работе. Уходят твои лучшие годы. Посмотри, как знамениты король, император, граф. И ты можешь стать любым из них, иметь сундуки золота, а ты не решаешься, что выбрать.

– Дорогая моя, – сказал ей от простоты своего сердца Ганс, – оставь суэтные метания. Мы еще оба молоды, жизнь у нас долгая. Не спеши истратить единственное желание, чтобы потом не пожалеть об этом. Кто знает, как повернется жизнь. Будем же разумны – будем молиться милосердному Богу, трудиться, любить друг друга и как следует обдумаем, что же нам пожелать.

И так получилось, что с этим кольцом в доме Ганса поселилось счастье. Амбары и кладовые у него полнились год от года, и вскоре из бедного крестьянина он стал зажиточным хозяином. Но не зазнался, не возгордился и по-прежнему был прост и ласков со всеми. Много людей работало у него, многих людей кормил он и одевал, и на Пасху дарил всем по талеру.

Так проходил год за годом. Порою жена напоминала Гансу о кольце и делала ему разные предложения. И вот однажды, когда они были уже стариками и головы их побелели, как снег, Ганс сказал ей с улыбкой:

– Что же нам пожелать с тобой, дорогая моя старушка? – и начал поворачивать кольцо на пальце, но

в этот миг Господь призвал душу его к Себе. Сразу же умерла и его жена.

Дети и внуки плакали, прощаясь с ними. Один из сыновей хотел снять кольцо у отца, но старший сын запретил ему:

– Не трогай. Пусть оно уйдет с отцом в могилу. С этим кольцом была связана какая-то тайна. Мать так часто посматривала на него и при этом что-то говорила отцу. Видимо, это был какой-то хороший подарок.

Ювелир – мастер, создающий украшения из драгоценных металлов и камней, или торговец такими украшениями.

Талер – монета.

Акр – единица площади, равная 0,4047 га.

Король, император – титулы правителей государств.

Граф – высший титул дворянства.

Пасха – один из главных христианских праздников в честь воскресения Христа.

Богач и бедняк

По небесной дороге шли двое путников – богач и бедняк. На земле они жили по соседству: богач в большом, роскошном доме, а бедняк в худой, маленькой хижине. Богач всю жизнь копил богатство и жил в свое удовольствие, а бедняк провел жизнь в труде и молитве.

Смерти, как известно, безразлично – богатый или бедный, старый или молодой, красивый или уродли-

вый, поэтому так случилось, что богач и бедняк умерли в один день.

Небесная дорога становилась все круче, богач часто останавливался и присаживался отдохнуть. Бедняк терпеливо ожидал его.

Так подошли они к вратам Царствия Небесного. Богач уверенностью постучал в них тяжелым привратным кольцом, ему не открыли. Рассердившись на задержку, он стал трясти врата и колотить по ним кулаком. Тут врата приотворились, апостол Петр привгласил путников войти и сказал богачу:

– Это ты так нетерпеливо ломился сюда? Ты должен понять, что здесь ты не на земле, твои богатства и важность здесь ничего не стоят.

Богач струсил и притих. Апостол Петр привел их в большую круглую залу с великим множеством дверей и сказал:

– Я отлучусь ненадолго, а вы отдохните тут и обдумайте, что каждый из вас хотел бы иметь в Царствии Небесном. Когда я вернусь, не церемоньтесь, прощите, что угодно.

Святой апостол ушел и скоро вернулся, а богач и бедняк уже решили, что бы они хотели иметь в вечности.

– Говори сначала ты, – сказал апостол Петр бедняку, однако тот и рта не успел открыть: богач, побоявшись, что бедняк отнимет у него счастье, жадно закричал:

– Я, я первый.

– Ну что ж, говори ты, – усмехнулся апостол. Богач захотел, чтобы здесь у него был замок из чистого золота, какого нет даже у императора. Чтобы на завтрак ему всегда подавали шоколад, к обеду жареную телятину, яблочный паштет и молочный рис с жареной колбасой. Это были его любимые кушанья. У богача было столько пожеланий, что апостол Петр записывал за ним – все запомнить было очень трудно.

– Больше ты ничего не хочешь? – спросил он.

– Да, да, – вскричал богач. – Чтобы после завтрака у меня всегда была газета, а в подвале столько денег, что я не мог бы их сосчитать.

– Будь по-твоему, – сказал апостол, подвел богача к одной из дверей, впустил в нее богача и задвинул за ним большой, железный засов.

Богач очутился в прекрасном, сиявшем светом и огнями дворце. В нем все было золотым – и стены, и полы, и потолки, кресла и столы, окна и даже стекла в окнах.

Богач надел зеленый шелковый, вышитой халат, сел в кресло, и ел, и пил, и все шло так отлично, как и представить нельзя. Каждый день он спускался в подвал и пересчитывал деньги, которым не было ни счету, ни меры.

Так промчалось пятьдесят, и еще пятьдесят лет – целый век. А что такое целый век для вечности? Ничто. Пылинка.

Но богачу за эти сто лет роскошный замок так надоел, что он проклинал тот день, когда зашел сюда. Изо дня в день телятина, паштет и жареная колбаса,

изо дня в день одна и та же газета, изо дня в день пересчитывание денег, на которые здесь все равно ничего нельзя было купить.

Богач открывал окна дворца, смотрел вниз и вверх. Но как светло было в замке, так темно и черно было за окном. Такая страшная тьма, что вытяни руку и не увидишь пальцев.

В нестерпимо ужасной скуке проползла первая тысяча лет. На двери заскрипел засов и в замок вошел апостол Петр.

– Как самочувствие, ваша милость? – спросил он.

– Ах ты, старый обманщик, – топая ногами и брызжа слюной, завопил богач. Ты зачем посадил меня в эту тюрьму?

– Разве я? – удивился апостол. – Я только исполнил твое пожелание.

– Ты же знал, что нет мочи терпеть, когда тысячу лет повторяется одно и то же?

– Конечно, знал, – согласился апостол. – Но ведь нужно очень хорошо подумать, что хочешь иметь в вечности, а ты так спешил, что не дал своему разумному товарищу слово вымолвить.

– Вот он ваш хваленый рай! – горько проворчал богач.

– Ты что же, полагаешь, что ты в раю?

– А где же я? – ахнул богач.

– В аду.

Тогда понял богач и эту невыносимую скуку, и мрачную тьму за окном, упал в кресло и отчаянно зарыдал.

Рис. А. Савина

Святой Петр стоял возле него и считал его слезы, и когда насчитал их сто тысяч, сказал ему:

– Ну, хорошо. Пойдем со мной, я тебе что-то покажу.

Они поднялись по лестнице на чердак, долго блуждали там среди всякого хлама, пока пришли в маленькую тесную комнатку. Апостол Петр отворил в верху стены оконце, на лоб упал

ему лучик света и богач увидел, как язычок пламени вспыхнул на лбу апостола.

Петр придвинул к стене табуретку и сказал:

– Теперь смотри.

Богач встал на табуретку, но оконце было высоко, он поднялся на цыпочки и в узенькую щелку увидел истинное Небо. Там на своем облитом неземным светом троне восседал Господь во всей своей славе, выше облаков и звезд. Вокруг летали ангелы, стояли святые угодники, и слышалось дивное пение.

– А это кто? – простонал богач. – Кто там сидит на скамеечке ко мне спиной?

– Это твой сосед, бедняк. Когда я спросил о его желании, он сказал, что хотел бы иметь всего лишь одну маленькую скамеечку, чтобы сидеть на ней у подножия Господня трона.

Апостол Петр неслышно ушел, а богач стоял, вытянувшись в струнку, смотрел в оконную щелочку, и вечность текла незаметно – тысяча лет за тысячей.

Хижина – небольшой бедный домик, избушка.

Привратное кольцо – большое металлическое кольцо на воротах для того, чтобы кольцом можно было постучать.

Апостол Петр – один из ближайших учеников Христа. По легенде именно он встречает на Небе души умерших, открывает врата Царствия Небесного.

Паштет – кушанье из различных продуктов, протертых очень мелко.

Ангелы – посланцы Бога, изображаются обычно в образе крылатых юношей.

Святые угодники – люди, которые на земле вели безгрешную, непорочную жизнь.

Литературные сказки имеют автора, значит, несут на себе печать его личности. Если автор фольклорных сказок – народ, то литературные сказки создаются поэтами, писателями. Они не всегда придумывают сюжеты, часто находят их в самой жизни. Произведения зарубежных писателей мы читаем в переводе, поэтому от таланта переводчика очень многое зависит.

Сказки Рихарда фон Фолькманна перевел на русский язык и обработал вологодский писатель Роберт Александрович Балакшин.

Он родился в 1944 году в деревне Коротыгино Грязовецкого района Вологодской области. С 1945 года живет в Вологде. Окончил Вологодский строительный техникум и Вологодский педагогический институт. Работал инженером по охране памятников истории и культуры, бетонщиком, каменщиком. Роберт Александрович Балакшин долгое время возглавлял Вологодскую писательскую организацию. Он автор художественных книг «Две недели», «Обычные дни»,

повестей «Венчание», «И в жизнь вечную». Есть у него и исторические исследования, например, о разрушенном в XX веке вологодском храме, возведенном некогда за одну ночь. Культура, история народа является главной темой писателя.

Художественный перевод, художественная деталь.

Вопросы и задания

1. Найдите сходство сказки «Волшебное кольцо» с народными сказками.
2. Каково было желание ювелира? Какие человеческие пороки осуждает немецкий сказочник?
3. Какие желания Ганса могли осуществиться благодаря кольцу и почему он не воспользовался волшебным помощником?
4. Сформулируйте главную мысль сказки «Волшебное кольцо».
5. Расскажите, где происходят события и кто герой сказки «Богач и бедняк».
6. Объясните, как вы понимаете финал сказки: «Апостол Петр неслышно ушел, а богач стоял, вытянувшись в струну, смотрел в оконную щелочку, и вечность текла незаметно — тысяча лет за тысячей».
7. Подумайте, что объединяет сказки «Богач и бедняк», «Волшебное кольцо» и как автор относится к изображаемым событиям и героям?
8. Как вы думаете, почему Р. Балакшин выбрал именно эти сказки для художественного перевода?
9. Самостоятельно прочитайте сказку Р. фон Фолькманна «Искусственный орган» и ответьте на вопрос, какие общечеловеческие ценности прославляет немецкий сказочник.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРЯНЧАНИНОВ (1839 – 1918)

Анатолий Александрович Брянчанинов – представитель древнего вологодского дворянского рода. Он известен историкам литературы как талантливый прозаик и драматург.

А. А. Брянчанинов получил образование в Инженерном военном училище, служил в стрелковом батальоне, затем после отставки занимал различные должности в вологодских дворянских учреждениях. Литературную известность получил после публикации очерков и рассказов из усадебной жизни, а также за повести патриотического характера. В литературном наследии Анатолия Александровича особое место занимают его стихотворные переложения русских народных сказок. Написаны они увлекательно, мудро, с тонким знанием родной речи. Эти сказки были проиллюстрированы. Они так полюбились детям, что выдержали два издания: одно вышло отдельной книгой в 1885 году, а второе десять лет спустя в двадцати пяти небольших выпусках. Получилась целая сказочная библиотека! Дети дорожили ею: книжки рассматривали, читали и берегли. Сказки получили высокую оценку литераторов. И. С. Тургенев, хорошо знаяший автора, писал: «Мысль господина Брянчанинова переложить некоторые сказки в стихи мы считаем счастливой, тем более, что он исполнил свою задачу с замечательным искусством и тактом, всюду сохраняя тон и колорит оригинала и разнообразием размера придавая ему более жизни и движения».

Волшебный конь

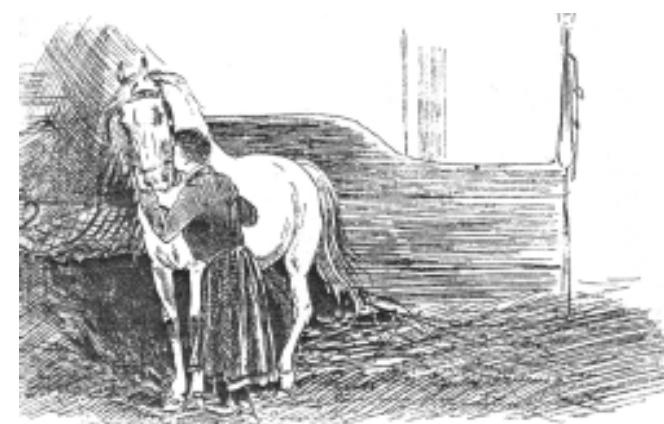
Жил старик со своею старухой;
Во всю жизнь они были бездетны;
Вот на мысль им однажды вдруг вспало,
Что лета их уже пожилые,
Помирать в скором времени надо,
А Господь им наследника не дал,
И молиться Создателю стали,
Чтобы детищем Он их утешил.
Положили они и заклятье,
Что как скоро родится младенец –
Первый встречный и должен быть кумом.
Услыхал их молитву Создатель,
И сынком разрешилась старуха.
Снарядился родитель за кумом;
Только вышел – катит ему в встречу
Государь в богатейшей повозке,
Не знал его старый, подумал,
Что боярин какой повстречался,
Говорит ему: – Сделай мне милость:
Окрести у меня мальчугана!
– У тебя разве нету знакомых?
– Как не быть, да уж мы положили,
Что как скоро родится младенец,
Первый встречный и должен быть кумом.
– Хорошо! – государь согласился,
Сто рублей ему дал на расходы
И сказал, что назавтра приедет.
Через день состоялись крестины

И младенца назвали Иваном. –
Не годами, а только часами
Поднимается крестничек царский,
Словно тесто на свежей опаре.
В десять лет уже молодцем вырос
И почуял огромную силу.
На ту пору о крестнике вспомнил
Государь, пожелал его видеть
И велел, чтоб Ивана немедля
Привели во дворец его царский.
Вот старик собирать начал сына,
Стол рублей ему дал из кубышки
И велел запастися лошадкой:
Путь ведь дальний – пешком не добраться.
В город стольный Иван снарядился
И старинушку древнего встретил.
– Как живётся, Иван-сын крестьянский,
Ты куда путь-дороженьку держишь?

— А собрался я, дедушка, в город, —
Надо лошадь купить непременно.
— Ну, так слушай, коль хочешь удачи:
Как придёшь ты на конную площадь,
Там мужик продавать будет лошадь,
Заморённую, чуть что не клячу;
Что ни спросит — давай, не торгуйся,
А как купишь — паси её дома,
По росам, на лугах заповедных
Ровно дюжину утренних зорек,
И тогда ты лошадку узнаешь!
Благодарствовал молодец старца,
Разыскал мужика того с клячей
И, купив её за сто целковых,
В дом отцовский приводит покупку.
Огорчился старик, рассердился:
— Ну, сынок, раздобылся лошадкой:
К живодёру веди уж скорее!
— Погоди, на моё может счастье
И поправится вскоре лошадка! —
Стал Иван её каждое утро
Выходить на луга заливные,
И как минула дюжина зорек —
Вдруг клячонка конём объявились,
Смелым, быстрым, красивым, на диво,
И таким в пониманье разумным,
Что лишь только Иван что помыслит,
А уж конь всё то ведает, знает!
Справил сбрую Иван боевую,
Осадлал свою добрую лошадь,

И, простясь с стариком да старухой,
В стольный город немедля поехал.
Приезжает, царю доложился,
Государь его принял приветно,
Угощать его начал на славу,
Сам же смотрит и только дивится:
«Десять лет, а детина здоровый,
Взял и ростом, и видом, и смёткой, —
Богатырь, словно в сказке и только!»
Чин пожаловал крестнику важный
И велел во дворце оставаться.
Правит молодец службу исправно,
Никакого труда не боится,
А за правду стоит всюду грудью;
Полюбил его царь за то пуще
Всех бояр, и князей, и придворных,
И во всём ему на слово верил.
Оскорбилась вся знать на Ивана

И держать совещания стала,
Как бы царского крестника лучше
Подвести под опалу царёву.
Вот однажды на званом обеде
Государь и спроси у придворных:
Как им нравится крестничек царский? –
От Ивана мы, – те отвечали, –
Ни добра не видали, ни худа, –
Лишь одно про себя помекаем:
Зародился хвастлив уж не в меру!
Не однажды он нам похвалялся,
Что в таком-то неведомом царстве,
За высокой и крепкой оградой,
В теремах росписных, златоверхих,
Проживает Настасья-царевна,
Красоты небывалой девица,
Что никто ту красу не добудет,
А что он её вскоре достанет
И возьмёт непременно в замужество! –
Царь за крестником шлёт в ту же минуту
И пеняет ему за утайку.
– Государь! – удивляется крестник, –
Мне того и во сне-то не снилось!
– Ну, теперь отпираться уж поздно, –
Говорит ему царь, рассердившись, –
Коль хвалился, так дело и сделай;
А не сделаешь – к смерти готовься!
Запечалился молодец бедный,
Ниже плеч буйну голову свесил
И пошёл в тот же час на конюшню,

Чтоб коню своё горе поведать.
– Не кручинься, Иван-сын крестьянский, –
Провещал ему конь богатырский, –
Помолись-ка усерднее Богу
Да ложись почивать без тревоги, –
Это дело мы сделать сумеем;
Только денег поболее требуй,
Чтоб дорогой нам было не скучно,
Да питья и еды было вдоволь. –
Встал поутру Иван, помолился
И пошёл за казной к государю;
Получил и, собравшись в дорогу,
В неизвестное царство поехал.
Скоро ль, долго ли, близко ль, далёко ль,
Приезжает он в некую землю
И завидел блестящие кровли
Теремов росписных, златоверхих;
Вокруг палат высочайшие стены
И нигде ни окошка, ни дверки.

Молвит конь богатырский Ивану:
– Подождем-ка, хозяин, до ночки,
Обернусь я орлом серокрылым,
И махнем мы с тобой через стену;
Будет спать на ту пору царевна –
Проберись осторожно к ней в спальню
И бери красну девицу смело. –
Дождались они ноченьки тёмной;
Обернулся орлом конь волшебный,
Взял Ивана, махнул чрез ограду
И поставил его у крылечка.
Входит молодец добрый в палаты:
Всюду тихо, прислуга заснула;
Пробрался потихонечку в спальню –
На кроватке Настасья-царевна
Сладким сном почивает глубоким.
Разметала богатые ткани,
Одеяла спустила собольи;
Словно змейки рассыпались косы;
Щёки нежным румянцем алеют,
По устам пробегает улыбка.
Загляделся Иван на царевну,
Отуманился страстью кипучей
И к устам её дивным склонился.
Пробудилась царевна, вскричала –
И исправные, верные слуги,
В ту же минуту отсюду сбежавшись,
Добра молодца крепко связали
И в тюрьму под замок посадили.
Вот сидит он и думает думу:

«С головой, знать, проститься мне надо!»
А конёк той порою не дремлет:
Перекинулся малою птичкой,
Прилетел на окошко темницы
И хозяину молвит поспешно:
– Завтра утром я выломлю двери, –
Убегай и в саду склонися
За таким-то кустом, у дорожки;
Выйдет утром гулять королевна –
Обернуся я нищим, убогим
И просить подаяния стану, –
Не зевай же, не то мы погибнем! –
Утром конь подобрался к темнице
И копытами дверь её вышиб;
Добрый молодец выбежал мигом
И в саду под кустом притаился.
Вышла в сад прогуляться царевна
И как только с кустом поравнялась –
Подошел к ней с поклонами нищий.
Стала шарить в карманах царевна,
Чтоб достать старику подаянье,
А Иван, подскочив осторожно,
Обхватил красну девицу крепко
И платок на уста ей накинул.
Вмиг орлом перекинулся нищий,
Подхватил их обоих на крылья,
Перенёс чрез высокие стены
И, на землю спустивши Ивана,
Обернулся конём богатырским.
Сел Иван на него с королевной

И помчался как вихорь дорогой.
Долго ль ехали – в луг приезжают;
Видят, борются два великана
И лежат помело с кочергою.
– Что вы, братцы? За что вы деретесь? –
Их Иван-сын крестьянский пытает.
– Поделить вот не можем наследство;
От отца нам остались две вещи:
Помело да клюка, что ты видишь,
Каждый хочет и то, и другое
И на смерть порешили мы биться:
Кто останется жив – тот наследством
И владей уже всем на здоровье!
– А давно ли вы спорите, братцы?
– Да вот третий годочек кончаем,
А всё толку никак не добьёмся!
– Чудаки! Велико ли богатство

Помело с кочергою погнутой,
Чтоб за них драться боем смертельный?
– Не болтай, коль не ведаешь дела!
С ними всюду ты будешь с победой;
Сколько б силы ты вражьей ни встретил –
Принимай с нею бой без боязни:
Где махнешь помелом – будет площадь,
Что клюкой заберёшь – то в полоне!
– Да, наследство, пожалуй, недурно! –
Поразмыслил Иван: Хоть и мне бы!
– А давайте-ка, братцы, хотите,
Разделю я вас поровну тотчас?
– Сделай милость! – Иван-сын крестьянский
Слез с коня, взял пригоршню песочки,
В лес завёл великанов подальше
И рассеял песок по лужайке.
– Вот сбирайте; кто больше притащит
Тот клюку с помелом и получит.
Мигом бросились те за работу,
А Иван той порою, не мешкав,
Подхватил помело с кочергою
И понёсся вперед словно ветер.
Приезжает в свое государство, –
Видит горе с отцом его крестным:
Повоеваны лучшие земли,
Под столицей несметное войско
Разорить всё дотла угрожает,
Самого государя повесить.
Скрыл в лесочке Иван королевну
И помчался на воинство вражье;

Как махнет помелом – так полками
И валятся враги, словно стебли
Под косою умелой да острой.
Перебил он их страшную силу,
А всё то, что от смерти спаслося,
Зацепил в одну кучу клюкою
И погнал пред собою в столицу.
Встретил царь его с честью великой,
С трубным гласом и громкой пальбою,
Наградил и казной, и чинами
И велел во дворце оставаться.
Отпросился Иван ненадолго
И представил Настасью-царевну.
Похвалил его царь, подивился
И Ивана-крестьянского сына
Обвенчал на прекрасной царевне.

1895

Заклятье – здесь: клятва.

Кум – крестный отец.

Положили – здесь: решили.

Опара – закваска для теста.

Кубышка – сосуд для хранения денег.

Дюжина – двенадцать.

Целковый – устаревшее название рубля.

Стольный город – столица.

Смётка – сообразительность.

Опала – немилость, гнев царя.

Пенять – осуждать, ругать.

Полон – плен.

Белая уточка

В палатах белокаменных,
В светлице изукрашенной
Князь-молодец прощается
С женой своей красавицей.
Недавно лишь повенчаны
По мысли, по согласию –
Немного было времечка
Друг друга речью нежною
Ласкать да приголубливать!
Но делать, видно, нечего:
Нужда приспела спешная!
Княгиня убивается,
Глаза, что звезды ясные,
Слезою отуманены;
А князь, хоть ноет душенька,
Супругу словом ласковым,
Разумным да приветливым
Утешить все пытается:
«Приеду я скорехонько,
И вновь уж не расстанемся!
Сиди, голубка, в тереме,
В беседы не заглядывай,
От злых людей подалее,
Худых речей не слушайся!»
Наказ княгиня в точности
Исполнить обещалася –
И князь, обняв подруженьку,
С тоской покинул родину.

Грустит княгиня в тереме
И выйти не решается;
Вот долго ли, коротко ли,
Является к ней женщина,
Такая с виду Божия,
Простая да приветная!
«Тоскуешь, свет-княгинюшка?
По милом убиваешься?
Да ты бы хоть по садику
Прошлась да освежилася,
Тоску свою развеяла!»
Долгоночко не решалася
Княгиня просьбу мужину
Нарушить опрометчиво,
Но после поразмыслила:
«В саду бояться нечего!»
В зеленый сад отправилась,
Вблизи сверкнуло озеро.

Рис. И. Билибина

«А что, – вдруг молвит женщина,
Жара стоит изрядная,
Нам здесь не искупаться ли?»
Велик соблазн княгинюшке:
Томит жара гнетущая,
Манит вода студеная...
На луг летит косыночка,
За ней одежда полная.
Скользнула в воду чистую
Красавица-княгинюшка,
Смеется, прохладждается,
В струях хрустальных плещется.
Вдруг женщина коварная
Слегка княгиню прутиком
Стегнула – и красавица
Поплыла белой уточкой.
Сама же ведьма злющая
В наряд ее оделася,
Притерлась да подкрасилась
И стала ждать хозяина.
Несется пыль с дороженьки,
Звенят подковы конские –
Бежит встречать разлучница,
Целует князя милого.
Тот с радостью-веселием
Берет ее в объятия,
И сам того не ведает,
Какая злая гадина
К нему коварно ластится!

Снесла яички уточка
И деток вскоре вывела:
Двух мальчиков как следуе
Да третьего заморышка.
Растут да крепнут деточки,
Гуляют вдоль по берегу,
В песочке желтом роются,
На зелен луг любуются.
«Ох, детки, детки малые!
В лужок не забирайтесь!» –
Твердит им мать, тревожася;
Но деточки не слушают:
Сегодня манит травушка,
Назавтра любы цветики –
Бегут все дальше, глупые,
И в княжий дом забралися.
Вмиг ведьма их почуяла,
Зубами злобно скрипнула;
Ребяток приголубила,
Покушать им поставила
И спать им приготовила;
Потом велела тотчас же
Котлы повесить медные,
Огни разжечь широкие,
Ножи готовить острые.
Легли два брата старшие
И вскоре сном забылись;
Заморышек же бодрствует,
Все слушает внимательно.
Вот ведьма в полночь самую

Подходит к двери спаленки.
«Что, детки, почиваете?»
Ответствует заморышек:
«Не спим, а думу думаем,
Что нас хотят порезати:
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи вострят булатные!» –
«Не спят!» – ворчит проклятая.
Часок еще помешкала,
Подходит снова к спаленке:
«Что, детки, почиваете?»
Ответствует заморышек:
«Не спим, а думу думаем,
Что нас хотят порезати:
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи вострят булатные!» –
«Один все голос слышится!» –
Дивится ведьма злющая;
Открыла дверь тихоонько,
Глядит: лежат два мальчика
И крепким сном покоятся;
Сейчас рукою мертвою
До них она дотронулась –
И те немедля померли.
На зорьке кличет уточка
Своих любимых деточек,
Но те не возвращаются.
Сейчас беду почуяла,

Вспорхнула и отправилась
К палатам белокаменным.
Белы, как снег нетронутый,
Как лед, похолоделые,
Лежат на княжьем дворике
Рядком два братца милые!
На них утица бросилась,
Прикрыла тельца крыльями
И материнским голосом
Запела песню скорбную:

«Ох вы, милые, бедные деточки!
Голубки вы мои, голубяточки!
Я нуждой поднимала вас тяжкою,
Я слезой вас поила горючею,
В ночки темные глаз не смыкаючи,
Сладкий кус изо рта вынимаючи!» –

«Да это небывальщина, –
К жене князь обращается, –
Утица, словно женщина,
Голосит над покойником». –
«Тебе все это чудится!
Пугнуть ее отсюдова!»
Прогонят утку белую –
Она покружит несколько
И снова к мертвым мальчикам.

«Ох вы, милые, бедные деточки!
Голубки вы мои, голубяточки!

Погубила вас ведьма ехидная,
Ведьма злая, змея подколодная,
Отняла у вас батюшку милого,
Моего муженька ненаглядного,
Потопила обманом нас в озере,
Обернула нас белыми утками,
А сама-то живет – величается!»

«Эге! – князь пораздумался, –
Поймать мне утку белую!»
Ловить ее все бросились,
Но уточка увертлива:
Сморились только попусту;
Сам князь из дому выбежал –
К нему утица на руки
Сама сейчас спустилась.
Промолвил князь, не мешкая:
«За мною стань березонька,
Пред мной же красна девица!»
Береза сзади выросла,
Девица стала спереди,
И князь узнал в той девице
Жену свою любимую.
Поймали тотчас ворона,
Сосуд ему навесили,
Велев налить немедленно
Водою живо-мертвою.
Принес тот воду чудную;
Ребяточек ею сбрызнули –
И те сейчас же ожили.

А ведьму приарканили
К хвосту коня свирепого
И по полю широкому,
Не мешкавши, размыкали.
Слетелись птицы хищные –
Склевали мясо старое,
Промчались ветры буйные –
Все косточки развеяли,
И вскоре память самая
О ведьме затерялася!

1895

Светлица – небольшая светлая комната в верхней части дома.

Опрометчиво – необдуманно, слишком поспешно.

Приарканить – здесь: крепко привязать.

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О РОДИНЕ И РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Чувство Родины... Мне кажется, что каждый человек рано или поздно вдруг остро переживает это чувство. Конечно, по-своему, в меру своего характера, своей профессии и, главное, в меру своей соединенности со своим Отечеством. Думаю, что происходит это в зрелую пору, когда человек уже познал и радости, и горести, и не только свои. Но и чужие. Я бы назвал это ощущением национальной принадлежности.

Валерий Гаврилин

Вопросы и задания

1. Знакомы ли вам сюжеты сказок А. А. Брянчанинова?
К какому типу сказок их можно отнести?

2. Найдите черты литературной сказки в произведениях А. А. Брянчанинова «Волшебный конь», «Белая уточка».

3. Попробуйте создать литературную сказку на основе сюжета понравившейся вам народной сказки. Проведите в классе конкурс творческих работ.

ФЕОДОСИЙ ПЕТРОВИЧ САВИНОВ (1865 – 1915)

Слышу пенье жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это – русская сторонка,
Это – родина моя!

Кому незнакома эта проникновенная, глубоко затрагивающая душу каждого русского человека песня? Долгое время ее считали народной и об имени автора не вспоминали, да и не искали его. А между тем этот автор – наш

земляк Феодосий Петрович Савинов. Родился он в Тотьме в 1865 году в семье мелкого чиновника. Писать стихи начал еще гимназистом. С 1885 года печатался в столичных журналах и газетах, но первая книга его стихов вышла в 1888 году в Вологде. Хотя писал Савинов много, литературный заработка не давал ему достатка. В начале 1890-х годов он уехал в Москву, где выпустил новое, дополненное и переработанное издание своего сборника «Стихотворения». В эту книгу вошло все лучшее, что было написано им к тому времени, в том числе и стихотворение «Родное» (1889 год).

Родное

Слышу пенье жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это – русская сторонка,
Это – родина моя!
Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это – русское раздолье,
Это – русская земля!
Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это – радости народа,
Это – пляска мужика!
Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет...
Это русские порядки,
Это – дедовский завет!
Вижу горы-исполины,

Вижу реки и леса...
Это – русские картины,
Это русская краса!
Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это – матушки отчизны
Нескончаемый простор.
Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский Бог...
Это значит – русский духом
С головы я и до ног!

Вопросы и задания

Что включает в себя понятие «родное» для Феодосия Савинова? Подтвердите свое мнение текстом. Согласны ли вы с автором?

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН
(1913 – 1968)

Для многих людей любовь к родной земле начинается с любви к тому месту, где человек родился, с любви к малой родине. Тесная связь с родными местами позволяет человеку стойко переносить многие беды, дает радость и счастье. Об этом и говорят поэты в стихах, посвященных русской природе, городам, селам и деревням, где прошли их детские годы. Любовь к своей земле они пронесли через всю жизнь.

Для поэта Александра Яшина родными стали деревня Блудново в Никольском районе Вологодской области и Бобришный угор, который находится недалеко от этой деревни. На Бобришном угоре, в маленьком домике среди вековых сосен, поэт жил и работал, сюда приезжали и его друзья-писатели.

Детские годы вологодских поэтов: Сергея Викулова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Сергея Чухина, Натальи Сидоровой – связаны с деревенским бытом. Все они родились на Русском Севере, и любовь к этой земле звучит во всех их стихотворениях.

На Бобришном угоре

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угором.
В получасье шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,

Начинается снова.
Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть, –
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.
Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.
Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.
Буду схож с Змееедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...
Заходите, соседи,
Из окрестных селений,
Не окажется снеди –
Угощу сочиненьем,
На Бобришном угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в скоре.
Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.

Добрыйм людям избушка
Круглый год будет рада.
А объявится рядом
Кто с недобрыйм поглядом,
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

Босиком по земле

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.
От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание,
В ней те же луна, луга, облака,
Это же мироздание.
Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.
И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,

Как после выздоровления.
Бреду бережком,
Не с ружьем, с батожком,
Душа и глаза – настежь.
Бродить по сырой земле босиком –
Это большое счастье!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВИКУЛОВ

(Род. в 1922)

Она не скажет...

1

Услышу ль сосен шум в полдневный час,
журчанье ль струй средь камушков у брода,
о люди, мыслю я, у всех у нас
есть мать одна

по имени Природа!
У ней для всех хватает доброты...
И мы живем, запечатлев навеки
в душе
ее прекрасные черты –
 поля, луга, леса, моря и реки.

2

Придите к ней, когда у вас печаль,
и, мудрая, врачую вашу душу,
Природа распахнет пред вами даль
и ветром, как рукой, глаза осушит;

представит вам сто радостных примет,
ромашек простодушных «чет» и «нечет»,
и вечное: «Все суeta сует» –
на языке осинок налепчет.

3

...И если безмятежности полна
душа, –
справляйте пир с Природой рядом!
Отзычивая, щедрая, она
ничем вам не испортит вашу радость;
краснее окуневого пера
зажжет зарю рыбацкую над плесом,
удачей наградит, и для костра –
сварить уху – валежника подбросит...

4

Три клада у Природы есть: вода,
земля и воздух –
три ее основы.
Какая бы ни грянула беда:
целы они – все возродится снова.
Но если... Впрочем, в наш жестокий век
понятно всем, что это если значит.
О человек! Природа-мать ни рек и ни морей
от глаз твоих не прячет,
ни росных трав, ни голубых небес...
Цени ее доверие, Природы!
Не обмань его!
И в темный лес
входи, как в храм под мраморные своды.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
РОМАНОВ
(1930 – 1999)

Русский Север

Только травы на покосах лягут,
Припасай лопату – столько ягод.
А прокатит гром парной грозы –
Той лопатой и грибы грузи.
Это Север. Это русский Север.
Здесь, содвинув домны и поля,
Зреет сталь, и зреет рожь и клевер.
Здесь тугая от корней земля.
Ельниками выпилено небо,
И в прохладе белых городов,
Словно весть веков, узорнолепно
Легкое паренье куполов.
Здесь дома, что кружева, воздушны.
Люди – голубой да карий взор –
Простодушны, нет, великолушны,
Как велик за Вологдой простор.
И частушки вяжут поясами,
И по миру катится молва,
Что за вологодскими лесами
Вырастают спелые слова.
В спелом слове – огневая сила.
Взял его – будь к подвигу готов,
Чтобы правда в книге простила,
Будто соль на спинах земляков,

Будто эти в синих тучах дали,
Где терпеньем, мужеством, трудом
Поколенья землю обживали
И где мы распахнуто живем.

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина, да песок,
Да вперемежку скудные подзолы.
Но первый для меня ржаной кусок
Возвращен на этих пашнях невеселых.
А под окошком серый журавель –
Из всех домашних птицы нет домашней –
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.
И надо мной в морщинках потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?
Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письмена
Далеких предков, свернутые в трубки.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ФОКИНА
(Род. в 1937)

Храни огонь родного очага

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие! –
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
Храни огонь родного очага!

Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он...
Не потянишь за черноземом чистым,
Что до тебя другие обрели, –
Лелей лоскут отеческой земли!

И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять...
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.
Простые краски северных широт:
Румяный клевер, лен голубоватый,

И солнца блеск, немного виноватый,
И облака, плывущие вразброд.
Плынут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их крылатой,
Мне все равно, куда они плывут.
Мне все равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.
Сижу одна на милом берегу,
Варю картошку на родном огнище,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА СИДОРОВА
(Род. в 1953)

Белое ровное спящее поле,
Как безмятежно сияет луна!
Словно на свете ни горя, ни боли.
Музойкой льется с небес тишина.

Словно земле непокой и неведом,
В пологе дымном из лунных полос
Дремлют стога, как большие медведи,
Снится, наверно, им дальний покос.

Слышится, будто одна за другою
Звезды вступают в торжественный хор.
Им отзыаясь струной дорогою,
Рвется душа в этот дивный простор!

Радуга

Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Сердце, ликуя, поет.
Радуга! Радуга! Радуга
В облаке синем цветет.

Небо сиянием полнится,
Верится в добрую весть.
Все повторится, исполнится
В облаке радуга есть!

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЧУХИН

(1945 – 1985)

Она чиста, дороженька лесная!
Но вот однажды прохожу по ней –
Навстречу мне угрюмо, не мигая,
Из-под листа вылазит муравей.

Он на дыбки поднялся по-медвежьи
И прекратил мой безмятежный путь.
За милый край песчинок и валежин
Готов любому голову свернуть.

Храбрец решил: мол, этого осилю –
И грозно покатился на врага.
Пришлось ретироваться за осину...
Кому на свете жизнь не дорога?

Противник мой немного удивился,
Нашел иглу – и с ней наперевес,
Пошевелив усами, удалился...
Такой погибнет,
Но не выдаст лес.

Снегу светлому поклоняюсь,
Снегу – чистой душе небес.

Поклоняюсь ему, покоряюсь
И не жду от него чудес.
Но всегда благодарен душою,
Что в морозные дни января
Не хоронит поля под собою,
А собою спасает поля.

Кажись, и чудо невелико –
Такое встретишь каждый год.
А погляди-ко, волчье лыко
Цветет – и как притом цветет!
Его коснулось тенью только
Крыло весны... И вот оно
Зажгло свой огонек. Но сколько
В нем теплоты заключено!
Полянку словно осветило,
А сердце каждого из нас
Хорошим чувством окатило,
Да и порадовало глаз.
Велико чудо, невелико –
Любое важно на веку.
И потому-то волчье лыко
Я ставлю с радостью в строку.

Сумятица – суматоха.

Снедь – еда, пища.

Погляд – взгляд.

Батожок – палка, трость, на которую опираются во время ходьбы.

Межполье – пространство между обработанными полями.

Подзолы – малоплодородная земля в лесной полосе.

Журавель – длинный шест у колодца, с помощью которого достают воду.

Позариться – позавидовать.

Лелеять – заботиться, нежить.

Полог – покров, завеса.

Ретироваться – отступить, удалиться.

Лирика, лирический герой, изобразительность, музыкальность, художественный образ.

Вопросы и задания

1. Какой видит свою родину каждый из поэтов? Используйте при ответе примеры из текста.

2. Какие факты биографии авторов нашли отражение в прочитанных вами стихах?

3. Перечитайте стихотворение А. А. Романова «Русский Север». Найдите в нем ключевые слова. Какой образ они создают, и как этот образ связан с чувствами лирического героя?

4. Какая мысль главная в стихотворении С. В. Викулова? Какой предстает природа в этом произведении? Найдите образные средства в стихотворении «Она не скажет». Как с их помощью поэт передает свои эмоции?

5. Почему слова «Храни огонь родного очага...» являются смысловым стержнем стихотворения О. А. Фокиной.

6. Самостоятельно создайте сборник стихотворений вологодских поэтов о родине, родной природе (подберите несколько стихотворений, сделайте к ним иллюстрации, придумайте название сборника) или напишите свое стихотворение о малой родине.

РАССКАЗЫ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

(1924 – 2001)

Виктор Петрович Астафьев родился в далеком сибирском городе Красноярске. Пройдя фронт, закончив после войны Высшие литературные курсы, он приехал посмотреть на Вологду и наши северные земли и остался здесь жить. Астафьева тронули открытость, простосердечие, доверчивость вологжан, пришла по душе неброская красота северной природы. Сам писатель говорит об этом так: «У вологжан чувство землячества и потребность общения в крови. Переехав с рабочего, сурового Урала в Вологду, первое время вся моя семья и я тоже шарахались от людей, ни с того ни с сего с тобой заговоривших на улице, в магазине, в автобусе или на вокзале, но скоро привыкли к этому, в общем-то ненавязчивому обиходу или характеру вологжан».

Жил писатель и в самой Вологде, и в местечке Сибла в Харовском районе. Здесь, на Севере, были созданы лучшие произведения В. П. Астафьева: «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду» и другие. Он был знаком со многими вологодскими литераторами, дружил с Сергеем Орловым, Василием Беловым, Николаем Рубцовым. В 1980 году Астафьев решил уехать из Вологды: потянуло в родные места, в Красноярск. Однако писатель всегда тепло отзывался о своих вологодских друзьях: «...низ-

кий поклон вологжанам за то, что на десять лет приютили они меня с семьёю, сердечно обогрели, дали возможность плодотворно работать, наградили дружбой, иногда делились последним куском хлеба. Я старался отвечать им тем же».

Во многих произведениях В. П. Астафьева изображен богатый, таинственный и суровый мир сибирской тайги. Но есть у него рассказы и о вологодской земле.

Щурок-швырок

После недолгой, но широкой ростепели, съевшей снег по берегам, подплавившей лёд на озере Кубенском, похолодало; чистое и заголубевшее небо снова облохматилось, припустилось над лесом и потекло, сея белую шуршащую крупу. Опять наступил ледозвон, закраинки озера засыпало крупою, припорошило снегом.

И всё-таки весна не загасла совсем, угадать и увидеть её ещё можно было. Лёд на озере в пятнах, снег, забивший щели, выбоины и следы человечьи, светил неослепно; хоть и слабенько, едва ощутимо, всё же пахло берёзовыми почками, на припёке взявшимися клейковиной.

А главное, живность пришла в движение и не соглашалась с зазимком.

На рассвете урчали возле берега, прыгали, разминаясь перед главными схватками, косачи; пробовал жаворонок потрясти колокольчик в высоте, да без солнца ему было неуютно в небе, он пел тише, реже и, не выдержав одиночества, стреканул к берегу, в тёплые ёлушки; вороны слетались к рыбачьим лункам – собирать ершей и, ловко их разворачивая – головой на ход, заглатывали. От мёрзлых колючек, царапающих горло, у ворон подрагивали хвости. Проглотив ерша, вороны крякали, прислушивались к себе, мысленно провожая ерша во чрев – не зацепится ли где, бродяга...

Весёлого нрава собачонка Гайка, ничья собачонка, тоже промышляющая ершей на льду, азартно гоняла ворон от лунок, но скоро утомилась, пошла от рыбаков рысцой. Сперва Гайка оглядывалась, виновато повиливала хвостом, совалась носом в старые заячьи следы, как бы распутывая их и охотясь, но потом отбросила всякий стыд и предательски хватила во весь дух к деревушке, дымящей за прибрежным леском.

Лиса выходила из кустов, нюхала воздух, задумывала уж было на лёд спуститься, но тут же повернула и, не оставляя следа, легко потрусила по шелушащемуся насту в лес, откуда фыркнул рябчик и, ровно выстреленный, панически вереща, пролетел пурей над ложком, вонзился в ольховники, дымчато струящиеся рыхлой серёжкой. Лиса, задрав морду, поглядела рябчику вслед и облизнулась.

Рыба клевала редко и вяло. Самое время наблюдать было природу и радоваться её весеннему натиску, вроде бы как иссякшему. Однако природа исподволь набиралась новых сил, а шаг её на месте был краткой отсрочкой перед броском и штурмом – рухнут тогда зимние тверди; каждая земная щёлоч-

ка и бочажинка наполняются снеговицей, она перелиётся через край, и ударят из логов ручьи, покатятся к озеру, с пеной, звоном и говором на губах. Лёд на озере выгнется шершаво, горбиной, чайки явятся, начнут биться с воронами из-за ершей; жаворонки, чибисы, кулички, а потом утки, лебеди и гуси навестят нас. Шумно будет, радостно, рыба станет ходить стайно, брать жадно, рвать лески, уносить крючки и блёсны...

А пока вся моя радость – глядеть на щурков. Есть такая птичка, вроде бы и невеличка, меньше скворца, побольше снегиря, очень работающая, добрая, бесстрашная птичка.

В середине марта, как только проснутся в наших лесах всякие мелкие паразиты: клещи, лесные блохи, стрекачи, тля разная пойдёт на свет, – щурки уж тут как тут.

Слетела с лесов, начала тучами опадать на лёд чёрная мушка с двумя коротенькими слюдяными крыльышками. В лужах и в лунках её кружит, под лёд её затягивает рыбам на радость, а она всё темней и темней наседает на всё живое.

Но вот на солнышке сверкнула пригоршня искр, рассыпалась, зарябила и вдруг погасла – это щурки табуном летели и на лёд упали, кругленькие, деловитые. От темна и до темна они работают: склёвывают тлю. На головку щурка тёмная ермолашка надета, зоб и грудь красным вымазаны, по туловищу полоски как оглобельки, лапки багровенькие, быстрые, подгузок и подкрылок беленъкие – оттого и сверкает

щурок на солнышке, а у самочек в хвосте перышки рябы, на спинке пепельно и дымчато.

Красивые птички!..

Зазимок щурку, как и человеку, радости не приносит. Тлю и мошку всякую снегом заметает. Вот и мечутся щурки по озеру в поисках корма, чирикают озабоченно, бегают по льду быстро и неслышно.

Кто-то из рыбаков оставил на льду полбуханки чёрствого хлеба. Два дня щурки долбили этот хлеб, соблюдая очерёдность, и выбрали нутро буханки.

Я сижу неподалёку от щурков, помахиваю удочкой с блесною. Щуркам я внушаю страх. Прежде чем залезть в буханку, они топчутся подле, ищут крошки на снегу и вдруг, с отчаянием пискнув, бросаются внутрь буханки, которая кажется им, наверное, огромной мрачной пещерою, а тут ещё маячит сзади человек в лохматой шапке, в шубе и с палкою в руках! Страсти-то какие, а есть охота!..

Заскочит щурок, ткнёт раз-другой клювом – и скорее наружу, а вместо него уж другой харчиться спешит. Которые щурки слабее духом, сверху на буханку садятся, пытаются по мёрзлой корке долбить, да не берёт корку птичий клюв.

Сотен до двух щурков собралось возле буханки, и в конце концов они осмелели до того, что на меня перестали обращать внимание. Они лезли в буханку, шевелили её, ссорились, и до того у них дело дошло, что птички вместе с буханкой опрокидываться начали. Опрокинувшись, щурки с криком выкатывались наружу и заполошно разлетались по сторонам.

Я поднялся от лунки и разломил хлеб на кусочки. То-то радостная работа тут поднялась, то-то хлопот было и веселья!

Я и рыбачить забыл – сижу глазею.

Слышу шаги. Рыбак идёт по озеру Кубенскому, лыжами шаркает. Подошёл, на пешню грудью опёрся – лицо красное, изветренное, глаза похмельные. На Кубенском озере есть этакая разновидность рыбаков – больше бродят и болтают, чем рыбачат. Нос у рыбака короткий, будто у щурка. Стоит, смотрит на птичек, как они питаются, сил набираются.

– Ишь жрут как! Им ещё далеко лететь, – сказал рыбак, зевая, – нашей местности птица. Я с Печоры родом, – пояснил он, – мы этих птичек силками имам и едим, жирны потому што...

«Имам и едим»! – передразнил я краснорожего рыбака. – Тебя бы самого имать да есть, небось не поглянулось бы!»

Доклевали щурки буханку, а не улетают, всё бегают по снегу, крошки ищут. И тогда я достал из рыбакского ящика свой хлеб, искрошил его на лёд, но искрошил к себе поближе.

Переживаний-то у щурков сколько было! Бегают, кружат возле меня и лунки, иной щурок изловчится и отлетевшую крошку схватит да и бежать, остальные птички нервничают, на меня поглядывают: «Что, мол, ты, дядя, задумал? Подманиваешь, да? Имать нас будешь, а?..»

Я старался не замечать, как щурки орудуют возле лунки, и они меня тоже замечать перестали. Один

настолько осмелел, что по валенку меня тюкнул – чешуинка от рыбы к нему пристала, а он думал – крошечка. Я тихонько засмеялся, щурок в сторону отпрыгнул, голову вбок повернул, глядит умным глазком и шейкой тревожно подёргивает: «Ох, ох, дядя, хороший, ты, видать, человек, а всё же боюся я тебя...»

Назавтра зазимок кончился, солнце объявилось, снег обмяк – поплыл под ногами, лёд чешуиться начал: над озером жаворонок запел, тля опять тучами на лёд посыпалась – и забыли про меня щурки, летают, бегают, весело кормятся перед дальней дорогой.

Один только раз прилетела ко мне стайка щурков, крошек маленько поклевала, но тут же снялась, сверкнула на солнце искорками. Толстенький щурок, молодой ещё, беззаботный, бегал возле моих ног, за ящиком копошился, чирикая: «Видишь вот, возле тебя бегаю и не боюсь».

Но глянул молодец, а стайки-то родной и нету! Забил он крыльями, запищал: «Куда же вы, братцы? Как же я без вас-то?»

Я проводил взглядом нарядную птичку, в полёте стремительную, в жизни – хлопотунью, и как-то сама собою возникла во мне песенка:

Ты, щурок-швырок,
Изукрашенный лобок!
Изукрашенный лобок,
Распуховенький бок!

Прилетай, щурок-швырок,
К нам на бел бережок,
На том бел бережку
Расклой забережку...

Косач – глухарь.

Чрево – живот.

Оглобля – жердь, соединяющая переднюю ось повозки и дугу.

Пешня – ломик для пробивания льда.

Капалуха

Мы приближались к лугам, куда гнали колхозный скот на летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо телят и бычков втянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.

В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистым доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки – лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнёт увеличиваться,

багроветь, затем синеть и, наконец, сделается чёрной с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других ягодников.

У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребятишки, которые гнали скот вместе с нами.

Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегает кругами глухарка (охотники чаще называют её капалухой).

– Гнездо! Гнездо! – кричали ребята.

Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

– Да вот же, вот! – показали ребятишки на замшелую корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилось от испуга – чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем – оно было тёплое, почти горячее.

– Возьмём! – выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мной.

– Зачем?

– Да так!

– А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё!

Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разбросены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняла для них тепло. Потому и закостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещет кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, — сказал подошедший учитель.

— Это как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё, каждую капельку... — грустно, по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть, застеснявшись этих

нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул:
— А ну пошли стадо догонаять!

И все весело побежали от капалухиного гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы не-

много отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напружена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

Вопросы и задания

1. Как повела себя капалуха, предчувствуя опасность? С кем писатель сравнивает самоотверженную птицу?
2. Почему ребята не стали разорять гнездо?
3. Каково отношение В. П. Астафьева к героям своих произведений? В чем оно проявляется?

Милаха и кот Громило

Из книги «Дядя Кузя – куриный начальник»

Свирепее, прожорливее и коварнее всех вредителей на птицеферме была крыса с желтоватой, будто подпалённой шерстью на спине и с коротким хвостом. Должно быть, ещё во времена разгульной молодости она лишилась половины хвоста — может быть, оторвали его крысы в драке, а может быть, в капкане оставила.

Эта крыса держала в страхе всех обитателей птичника. Мыши разбегались по сторонам, когда появлялась среди них толстая мордатая особа. Она была грозной владычицей тёмного царства, которое наперекор всем законам существовало под полом. Дядя Кузя слышал иногда шум, возню под половицами. Шум этот перекрывался властным визгливым голосом. После драки по углам долго и жалобно скулили крысы.

Куцехвостую крысу дядя Кузя прозвал Милахой.

Со стороны могло показаться, что отношения дяди Кузи и Милахи самые любезные и мирные. Но это лишь со стороны. На самом же деле они люто ненавидели друг друга. Милаха ненавидела дядю Кузю за то, что он подрывал её авторитет в крысином коллективе. А дядя Кузя ненавидел грозную атаманшу за то, что вот уже много лет она вместе со своей шайкой безнаказанно грабила колхоз. Шайка с каждым днём увеличивалась, а сама Милаха становилась наглей и развязней.

Отраву крысы не трогали. Видимо, их предводительница знала, что значит эта коричневая, с виду аппетитная масса. В капканы попадали только глупые мышки. Дядя Кузя понимал, что вся беда в Милахе. Стоит лишить банду главаря, в ней начнутся разлады, и она неминуемо погибнет.

Когда дядя Кузя приходил кормить кур, вся крысиная и мышиная семья рассыпалась по углам, шмыгала в норы и затихала. Но Милаха спокойно бегала по птичнику, ела из корытцев, не обращая ни малейшего внимания на старика.

— Кушаешь? — сдавленным голосом спрашивал дядя Кузя. — Ну-ну, кушай, гуляй, может, и подавишься.

Милаха переставала есть, поворачивала голову на голос и злобно ощеривалась.

Старик принимался собирать яйца из ящиков и как будто ненароком подвигался с автояйцесборочным агрегатом к Милахе. Но тактика эта была настолько стара и примитивна, что крыса даже не торопилась исчезать. Когда расстояние между нею и дядей Кузей сокращалось шагов до пяти, она не спеша, нахально повиливая толстым задом, уходила в нору. Там сию же минуту раздавался жалобный писк. Милаха срывала злобу на «подчинённых» и для остротки или по каким другим соображениям кусала их.

А дядя Кузя, ударив об пол шапочонку, топал ногами, плевался, воздевал руки к потолку, призывая бога, боженят и всю «небесную канцелярию» или его успокоить смертью христианской, или покарать «нечистую силу».

Но вот перебрался дядя Кузя со своей неспокойной «публикой», как он называл кур и петухов, в новое здание птицефермы и облегчённо вздохнул. Всё! Ушёл от прожорливой банды. Однако дядя Кузя поспешил успокоиться. Уже через три дня он услышал под полом беготню, резкий и, как показалось старику,

озабоченный голос Милахи. Дядя Кузя чуть не заплакал от бессильной ярости.

А ночью по всему птичнику разносился треск, шорох, скрежет. Это многочисленные хищники, возглавляемые Милахой, грызли пол, копали норы, устраивались в новом помещении со всеми удобствами. Они сильно изголодались за последние дни, да и работа оказалась тяжёлой: пришлось грызть крепкие половицы и брёвна. Ворвавшись в новый птичник, мыши источили овёс в бочках и ящиках, оставил вместо него мякину. Крысы загрызли насмерть несколько больных кур. А в скором времени обнаружилось, что они губят не только птицу.

Как-то вечером сходил дядя Кузя в баню, попарился и, усталый, разомлевший, побрёл к себе на птичник. Здесь он подстриг усы ножницами и причесал вихры перед кругленьким зеркальцем, выключил радио, прилёг на кровать и задремал.

Разбудил его какой-то подозрительный шорох.

Дядя Кузя подумал, что это по стенам бегают мыши. Они любят из пазов выдёргивать мох и делать там потайные ходы и лазейки. Но вместо мышей дядя Кузя увидел Милаху. Она торопливо забралась по стене в нижний ящик, один из тех, куда дядя Кузя выкладывал яйца из агрегата, перед тем как сдать их в кладовую колхоза. Милаха обнюхала яйца и, ухватив одно из них лапами, потащила к краю.

Дядя Кузя притворился спящим: прикрыл глаза и стал даже похрапывать. Милаха осмотрелась, пошевелила седыми усами, прикинула расстояние до

пола и вдруг, повернувшись, упала на спину. Удержать яйцо она не сумела и выпустила его из лап. Яйцо треснуло и разбилось.

Дядя Кузя думал, что это только и нужно крысе, но ошибся. Она что-то посоображала и проворно юркнула под пол.

Через минуту атаманша появилась в сопровождении трёх «подчинённых». Они легли на спины в ряд, а Милаха забралась в ящик, подкатила к краю яйцо, приселилась и сбросила его на мягкие животы крыс. Те вскочили и моментально укатили яйцо под пол.

Вскоре они вернулись, и всё повторилось сначала. Дядя Кузя не выдержал:

— Ловко, в чаю плавает верёвка!

Крысы бросились врассыпную, оставив на полу яйцо. Дядя Кузя взял его в руки, осмотрел и задумался. Он давно подозревал, что крысы таскают яйца, но как они это делают, ни разу не видел.

Утром дядя Кузя пошёл в правление колхоза, чтобы рассказать о проделках крыс. Здесь любили слушать о происшествиях на птицеферме и часто спрашивали старика:

— Ну, как там Милаха твоя поживает?

Тот всегда со смешком отвечал:

— Живёт, колхозный хлеб жуёт, что ей?

Но в этот раз дядя Кузя был хмур и на обычный весёлый вопрос отозвался без смеха:

— Она живёт и не один хлеб жуёт.

Сообщению многие не поверили. Однако нашлись люди, которые начали рассказывать о крысах ещё

более занятные истории, например, о том, как в одном магазине крысы через соломинку выпили красное вино из бочки, а милиция обвинила в этом завмага... Словом, разговор пошёл интересный, но дядя Кузя, к удивлению всех, не поддержал его и даже резко оборвал:

— Надо подумать, как колхозное добро сохранить, а вы сказками занимаетесь.

— Ну-у, это не по совести, тебе врать не мешали, — обиделись рассказчики.

Тогда дядя Кузя взорвался: раз так, больше он на этот проклятый птичник не пойдёт, а пусть туда отправляется председатель. Милаха со своей компанией быстро доведёт его до припадков. Уж на что он, дядя Кузя, железный человек, а нервы и у него до того расшатались, что он за себя порой не ручается. В подтверждение этого дядя Кузя так хватил дверью, что со стола бухгалтера упала чернильница.

Днём на птичник заглянул председатель колхоза. Дядя Кузя показал ему разбитое яйцо, испорченный пол, множество нор. Под конец пожаловался, что свои харчишки вынужден уносить на улицу и есть мёрзлый хлеб. А с его зубами и свежий не разжуёшь. Председатель первый раз слышал от дяди Кузи жалобу на «личное» и поэтому изумился:

— Да это и в самом деле беда! — И, подумав, предложил: — Слушай, возьми хоть на время нашу Муську, она, правда, ленива, но, говорят, крысы, а особенно мыши, кощачьего запаха боятся.

Председателева кошка Муська оказалась не только ленивой, но и трусливой. Она не выдержала на птичнике и одной ночи.

Сначала она принюхивалась, хвостом помахивала. Но вот стемнело, подняли крысы возню под полом, завизжали, забегали.

Муська — под кровать.

Однако и там ей показалось жутковато. Она прыгнула к дяде Кузе на постель, но была с презрением вышвырнута оттуда.

Дядя Кузя ругал её последними словами, а председателя нещадно срамил за то, что тот держит в доме такую бесполезную скотину и вырастил на колхозных хлебах буржуйскую барыню.

Утром Муська подошла к двери и замяукала: отпустите, мол, ради бога, тут пропадёшь! Дядя Кузя открыл дверь, пнул напоследок гладкую кошку и плонул ей вдогонку.

Вскоре дядя Кузя поехал в город на рынок и увидел там бездомного тощего кота, с одним ухом и дикими глазами.

Кот шлялся по рынку, учинял дерзкие налёты на мясные ряды и на глазах у публики схватил воробья, дремавшего под крышей молочного павильона.

Люди махали руками, топали, пытались устрашить бродягу.

Кот устроился на перекладинке, и оттуда на головы базарных торговок полетели перья.

Съев птичку, кот утёрся лапой и занялся дальнейшим промыслом, а дядя Кузя, хватая соседей за руки, с восторгом кричал:

— Вот это ко-от! Это громи-ило! Мне бы такого на ферму.

— Так возьми, кто тебе не велит? Весь рынок из-за него горько плачет.

— Где ж такого поймаешь? — с уважением сказал дядя Кузя. — Он небось столько бит, что людей пуще огня боится.

Но всё же дядя Кузя отыскал на рынке мальчишек и пообещал им рубль за доставку кота. Через полчаса мальчишки принесли дяде Кузе базарного пирата и, показывая исцарапанные в кровь руки, потребовали:

— Добавляй, дедушка, ещё монетку, чай, пострадали.

Дядя Кузя добавил монетку — двадцать копеек.

Так бездомный кот очутился на ферме и получил с лёгкой руки дяди Кузи грозное имя — Громило.

Коту на птицеферме понравилось. Он огляделся, для засына стянул со стола кусок сала, умял его тайком и завалился спать в бочку с овсом.

Дядя Кузя за сало кота не ругал, не наказывал. Он выслуживался перед этим бездомным бродягой, старался размягчить его ожесточённую душу лаской и заботой. Он даже попытался погладить кота, но тот всадил когти в руку старика. Дядя Кузя стерпел и это. Он готов был пойти на любые унижения и муки ради того, чтобы кот прижился на ферме.

Выспавшись, Громило полакал воды, зевнул и вдруг мгновенно преобразился. Хвост его начал бесшумно перекладываться из стороны в сторону, как руль. Шея укоротилась. Он сжался, напружиинился и сделал неожиданный бросок в угол, к бочкам. Раздался писк, и через минуту Громило появился с мышью в зубах.

Глаза его горели беспощадным зелёным огнём!

Нет, он не играл с пойманной мышью. Этому суровому бойцу не было известно, что в мире существуют развлечения. Зато Громило хорошо знал, что такое голод. Не успел он распорядиться добычей, как снова насторожился и снова сделал прыжок.

Дядя Кузя тихо ликовал:

— Всё! Пропала банда! Кранты!

Утром дядя Кузя обнаружил возле печки кучу мышей. Были они всяких мастей и пород. Сам кот Громило с подозрительно раздувшимся животом дремал на плите, утомлённый ночной работой.

Дядя Кузя не стал даже чай разогревать, чтобы не беспокоить охотника. Он схватил бутылку и бесшумно выскочил из птичника.

Через час старик вернулся из деревни с молоком. За это время все колхозники успели узнать, что в здешних краях появился кот Громило, который наведёт порядок не только на ферме, но и во всей деревне.

Дядя Кузя налил в консервную банку молока и, когда кот проснулся, робко попросил:

— Попил бы молочишко на верхосытку. Громило не заставил себя упрашивать, вылакал всё молоко и забрался в бочку с овсом — досыпать.

Ночью он снова промышлял.

Затихли визги под полом, прекратилась возня и беготня.

Крысы и мыши попали в осаду, воровали редко, жили в постоянном страхе, вскрикивали по ночам. Наверное, являлась им во сне светящаяся жуткими зелёными огнями морда кота Громилы.

Порою ходил Громило с дядей Кузей в птичник, где не совсем равнодушно поглядывал на кур.

Дядя Кузя однажды укорил кота:

— А что, брат, Милаху-то не берёт твой зуб? Мышками да крысятами развлекаешься. Ты вот излови её, анафему, тогда будешь соответствовать целиком и полностью своему имени.

Но враг ушёл в подполье, не принимал открытого боя. Тогда дядя Кузя зацементировал все дыры в обеих половинах птичника и оставил всего одну, в кормокухне. Это значительно облегчило работу коту Громиле.

Милаха не показывалась. Но в том, что она жила и действовала, не было никакого сомнения. Иногда под полом возникала борьба и снова слышался резкий, как скрип пилы, голос старой атаманши.

Громило уже знал этот голос. Он настораживался, шёл к норе, шевелил хвостом и дежурил, дежурил.

Иногда у норы поднимался визг, хрип, шум, и Громило оттаскивал к плите мёртвую крысу.

Дядя Кузя бежал посмотреть, но это оказывались всего лишь «подчинённые» Милахи, которых она, видать, высыпала на разведку.

Кот Громило отъелся настолько, что его можно было, хотя и под сомнением, пускать одного к курам. Дядя Кузя однажды закрыл кота в птичнике.

Среди ночи в той половине, где был оставлен Громило, поднялся переполох. Куры хлестали крыльями, петухи орали. Дядя Кузя сунул ноги в валенки и спешно туда.

В полуутёмном углу птичника, под ящиками несущек, он обнаружил искусанного, окровавленного кота Громилу. Кот старательно зализывал раны. Поодаль от него валялась с растерзанной головой Милаха.

Громило даже не глядел на неё.

Дядя Кузя склонился над израненным котом. Не решаясь погладить или приласкать его, старик лишь словами выражал своё восхищение:

— Громилушко! Воин ты великий! Изничтожил ты гада-вредителя!.. Тыщи ты колхозные спас, и полагается тебе за это большая премия в виде молока и рыбы. Дают же премии пограничным собакам за верную службу? Дают. Так вот и для тебя я требую. Если не требую, значит, я не старый красный партизан, и пусть меня тогда прогонят с должности заведующего фермой в шею.

Премию Громило получил. Слух о героическом коте облетел все окрестные деревни. Люди прихо-

дили дивиться на кота Громилу, целым классом прибывали школьники. Учитель написал о коте Громиле поэму, но её забраковали в районной газете, ответили, что газета отражает героические дела людей, а не животных. Из-за этого районная газета потеряла ещё одного читателя: дядя Кузя перестал подписываться на неё.

Агрегат – механизм, состоящий из нескольких машин.

Харчи – еда, пища.

Анафема – проклятие.

Вопросы и задания

1. Какие черты характера дяди Кузи вызывают восхищение односельчан?
2. Каким образом кот Громило сумел добиться расположения дяди Кузи?
3. Найдите черты сходства в характерах главных героях рассказа.

Гуси в полынье

Ледостав на Енисее наступает постепенно. Сначала появляются зеркальные забереги, по краям хрупкие и неровные. В заливчиках и заводях они широкие, на быстрине – узкие, трепещущие. Но после каждого морозного утра они становятся всё шире, а потом начинает плыть шуга. И тогда вся река шуршит печально, утихомиренно, засыпая до весны.

С каждым днём всё толще и шире забереги, уже полоса воды, гуще шуга. Она теснится, рыхлые льдины с хрустом лезут одна на другую. А потом окрепшая шуга спаивается, и однажды, чаще всего в студёную ночь, река встаёт.

Там, где река в последний раз сердито громоздила льдины, остаются торосы – острые ледяные клики торчат всюду.

Но вот закружилась позёмка, потащило ветром снег по реке, и зазвенели тонкие льдинки, сдерживающая порывы ветра; возле них, как у щитков, образовались сугробы.

Только на быстрине, на самой стремнине, где торосы высоки и льдины крепки, что стала, всю зиму торчат они, зеленоватые, сверкающие на солнце.

Но как бы ни крута была осень, как бы густо ни шла шуга, она никогда не может разом усмирить Енисей. На нём то там, то тут остаются полыни. Самая большая полынья – у Караульного быка.

Здесь всё бурлит, Klokochet, шуга плывёт дальше, свирепое течение крушит хрупкий припай. Не мирился Караульный бык, не желает вмерзать в реку. Уже вся река замёрзла, а он стоит в полой воде. Уже идут по льду первые отчаянные пешеходы, осторожно прощупывая палкой лёд перед собой; появилась одинокая подвода, затем длинный, неторопливый обоз, а у быка всё ещё колышется пар и чернеет вода.

От пара куржевеют каменные выступы быка, а кустики, трава и сосенки, прилепившиеся к нему, обрастают толстой бахромой, и среди тёмных, угрю-

мых скал Караульный бык, разрисованный пушистыми, до рези в глазах белыми узорами, кажется каким-то чудом.

Однажды после ледостава кто-то сообщил в деревню, что возле быка, в полынье, плавают гуси и не улетают. Гуси крупные, людей не боятся – должно быть, домашние.

И в самом деле, вечером, когда мы, ребятишки, катались на санках, с другой стороны реки послышались тревожные крики. Можно было подумать, что там кто-то долго, настойчиво и нестройно наигрывал на пионерском горне. Гуси боялись наступающей ночи. Ведь полынья с каждым часом становилась всё меньше. Мороз исподволь, незаметно округлял её, припаивал к закрайкам плёночки льда, которые твердели и уже не ломались от вихревых струй.

На следующий день мы целой оравой перешли реку по свежей, щё чуть наметившейся тропинке и приблизились к быку. Один по одному забрались на выступы обледенелого камня и сверху увидели гусей.

Полынья сделалась совсем маленькой. Там, где вода выбуривала тугим змеиным клубком и кипела так, словно её подогревали снизу громадным костром, щё оставалось тёмное яростное окно. И в этом окне металась по кругу ошалевшая, усталая и голодная стайка гусей. Чуть впереди плавала дородная гусыня и время от времени тревожно вскрикивала. Иногда она подплывала к хрупкому припаю, врезалась в него грудью, пытаясь выбраться на лёд и вывести весь табун.

Мне и прежде приходилось видеть плывущих среди льдин гусей. Где-то в верховьях Енисея они жили себе, жировали и делались настолько беспечными, что и ночевать оставались на реке. И эта беспечность приводила к тому, что ночью их подхватывало свежей шугой, выталкивало на течение, и к утру они уже оказывались невесть где и в конце концов вмерзали в лёд или выползали на него и, конечно, гибли от мороза.

А эти всё ещё боролись. Их подбрасывало на волнах, размётывало в стороны, как белый пух, и тогда мать вскрикивала коротко и властно. И мы понимали это так: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне! Не вешать голов!»

Внезапно одного гуся течением отделило от стайки, подхватило и понесло к краю полыни. Он поворачивался навстречу струе грудью, пытаясь одолеть течение, но его тащило и тащило. А когда пригнало ко льду, он закричал отчаянно. Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю льда, свалило на бок, и он беленьким комочком мелькнул под припаем, как под стеклом, и исчез навсегда.

Гусыня кричала долго и с такой печалью, что у нас спины покоробило.

И тут кто-то из ребят сказал:

- Пропадут гуси. Все пропадут. Спасти бы их!
- А как?

Мы задумались. Ребятишки-ребятишки, а понимали, что с Енисеем шутить нельзя и что к полынье

подобраться невозможно. Обломится припай у полыни, и мигнуть не успеешь, как очутишься подо льдом и закрутит, как того гуся, — ищи-свищи потом.

И вдруг разом, как это бывает у ребятишек, мы заспорили. Одни предлагали подбираться к полынье ползком, держа друг друга за ноги; другие говорили, что надо позвать охотников и пристрелить гусей, чтобы не мучились; третьи утверждали, что надо ещё день подождать, и гуси сами тогда выйдут на лёд, выжмет их из полыни морозом.

Так, споря, мы спустились с быка и очутились на берегу возле домов известкарей.

Много лет мои односельчане занимались нехитрым и тяжёлым делом — выжигали извёстку из камня. Камень добывали из скал, возили на берег. Здесь же на берегу разделявали приплывленные плотами брёвна на длинные поленья — бадоги.

Возле одной поленницы, гулко охая, был по кличу деревянной колотушкой Мишка Коршуков. Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек, но так уж все его звали: Мишка и Мишка.

Однажды этот Мишка на спор перешёл во время весеннего ледохода Енисей и оттого считался в деревне отчаянной головушкой.

— Что за шум, а драки нет? — спросил нас Мишка, опуская деревянную колотушку. Его озорные чёрные глазаискрились смехом, на носу и на груди блестел пот, и весь он был в плёнках берёсты, и кучерявая цыганская голова сделалась седой от этих плёнок.

Мы рассказали Мишке про гусей. Он радушным жестом указал нам на поленья. Когда мы расселись и сосредоточенно замолкли, Мишка закурил, выпустил клуб дыма и сказал:

— Погибнут гуси, если не помочь им выбраться.

Нам сразу стало как-то легче: Мишка выручит, он такой.

Мишка и впрямь скомандовал нам следовать за ним, и мы побежали на угор, где строился барак.

— Всем взять по длинной доске! — отдал распоряжение Мишка.

И мы возликовали.

Ну конечно же, доски надо, как это мы не догадались сами!

И вот мы бросаем доски и, держа друг друга за ноги, ползём между торосов к припаю. Кое-где под козырьками льдинеё осталась оконца воды, но мы стараемся не глядеть туда.

Мишка сзади нас, ему нельзя на доску — он тяжёлый. Когда заканчивается доска, он просовывает нам другую, мы кладём её впереди и снова ползём, ползём.

— Стоп! — командует Мишка. — Теперь надо одному. Кто тут полегче? — Он обмеривает всех нас взглядом, и его глаза останавливаются на мне. — Сымай шубёнку! — приказывает он, и я начинаю расстёгивать пуговицы. Хочется мне закричать, убежать, потому что уж очень страшно дальше ползти.

Но Мишка смотрит на меня, стоя на доске, по которой я уже прополз, и никак невозможно ему возражать.

Я ползу по доске. Она кажется мне горячей. Под доской трещит и прогибается лёд.

— Гусоньки, гусоньки... — шепчу я, глядя на сбившихся в кучу гусей, которые отплыли к противоположному краю полыни и встревоженно, с недоумением погагакивают. — Гусоньки, гусоньки... — умоляю их, зову и не могу дальше ползти — страшно. А лёд с тонким перезвоном оседает под доской, и беленькие молнии со щёлком и дзиком мечутся по нему. — Гусоньки, гусоньки! — плачу я и маню их пальцем, рукой, глазами.

А они по-прежнему толпятся в противоположной стороне и, вытянув шеи, глядят на меня.

Вдруг я почувствовал, что возле моего бока что-то зашуршало, и я обмер — подумал, что лёд вовсе обломился, и уцепился за доску.

— Держи, держи доску! — слышу я тугой, взволнованный шёпот Мишки и, не оборачиваясь, нащупываю доску. Она ползёт по гладкому льду легко, и я почему-то думаю, как, наверное, хорошо и бесконечно долго летели бы каменные плиточки по такому вот гладенькому, без единой морщинки, льду.

Доска доползла до воды, чуть прогнула ледок, раскрошила закраек. Я держу кончиками онемевших пальцев доску и опять зову, умоляю:

— Гусоньки, гусоньки, миленькие...

Мать-гусыня поглядела на меня и, недоверчиво гагакая, поплыла к доске. Всё семейство двинулось за ней. Возле доски мать развернулась, и я увидел, как быстро заработали её яркие, будто огонь, лапы.

— Ну, вылезай, вылезай! — нетерпеливо закричали сзади меня ребятишки.

— Ша! Мелочь! — гаркнул Мишка, и ребята покорно замолкли.

Гусыня, напуганная криками, отпрянула, а потом, успокоившись, повернулась грудью по течению, поплыла быстро-быстро и выскочила на доску. Чуть проковыляла до края и приказала: «Делать так же!»

— Ах ты умница, ах ты умница!.. — шептал я.

Гуси так же стремительно заплывали на доску и ковыляли по ней, а я отползл назад, дальше от чёрной, жуткой полыни и манил:

— Гусоньки, гусоньки!..

А потом, уже на крепком льду, схватил тяжёлую гусыню на руки, зарылся носом в тугое, холодное её перо.

Ребята подобрали остальных гусей, и мы помчались в деревню.

– Не забудьте покормить их! – кричал вслед нам Мишка. – Да в тепло их, в тепло! Намёрзлись, сердечные...

Я припёр домой гусыню, а остальных гусей ребята растащили по своим домам. Бабушка, узнавши, где я был и как гусыню добыл, чуть было ума не решилась и говорила, что Мишке Коршунову она застась баню. Гусыня орала на всю избу, клевалась и ничего не желала есть. Бабушка выгнала её во двор и заперла в стайку. Но гусыня и там орала на всю деревню, орала до тех пор, пока не отнесли её в другой дом и не собрали к ней всех гусей. Тогда гусыня успокоилась и поела.

С тех пор в нашей деревне появились гуси. И сейчас по улице важно ковыляют, а то плещутся с утра до вечера в Енисее правнуки и праправнуки той храброй и умной матери-гусыни, которую мы спасли от смерти.

Забереги – полоса льда у берега.

Шуга – скопление рыхлого льда в воде.

Торос – ледяная глыба, образовавшаяся при скатии льдов.

Припай – лед, примерзший к берегу.

Куржеветь – покрываться налетом изморози.

Угор – крутой, высокий берег реки.

Сымай – снимай.

Вопросы и задания

1. Почему дети решили вытащить гусей из полыни? Как этот поступок характеризует ребят?

2. Определите авторское отношение к поведению детей. Согласны ли вы с писателем?

3. В чем заключается поучительный смысл этого рассказа?

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ

(Род. в 1932)

Василий Иванович Белов – вологодский писатель, широко известный в нашей стране. Родился он в деревне Тимониха Харовского района в 1932 году. Во время Великой Отечественной войны погиб его отец, мать Анфиса Ивановна осталась одна с маленькими детьми. Василий Белов рано начал работать в колхозе, как большинство подростков военного времени. После войны получил профессию столяра. Отслужив в армии, закончил Литературный институт имени Горького. В 1964 году, уже будучи известным писателем, Белов вернулся в Вологду, где и живет по сей день.

Книги Василия Ивановича Белова переведены на многие языки. А пишет он прежде всего о деревне, о ее жителях. Лучшими его произведениями считаются книга «Лад», повесть «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», большой роман о русской деревне «Час шестой».

Одной из ярких книг Белова являются «Рассказы о всякой живности», сборник коротких историй из жизни села. Герои этой книги – люди и домашние животные, с которыми связаны различные веселые и грустные истории.

Валдай и Кузя

Из книги «Рассказы о всякой живности»

Я уже говорил, что почти ежегодно Федя покупал на колхозной свиноферме поросенка и всякий раз называл его одинаково: Кузя. Животное долго содержалось в хлеву, но ведь надо же когда-то и на улицу, пусть ты и Кузя! И вот этот момент был всегда весьма интересным.

В этот раз очередной Кузя был уже довольно большой. Федя на руках вынес его на улицу. Чистый, вымытый, Кузя взглянул на белый свет и от восторга припустил вдоль деревни. Федя воротил его обратно. Кузя порыл пятаком дерн и припустил в другую сторону. У Феди хватило терпения еще раз приправить Кузю к дому. Валдай лежал на пригорке и спокойно наблюдал за всем этим.

Под горкой, недалеко от Федина дома, был скотный двор. Жидкий коровий навоз всю зиму и весну вывозили прямо на снег недалеко от двора. К весне получилась большая навозная лепеха. Летом от ветра и солнышка она покрывалась коркой. И вот тут и получился у Феди конфликт с Кузей. Стоило Феде увернуться за угол, как Кузя со всех ног опять бросился на простор. Поросенок галопом достиг навозных пределов... и на ходу, нежно, одним боком привалился к навозной гуще. Затем побежал дальше.

Надо было видеть, что тут поднялось!

Федя, нецензурно выражаясь, бросился за поросенком. Кузя отбежал еще дальше.

– Ну, погоди! – кричал Федя. – Дай только до Октябрьской дожить, опалю гада живьем!

Видя, что все равно не догнать, Федя решил воздействовать на животное лаской:

– Кузя, Кузя, Кузя! Беги, батюшко, сюда, Кузя, Кузя!

Поросенок остановился и с таким же восторгом повернулся обратно домой. Один бок у него был чистый, белоснежный, другой, черный от навоза, лоснился, как вороново крыло. Такой цветовой контраст вверг Федю в злое отчаяние, он уже принес палку, чтобы отхлестать Кузю, но поросенок, словно догадываясь, припустил вдоль деревни.

С трудом удалось Феде поймать животное. Он схватил Кузю за ногу и волоком потащил на речку. Мыть. Кузя верещал. Федя вымыл его, на руках принес домой и закрыл в хлеву.

Так неудачно закончилась первая Кузина прогулка.

Федя продержал его в помещении несколько дней, никуда не пускал. Наконец, выпустил вновь, и опять Кузя устроил все точь-в-точь, как и раньше! Опять чистенький, белоснежный, бросился он к навозной гуще и залез в нее теперь уже весь, по уши.

Не буду описывать, что творил после этого Федя. Несколько раз он вытаскивал Кузю из навозной гущи, лупил его палкой и отмывал в речке. Но через полчаса вымытый поросенок снова был похож на арапа.

Федя был в полном отчаянии. Ему надоело мыть поросенка. Через несколько дней он махнул на Кузю рукой:

— Только бы до Октябрьской дожить!

В тот же день Федя выпустил Кузю на улицу и тут же исчез, чтобы не расстраивать больше нервы. Валдай лежал, как всегда, на пригорке. Я видел из своего окна, как поросенок припустил было вдоль деревни, но вдруг Валдай с лаем бросился за Кузей. Кузя повернулся к дому, Валдай опять улегся на свой пригорок. Но Кузе, видимо, не терпелось вновь испробовать навозную ванну, он порыл пятаком дерн и припустил в другую сторону, прямиком к скотному двору. Что такое? Я не поверил своим глазам. Ай да Валдай! Пес быстро обогнал поросенка, с лаем встал на пути. И Кузе волей-неволей пришлось повернуть.

С тех пор Федя мог спокойно выпускать Кузю на улицу. Валдай хорошо освоил то, что от него требуется, он тщательно следил за поведением Кузи.

Федя принял все это как должное и ничем не поощрил умного пса. Впрочем, Валдай, вероятно, и не ждал благодарности. Для всех все это оказалось в порядке вещей.

Хлев — помещение для крупных домашних животных.

Дерн — верхний слой почвы, густо заросший травой.

Скотный двор — место, где содержат большое количество скота.

Октябрьская — советский праздник, посвященный Великой Октябрьской революции, отмечался 7 ноября.

Арап — чернокожий человек.

Кот Рыжко

С котами и кошками в деревне всяких случаев тоже было немало. Очень интересны эти животные и даже какие-то странные. (Вообще я считаю, что самые умные, прирученные человеком животные — это собаки и лошади, а самые глупые — овечки и курицы.)

Расскажу теперь про кота, который так нахально, не имея на это никаких прав, сосал Малькино молоко. Лидия покаялась десять раз, что принесла его жить к себе домой. Почему? Во-первых, дома он жил совсем редко, все время где-то шатался. Во-вторых, если и жил, то безобразничал. Кто, например, научил его таскать цыплят? Вместо того чтобы ловить мышей, он ловил цыплят. И все это до глубины души возмущало всю деревню. Женщины ругали его шпаной и прохвостом, ребятишки кидали камнями, а Федя

много раз просил у меня ружье, чтобы кота застрелять. Я не давал под разными предлогами. Не очень-то я верил тому, что говорят про кота, пока сам не убедился в правоте этих рассказов.

Как-то я наблюдал за одной синичкой. Смотрю, кот притаился в траве и ждет удобный момент. Ничего не скажешь, красив! Он был яркий, как огонь, очень рыжий, даже оранжевый, с белым брюшком. Синичка слетела на крыльце и запрыгала, поминутно дрыгая хвостиком. Рыжий крался к ней. Вытянув шею, он бесшумно передвигался в траве. Иногда, чтобы переступить, долго держал в воздухе лапу – так был осторожен. Синичка, ничего не подозревая, поскакивала на ступеньке, а мне так и хотелось ее спугнуть. Но неужели, думаю, она такая дурочка? Когда между нею и котом оставалось метра два и когда Рыжий напрягся для прыжка, я бросил в синичку кепкой. Она улетела, я подошел к коту.

Он не прыгнул, не удрал. Он зажмурился и с прижатыми ушами замер в траве. Очень может быть, что он притворился мертвым или просто в отчаянии ждал очередную порку. Он не открыл глаз, когда я взял его за шиворот. Не пошевелился, так и висел в воздухе с при-

жатыми ушами. Я положил его на землю, плонул и отошел. Только тогда он сиганул за угол.

Синицу или воробья изловить не так-то и просто. Может быть, поэтому он и стал воровать у наседок беспомощных глупых цыплят, навлекая на себя всеобщее возмущение.

После случая с синицей я долго кота не видел. Однажды я ходил в лес, километра за три от деревни. Присел на пенек отдохнуть и покурить, вдруг в густых кустах можжевельника, росшего на полянах, мелькнуло что-то оранжевое, яркое. «Лиса! – сразу сообразил я. – Мышек, что ли, ловит? Или птичек?» Я затаился, смотрю – опять кто-то ярко-оранжевый подскочил в воздухе и исчез. Нет, это надо же! Вместо лисы оказался Лидиин кот. Но что он делал в лесу, так далеко от деревни? И где же он тут ночует?

– Кис, кис, – позвал я. – Иди сюда, Рыжко!

Кот долго не показывался из кустов. Потом все же вышел, поглядел на меня, подошел и начал... мурлыкать. Мурлыкать и тереться о мое голенище. Я дал ему головку от окуня, запеченного в пироге. Он неторопливо съел. Когда я позвал его домой, он охотно побежал следом за мной.

– Хватит шататься, – на ходу рассуждал я. – Домой пойдем, ночевать надо дома. Чего тебе в лесу ночевать?

Оглянувшись, я увидел, что кота не было. Обманул. А может, просто удрал, не желая возвращаться в деревню, где уже так много нагрешил и набезобразничал.

Счастливого плавания!

Гусей своих Федя не любил и ругал ужасно. Было за что! Каждое утро они так противно и громко кричали, что хоть зажимай уши. Причем ведь ни с того ни с сего.

– Ну, вы и скотинка, – задумчиво разглядывал их Федя. – Ну, вот ты, скажи, чего горло дерешь?

В ответ раздавался новый противный скрипучий крик. Федя безнадежно махал рукой и уходил. Гуси правились на речку, переваливаясь с боку на бок. Купались, плескались и снова гуськом ступали домой. Их было четверо: гусак и три гусыни. Гусак шипел на меня, когда я приходил к Феде. Он по змеиному вытягивал шею и шипел, норовя ущипнуть. И щипал, разумеется. Особенно незнакомых прохожих. Феде было за что не любить гусей.

Даже Валдай, не желая с ними связываться, обычно уходил от них прочь, а корова при их виде так сердилась, что бросалась на них с рогами. Дело дошло до того, что однажды она кинулась на гусыню, прижала ее рогами к земле и измяла до полусмерти.

После того как расплодились кролики, Федя решил, как он выражался, гусей «леквидировать». Тракторист из одной дальней деревни возил Феде лес для ремонта дома. И почему-то обзарился на гусей. Не знаю уж на каких условиях, но Федя продал ему крикливых птиц. Проезжая однажды деревней, тракторист остановил машину. Федя посадил всех гусей в большой плетеный пестерь, в котором носят сено

скоту. Пестерь завязали сверху холщовой подстилкой и привязали к прицепу, сзади трактора. Машина тронулась с грохотом. Федя, стоя на дороге, произнес:

– Ну, счастливого плаванья! Избавился от бесов.

Через два дня тракторист завез попутно Федин пестерь с подстилкой.

– Ну, как там птички-то? – спросил Федя тракториста.

– Нормально, живут, – сказал тракторист и уехал дальше. Федя отнес пестерь в сени, взял там ведра, водонос и пошел за водой. Позже он рассказывал мне, что его даже в пот бросило: по реке, прямиком к Фединой бане, важно плыли четыре гуся. Вот тебе и счастливого плаванья!

Федя пришел домой без воды... Как он ни заворачивал гусей, как ни стегал их лозиной, они не хотели плыть обратно.

– За три километра против течения! – дивился он. – Нет, а молодцы, помнят родной дом! И хозяина помнят.

К вечеру, когда тракторист проезжал обратно, Федя из окошка помахал ему:

- Остановись-ко!
- Чего? – трактор остановился.
- А гусей не надо ли дополнительно? У меня еще есть! Нет, ты зайди, зайди...

Федя вдоволь похващал над покупателем, которого едва уговорили забрать гусей. Их погрузили опять в тот самый пестерь и приторочили к гидравлическому прицепу.

За лето они приплывали к Феде еще два раза. Федю любили не только все животные, но и птицы. Несмотря ни на что.

Горло дратъ – громко кричать.

Обзариться – позавидовать.

Пестерь – берестяной короб.

Гидравлический прицеп – прицеп с устройством для погрузки бревен на него.

Выручил

Всю жизнь бабушка Марья держала корову. Но оттого что косить разрешалось только за проценты, ей, как и многим другим старухам, пришлось сдать животину в колхоз. Кто от этого выиграл – неизвестно. Скорее всего, никто. Ведь все равно бабушка Марья сдавала молоко государству и теленок тоже шел государству, а трава, особенно в лесу, пропадает зря.

Так ли иначе частный сектор бабушки Марьи был полностью ликвидирован. Но человеку, всю свою жизнь связавшему со скотиной, очень трудно привыкать жить одному. И поэтому бабушка завела овцу и козу. На другое лето бабушка выпускала в поле уже целую ораву, в числе которой был не только баран, но и козел.

Сена на эту ораву потребовалось не меньше, чем на корову. Поэтому бабушка овец оставила, а коз продала. Вот только на козла никак не находилось покупателя. Резать было жалко. Так и шло дело, как в песенке: «Жил-был у бабушки серенький козлик». Какой, к черту, козлик! Это был уже настоящий козел, вонючий и такой приставала, что один ужас. Оттянет губу и лезет ко всем по очереди. Его лупили за нехорошее поведение проезжающие трактористы. (Хотя, если разобраться по совести, от них-то пахло не лучше. Горючим и всякой гарью.) И вот нынче, жалея козла, бабушка Марья перестала выпускать его на свежий воздух. Она запирала его в старой зимней избе и кормила пыльным прошлогодним сеном. Козел чихал и не ел. Тогда бабушка наводила ему в ведре вкусного пойла. Вот это другое дело, как бы говорил козел и, причмокивая, маяхал хвостом. Бабушка разговаривала с ним, как с человеком: «Экой ты плут, откуда навязался на мою голову?»

В сенокос она бродила понемногу косить. Козел, оставаясь один, блеял взаперти на разные голоса. Федя, встретив однажды старуху, спросил:

– Ты чего, телевизор, что ли, купила?
– Полно, – замахалась бабка. – Какой у меня телевизор.

– А я думал, купила. Весь день поет. Ведь никому и на трубе так не выиграть, как он, бедняга, выводит.

– Да чего делать-то? Исколотили всего.

– Выпускай! – коротко посоветовал Федя. – Я выручу.

Бабушка Марья недоверчиво покачала головой:

– Да как выручишь-то?

– А это уж мое дело как.

И бабка выпустила козла. Говорят, что все гениальные мысли очень просты. Не зря говорят. Федя поступил просто. Он начал учить козла бодаться. Надел мотоциклетную каску, встал на четвереньки и под смех ребятишек боднул козла. По вечерам они с козлом устраивали на лужке тренировки. Козел оказался способным учеником. На третий день он понял, что от него требуется.

Федя решил больше не рисковать своей головой и начал ставить на торец широкую доску, прикрываясь ею, как щитом, дразнил:

– Ну, душной, давай!..

Козел несильно стучал в доску рогами. Вскоре он научился бить с разбегу, и Федя едва удерживал доску. Однажды козел вышиб защиту и разбежался еще, чтобы ударить прямо по Феде. Феде пришлось бежать, он еле успел захлопнуть ворота.

С этого дня ни один тракторист даже пальцем не смел тронуть козла. Но бабушка Марья попала в другую беду. Козел начал бодать всех подряд. Ей пришлось снова заточить козла в старую избу...

Частный сектор – здесь: собственное хозяйство.

Заточить – здесь: посадить под замок.

Вопросы и задания

1. Чем интересны животные, о которых рассказывает В. И. Белов?
2. Какие чувства у автора вызывает поведение этих животных? Чем объясняется его восхищение одними и осуждение других?
3. Что вы можете сказать о людях – персонажах этих рассказов? Каково их отношение к животным?
4. Попробуйте проиллюстрировать понравившийся вам рассказ.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПОЛУЯНОВ

(Род. в 1926)

Иван Дмитриевич Полуянов родился в 1926 году в деревне Киселево Нюксенского района. В этих краях он и учился, бегая в школу за четыре километра по лесной дороге. Отсюда он уехал в Архангельск, мечтая выучиться на художника. После войны, уже став писателем, вернулся в Вологду. Не раз он рассказывал о родных местах, о реке Сухоне в своих произведениях «Хозяин Огненного бора», «Одолень-трава», «Василек-бегунок», «Солнцеворот».

Вологодский писатель Иван Дмитриевич Полуянов – автор многих книг о северной природе. Наблюдательность и бережное отношение ко всему живому позволяет ему проникнуть в тайны жизни животных, птиц и растений. Его книга «Месяцеслов» рассказывает о жизни природы в разные времена года, о народных приметах и праздниках.

С чужого плеча

Из книги «Месяцеслов»

Следы птиц, зверей на снегу называют строчками, а отсюда и снег – Белой книгой. Сходи, мол, почитай – очень увлекательно, грамотным будешь. Грамотным? Так уж сразу?

Ступай-ка, допустим, лисьим следом. Читать, перескакивая с пятого на десятое, само собой, никуда не гоже. Но пока доберешься до конца строки, лазая по сугробам, сколько потов сойдет! Ведь лисе прыти не занимать! Правда, в конце строки, в точке, она сама.

Где-нибудь под елкой. Дремлет, укрывшись пышным хвостом. Только подпустит ли? Наверняка удерет. Была точка – появится многоточие. Из новых, аккуратнейших на свете лисьих следов. Ну что, взял?

Или вот лось – длинные ноги. Двинет ломить сквозь кусты этакая громадина, ой-о-ой сколько набродит: шаркаешь, шаркаешь лыжами, на снегу одно и то же – канава. Значит, лось до земли в снегу вязнул. Читать нечего. Шел он, шел, да остановился. Зубом талую осину на припеке поскреб. Спину о шершавую елку почесал и опять зашагал... Бывает, дня не хватит и одну строку прочесть!

Поэтому всего занимательней, по-моему, та строчка, которая начинается с вопроса, еще лучше – с помарки...

Перышко на снегу – помарка на белой странице, и ничего больше. Лежит-дрожит, ветер им играет. Можно мимо пройти, можно задержаться: чье оно, перышко?

Думается, что ястреба. Белесое, в темных попечных полосах. Видятся за перышком хищные лапы, желтые, как сыромятным ремнем перевитые, убийственный клюв крючком и полосатая тельняшка воздушного пирата, от которого не то что птичья мелкота, бородатый глухарь шарахается куда попало: спуску не жди, ястреб – известный разбойник!

Перышко. Поляна с сухостойной сосной.

Словно бисер рассыпан, голубеют мышиные следки, веером разбегаясь от подножия дерева. Развились мыши, строчили мелкие свои тропочки, как на швейной машине шили. Может, луна им светила. Может, заря полыхала, и лес дымился в морозном тумане. Старинной парчой тускло блестали снежные уборы елей. Укромные тени расстилались. Давали мышки бал, и на них – бац, свалился ястреб. Сграбастал когтями одну, видишь росчерк крыльев на снегу? Схватил ястреб мышь, случайно перо обронил...

Стой! Это что, ястреб мышей ловит?

Н-да, мышью-то, пожалуй, не соблазнится. Предпочитает добычу посущественней ястреб-тетеревятник.

Чьим же тогда перышком ветер забавляется? Кто летал и мышкой ловил?

Осмотрелся я, выше взгляд поднял. Э, отгадка-то на суху сидит! Высоко-высоко сидит, и снизу видна одна пиратская тельняшка. Ястреб! Он, он! Ах, я тебе!

Быстро поднялась птица с сосны, неуловимо. Краем глаза успел я поймать, что это... сова. С толстой головой, с глазами в белых кружках. Сова... Сова! Только опереньем вся в ястреба, да полетела, как сокол, стремительно, плавным, легким скольжением и, как сокол, покрикивала: «Ки-ки-ки!».

Сидел ястреб. Поднялся – стал совой. На лету сова обратилась в сокола... Что за оборотень?

Это – ястребинка. Или соколиная сова. Редкая в наших краях птица. Полезная. Избавляет леса и болота от вредных грызунов. Сейчас наступает для ястребинок пора игр. Карусели в воздухе крутят. Дерутся средь бела дня, оттого и перышко на снегу.

Если наша сова-невеличка одета под ястреба, так то ее счастье и горе. Лес, он темный, в лесу по одежде встречают. Кого отпугивает, кого предупреждает совушки наряд. С ястребом схватиться охотников мало. Что же до тетеревятника, он равнодушно провожает пролетающую ястребинку: чего там... пропустить! Свои! Ишь, тельняшка нашенская!

Чужой наряд, голос чужой, чужой полет... Сдается, все у совушки не свое, заемное. И в том ее беда: по платью встречать – не только лесной обычай. Долгое время ястребинку преследовали, как страшного хищника, а ей и с сорокой не потягать-

ся силой. По рощам летает совушка, мышей ловит – друг, словно бы из военной хитрости притворившийся врагом среди врагов, друг в платье с чужого плеча.

Сухостойный – высохший.

Парча – плотная, узорчатая шелковая ткань, вытканная золотыми и серебряными нитями.

Заемное – не свое, чужое.

На просеке

Не в духе явился Пров Степанович вправление колхоза. Тучный, с крупной седой головой, тяжело ступая, прошел он в кабинет и тотчас принял звонить в район: обещали пригнать машины под телят, подготовленных к сдаче на мясо, сейчас скоро девять, а машин нет и нет.

Едва Прова Степановича соединили, не успел он изложить претензии, как связь нарушилась.

– Кажинный раз на этом месте! – загремел вконец разгневанный председатель.

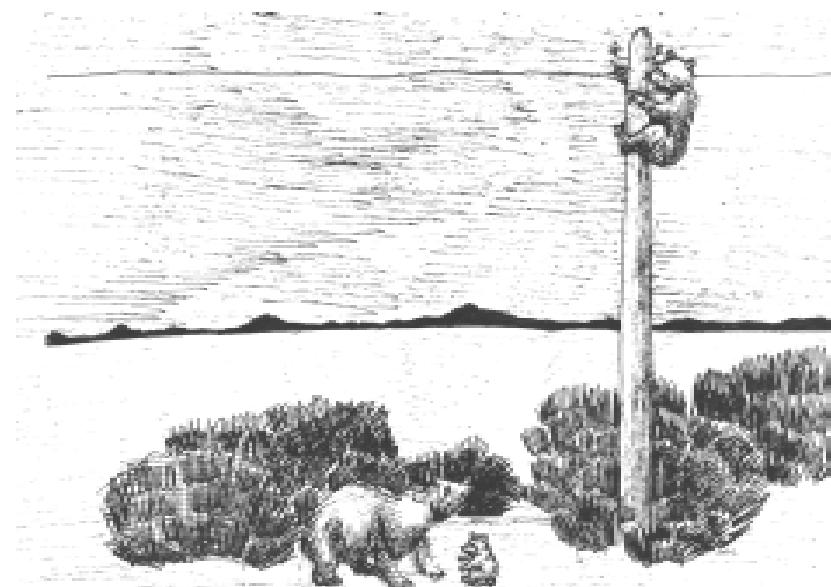
Нужно сказать, что со связью вот уже несколько дней творились странные вещи: на линии, проходившей лесной просекой чуть поодаль от большака, кто-то обрывал провода. Колхозный монтер Сема, под стать председателю колхоза, человек горячий до вспыльчивости, валил на мальчишек: дескать, они балуются. Ходят на просеку за малиной и из озорства портят линию. Кое-кому из босоногих коноводов он уши над-

дал. Но ребята клялись, что ни столбов, ни проводов они мизинцем не трогали. Сема и подкарауливал в кустах озорников, и произвел тщательный осмотр места происшествия – все впустую. Действительно, мальчишки бегали на просеку только за малиной. Что касается телефонных столбов, то на них Сема ничего не обнаружил, кроме царапин, оставленных своими железными монтерскими «кошками».

Было от чего нервничать!

Из кабинета председателя Сема выбежал красивый, как рак. Видно, крепко досталось за халатность от Прова Степановича.

Ребятишки потом уверяли, что дядя Сема, обижая руки, тут же, у правления колхоза, нарвал в канав-

ве пук крапивы и, загребая пыль рыжими сапогами, пролетел через деревню, крича с угрозой:

— Я им покажу, сорванцам!

Обрыв провода Семен по-прежнему относил на счет мальчишек. Они! Больше некому! Ничего, крапива образумит!

Полтора километра до просеки Сема бежал, словно на кроссе. Пот заливал лицо, сердце колотилось.

— Я им покаж-жу!

Опустился на четвереньки и пополз в кустах. Тайлся. Наконец выглянул.

Ага! Вон на столбе кто-то орудует. Маленький, большеголовый. Кепчонка вроде бы рыжая, как и пиджачишко. В попыхах больше ничего издали Сема не разглядел и начал подбираться ближе.

«Дзинь... дзин-нннь», — жалобно звенели провода. Этот ноющий звук распалил и горячил монтера. Провода словно молили о пощаде.

— «Дзин-нь... дзин-нь!».

Сема не выдержал, снова высунул голову из кустов малинника и обомлел. Шагах в пятидесяти на просеке темнела фигура медведицы. Опираясь на передние лапы, полулежа, медведица жмурила дремучие глазки на медвежонка, забравшегося на телефонный столб. Косматый проказник забавлялся. Когтями лап он натягивал провод и, подставив ухо, отпускал. Провод издавал сильный дребезжащий звук, и это медвежонка очень занимало. Невообразимое удовольствие было написано на его круглой, с носиком пуговкой морде.

— Вот так рыжая кепочка! — пробормотал Сема. Второй медвежонок валялся у медведицы под боком.

Лизал вздувшийся живот и взирал на братца на столбе. Было ясно: и этому не терпится поиграть проводами. Зазевается мамаша — и он тоже взберется на столб.

— Ах, я вам, бездельники, — гаркнул вдруг Сема и выскоцил из кустов. — Вот я вам!

Медвежонка со столба как ветром сдунуло. Упав, он шмякнулся оземь и заскулил, но, получив шлепок от матери, первым кинулся прочь с просеки.

В мгновение ока медвежья семейства исчезла из глаз. Только оборванный провод, свесившийся со столба спиралью, позванивая, напоминал о происшествии. Все тише звенел, все глуше...

Просека — узкая дорога в лесу, очищенная от деревьев.

Большак — широкая грунтовая дорога.

Халатность — небрежность, недобросовестность.

Рис. В. В. Трофимова

Подарки

– Ау! – справа и слева.

Издали:

– Ау-у!

Половина города, поди, ринулась за дарами леса. Запасаются. Впрок, на зиму – лесными витаминами, белками, углеводами.

В березняках трава смята, к каждому кусту тропы натоптаны. Тут и там хлам, мусор, кострища. С берез кора ободрана на растопку.

А сюда, я уверен, никто не заглядывает. Глушь, намека нет на грибы-ягоды, и все обходят угремый еловый остров стороной.

Хвоя шумит, шумит, монотонно и усыпляюще. Вокруг тускло, серо. Стволы шершавые впритык. На мхах иглы, сопревшие в труху. Осинка дрожит. Однокая, она словно заблудилась, не чает, как выбраться из чащобы. Лист осыпается наземь, цепляясь за хвою. Старая ель где-то скрипит и пристанывает. Лепечет в овраге ручей, и едва слышно доносится справа и слева из-за хвойной завесы, из-за гущины сучьев, частокола стволов:

– Ау-у-у...

Сижу на колодине, как бы обживаю этот тихий мирок. Корзина с боровиками у ног. Мне хорошо. Я люблю редкие минуты лесного одиночества. Можно тишину послушать, можно елке хвойную лапку пожать: «Ну как, старушка, живешь-можешь?» И никто не осудит. И осинке сочувствуя: «Не бойся, не

дрожи!» И голос ручья, струйки бегучей мне понятен: журчит в немоте хвойной, дозвывается кого-то, кто пришел бы да напился. Долг ручья – поить. Только услышит ли кто зов бегучей быстринки? Густельник, плотна завеса хвойная, лучу света не пробиться сквозь заслон, не то что лепету водицы. Поэтому и ручью я сочувствую, на себя применяю: тоже бывало. С кем не бывало: зовешь, дозваешься, но откликнуться некому!

Вкрадчивый шорох раздался. Возле самой корзины. Ах, мои боровики, сокровище бесценное, не на вас ли покушение?

Белка, так я и знал. Замер, чуть дышу. Смешно вытягивая шею, обнюхала белка мои сапоги. Мордочка лукавая, смышеная, в круглых глазах бесенята скачут. Щеки пухлые, нижняя губка вздернута капризно. Ну сейчас моя белочка рассмеется! И какая же она пышная, крупичатая. Сама серая, хвост красновато-рыжий. Стало быть, блондинка. С усиками. Идут ей и усики.

В уме я держу: «Хватит тебе сапоги нюхать. Боровиков охота, так бери любой. Всяк рыцарь перед красой ненаглядной. Перед прелестью такой кто устоит? Готов к твоим лапкам выложить все мои сокровища. Даже корзину с боровиками. Не жалко, честное слово».

Обнюхала блондинка сапоги – и скок в сторону. Хвост закинула на спину. Наверное, он мешал. Напустила белка на себя деловитость и принялась в палой хвое рыться.

Шишку откопала. Еловую шишку-падалицу. Мокрую, здоровенную. Встремила в зубы. Получилось – будто сигара. Увесистая сигара в нежном пухлом ротике.

А мои боровики? Брезгаешь?

Расправилась блондинка хвостатая с шишкой в одну минуту. На пеньке. И ведь выбрала-то пень с моховой подушечкой! В минуту вылущила из шишки семена, шелуху сложила грудкой. Остался от шишки стерженек, так она его небрежно бросила. И стала умываться. Чистюля и аккуратница спервализала свои лапки, потом терла себе мордочку. Поплижет, словно бы поплюет в ладошку, и вот за ушами трет, вот скребет. Будет тебе, до дырки пропрещь!

И не дает покоя, задело меня: а мои боровики?

Видимо, я пошевельнулся. Белка стремглав кинулась прочь. Угодила на осинку. А осина тонкая, и белка оборвалась – хлоп наземь.

«Батюшки, грех-то какой! Не зашиблась?»

Но быстро она оправилась, прыгнула на елку. Сверху пощелкала сердито: «Цок! Цок!» Напоследок шумно, мне в острастку коготками по коре поскребла: видишь, у меня когти! Во... во когти! И скрылась, исчезла среди хвои.

Ручей из оврага журчит. Осинка дрожмя дрожит. Не надо... Не стоит! Подрастешь и выберешься из хвойника. Выше его станешь, только и всего.

У ног моих грибы. Белые боровики. Но грустно мне отчего-то.

А-а, грибы! Не нашивал я их, что ли?

– Ау-у... – долетает из-за серых шершавых стволов.
– Ау!

Не грибы мне, в подарок мне, как белка-блондинка шишку шелушила, как умывалась, чистилась – поплюет в ладошку и за ушами потрет. А уши с кисточками, а хвост пышный, ухоженный... В подарок не то, что в корзине принес, а что в душу положил.

Берем ведь, тащим из лесу, что попадет. Грибы так грибы. Ягоды так ягоды. Кузовами, корзинами. А что взамен отдаем? Немного бы лесу и нужно на первых порах: наше внимание бескорыстное – и то добро, и то ладно.

Колодина – короткое толстое бревно

Встремила – вставила.

Брезгать – испытывать отвращение.

Острастка – угроза.

Вопросы и задания

1. О каких повадках животных и птиц вы узнали из рассказов И. Д. Полуянова?
2. Какие качества характера помогают писателю увидеть и понять мир природы?
3. Чему учит читателя И. Д. Полуянов?

ЮРИЙ МАКАРОВИЧ ЛЕДНЕВ

(1929 – 2001)

Юрий Макарович Леднев родился в 1929 году в городе Макарьеве Костромской области. Детство будущего писателя прошло в деревне, где его родители работали учителями. Окончив педагогическое училище, Юрий Леднев тоже стал учителем. Затем служил в армии, в пятидесятые годы учился в Литературном институте имени М. Горького. В 1972 году был назначен собственным корреспондентом Телеграфного Агентства Советского Союза по Вологодской области. С тех пор жизнь и творчество Леднева были неразрывно связаны с Вологдой.

Чивик-чивик!

Я вышел на поветь.

– Чивик-чивик, – раздалось из-под самой крыши. Это звучало как «добroe утро».

На жердочке между стропилами сидела пара ласточек. Они чистили перышки и с любопытством смотрели вниз, на меня.

– Чивик?

«Кто это такой?» – перевел я птичий вопрос. Еще бы! Ведь они видели меня впервые. Всего две недели назад мы с женой купили этот деревенский дом, пустовавший лет, поди-ка, пять. Ясное дело, все эти пять лет ласточки были его безраздельными хозяевами. Вот и сейчас, в погожее майское утро, они привлекли из Африки домой. И вдруг...

И вдруг заявляется на поветь кто-то большой и нескладный, у которого вместо клюва – шишка, а на шишке этой два стеклышка приспособлены. Крыльев у незнакомца нет, но зато есть две палки с хваталками на концах. И есть еще усы. Правда, усы не редкие и злые, как у кошки, а густые, добрые.

Хорош портретик? Я совершенно убежден, что ласточки своим «чвир-чвир-чвир» сейчас как раз и ведут обсуждение моей личности. Наконец, одна из них срывается с жердочки и, часто-часто работая крыльышками, делает виражи над моей головой. Полет ее бесшумен и нарочито нетороплив. Можно подумать, что это громадная бабочка парит над цветком, если, конечно, за цветок принять мою шевелюру.

Не обращая внимания на летунью, я беру в углу повети дрова, припасенные для русской печки, и удаляюсь с ношей в сени.

– Чивик?

– Чивик-чивик?.. Чвиррр!

Диалог мог означать только успокоение, и я перевел его так:

– Остаемся?

– Улетать из-за этого чудака?.. Ты с ума сошел!
На другое утро под крышей сеновала стоял це-
лый содом. Со стороны можно было подумать, что
ласточек десять устроили там совещание.

- Чвиррр! Чвиррр! Чвиррр!
- Чивик-чивик-чивик-чивик!..
- Чвирррр!

По какой причине скандал?

В темноте из-за печной трубы сверкнули два зе-
леных уголька. Так и есть! Это – рыжий кот. При-
тащился и хищно посматривает на ласточек. Видит
око, да зуб неймет. Однако на всякий случай при-
шлось хлестнуть по трубе длинной вицей. Кот недо-
вольно фыркнул и рыжей молнией метнулся в слу-
ховое окно.

Через пять минут – опять переполох.

- Чвиррр!
- Чик-чик-чик-чивик!
- Чвирричирик!
- Чирк-чивик!
- Чирикчвирр!

Батюшки, опять кот! Бегу опрометью на поветь. Ни-
чуть не бывало! Пернатая парочка сидит на жердочке и
в пух и прах ругается. Одна птичка как бы оправды-
вается, а другая явно нападает. Пригляделся и все
понял. Оправдывается он, а нападает она. И разгорел-
ся сыр-бор из-за гнезда.

Поразмыслив, я перевел птичий разговор:

- Пора гнездо лепить!

– А вон старое, прошлогоднее – вполне хорошее!
– Ах, ты, лодырь! Не хочу сидеть в старом. Старое –
на самом виду. Детей погубить хочешь?

– В прошлом году обошлось...
– В прошлом-то году мы одни тут были. А теперь
ходят всякие!

И что бы вы думали? Победила все-таки она. Че-
рез трое суток под самым князьком крыши красо-
валось новенькое гнездышко. Оно было серенькое –
ни дать ни взять из цемента склеено. Не все знают,
что у ласточек в зобиках и впрямь по цементному
 заводу спрятано. Обычная глина, перемешанная со
слюной, – вот и весь птичкин строительный матери-
ал. Понятное дело, постелька в домике – из травинок,
пуха и других мягких вещей.

Слава Богу! На несколько дней на повети воцарились спокойствие. Но уже через неделю, когда я опять появился на повети, раздалось грозное:

– Чивик! Чивик!

Обе ласточки спикировали прямо на меня. А в гнездышке засвиристело: «чвирь-чвирь-чвирь-чвирь...»

«Ага, детишки народились!» – догадался я и решил понаблюдать, что будет дальше.

– Чивик! Чивик!

Это уже звучало, как приказ: «Убирайся! У нас тут маленькие!» Я попытался возразить:

– Да ничего вашим птенцам не сделается! Только издали посмотрю...

– Чивик! Чвирр! («И издали нельзя! Понятно?»)

«Ну, знаете, это уже эгоизм!» Однако пришлось ретироваться. Но скоро я в сенной стенке нашел щель между бревнами и устроил себе наблюдательный пункт.

На повети кипела жизнь. Отец и мать сновали, таская корм потомству. А потомство росло, увеличивалось в размерах, и скоро пять хвостов торчало из гнездышка.

Самым интересным было время, когда у ласточек начались учебные полеты. Малыши срывались с гнезда и, отчаянно махая крыльышками, подруливали к жердочкам-переводам. Снизу птички были похожи на акробатиков под куполом цирка. У них и фраки были, как у заправских актеров. Вот только умения

кот наплакал. Пролетят сантиметров десять и – цап коготками за спасительную жердочку. А вереску зато – на всю деревню!

Однажды, проснувшись, я не услышал на повети знакомого гомона. Заглянул в щелку. Ни одной птички – ни взрослой, ни маленькой. Зато вокруг дома носилась целая стая ласточек. Потом они и совсем пропали. Знатоки сказали, что все семейство переселилось в ближайшую рощу. Осиrotела поветь. Грустно стало на ней, пусто...

...Через год мы вновь приехали в деревню. Дом встретил нас радостным поскрипыванием половиц. Я сбежал на родник за водой. Потом пошел за дровами.

Едва вышел на поветь, как услышал:

– Чивик-чивик!

Пара ласточек сидела на жердочке и, склонив головки, наблюдала за мной.

– Здравствуйте, – сказал я им. – С прибытием!
И жизнь на повети покатилась по новому кругу.

Поветь – второй этаж хозяйственного двора, на котором обычно находится сеновал.

Стропила – брусья, на которых держатся скаты кровли.

Сени – помещение между жилой частью дома и крыльцом.

Вица – прут.

Содом – беспорядок, шум, суматоха.

Ретироваться – отступать.

Скворчонок Чир

— Хр-руп!

Скорлупка хрупнула. Из нее высунулась серая головка. Головка повертела острым, как шило, носом и сказала;

— Чир-р-р!

— Чир! Чир! — обрадовалась мама.

— Чир! — важно подтвердил папа.

А два яичка, лежавшие рядом, ничего не говорили. Впрочем, чего говорить? И так было ясно, что у скворца и скворчихи родился первенец — скворчонок, и что имя ему — Чир.

Не успел Чир оглядеться как следует, а мама уже тут как тут: сунула ему в клюв червяка. Папа, правда, проявил при этом беспокойство: не рано ли, не подавился бы малыш, или, что еще хуже, не стал бы эгоистом.

А наш Чир проглотил червячка и решил, что это хорошо. Он сразу же раскрыл клюв и попросил еще. «Ну, вот, — подумал папа. — Так и есть! Вырастим эгоиста...»

Но все-таки полетел вместе с мамой за добычей.

Чир огляделся. Мир, в который явился скворчонок, не очень ему понравился. Ну, в самом деле, скажите, чего хорошего в тесном, темном ящике, где на подстилке лежат два целых яичка, третья лопнутая, а вверху — маленькая дырочка, и из нее дует.

Чир даже подумал, нельзя ли обратно в скорлупку забраться и как-нибудь в ней заклеиться. Но тут на минутку появилась мама и скорлупку выбросила.

Прилетел и пapa, принес сыну какую-то козявку, не очень вкусную, но есть можно. И опять рядом — никого.

И вдруг:

— Хруп! Хруп!

Сразу на обоих яичках, что оставались в скворечнике, лопнули скорлупки и два голоса чирикнули:

— Чвирр!

— Чика!

Это у Чира появились братишко и сестренка.

Родители сразу с крыльев сбились. В три клюва надо червячков совать. И при этом никого обидеть нельзя. Мама даже вспотела от старания и стала ерошиться. А папаша от волненья и беспокойства даже один раз вороной каркнул. И один раз кошкой мяукнул.

Это он вот так припугнул малость детишек... Чир был на пять минут старше брата и сестры. И он сразу сообразил, что «карр» и «мяу» — это страшно. И на всякий случай запомнил. И еще скоро Чир смекнул, что если сидеть поближе к дырке, из которой дует, то можно скушать лишнего червячка.

Постепенно и Чвир с Чикой поняли, что мир не кончается скворечником, что там, за дыркой, есть еще другой мир, куда улетают пapa с мамой за вкусными червячками и не очень вкусными (но есть можно!) козявками.

И вот скоро уже из дырки скворечника стали показываться носишки.

Девочка Катя первой увидела скворчат.

– Смотрите, смотрите! – закричала она своим родителям. – Какие смешные! Серенькие, как мышки.

Соседская кошка Мурка, конечно, все это слышала. Она подняла голову и поглядела на скворечник. Чир в это время как раз высунул головку из дырки и с любопытством разглядывал старую рябину, на которой висел скворечник, голубой забор, большой, обшитый тесом пятистенок и любопытную Катину физиономию в окошке. И одного только Чир не заметил. Не заметил он, что кошка Мурка крадется по стволу рябины к его домику.

Зато Катя увидела кошку и сразу разгадала ее замысел. Пулей вылетела она на улицу, схватила дедушкино удилище и понеслась к рябине.

– Мя-а-ау! – закричала кошка, получив по спине удилищем, и, спрыгнув с ветки, кинулась наутек.

А на следующее утро, не успел еще скворчонок как следует оправиться от вчерашнего испуга, как над самым скворечником: «Кар-р-р!». Чир сначала думал, что это опять папа волнуется, выглянул – а на ветке рядом со скворечником сидит не птица, а страшилище какое-то: бока серые, голова черная и клюв в четыре раза толще папиного.

Хорошо еще, что родители прилетели. Ох, и крик подняли они, увидев рядом со своим жилищем ворону! На этот переполох с соседних деревьев другие скворцы явились. Кружатся стаей над вороной и острыми клювиками долбят серую в спину, в голову, в хвост.

Подошла пора учиться скворчатам летать. Нет, ни в какую летнюю школу они не пошли. А просто родители вдруг в один прекрасный день перестали их кормить. Чир целых десять минут выглядывал из скворечника, все ждал угощения. Но папа сидел рядом и только время от времени перелетал с ветки на ветку. Да еще чиркал при этом, словно приглашал сынишку попробовать свои крылышки. Чир, однако, так и не осмелился. Он только вытягивал шею, раскрывал клюв шире варежки и просил есть. Так продолжалось до тех пор, пока брат с сестрой не стащили его за хвостик вниз. Теперь место Чира занял Чвир. Но и ему ничего не перепало от папы. Да что там от папы! Мама прилетела, червячка на ветку положила, а Чвиру не дает. Чика нос из скворечника высунула и тоже ничего не получила.

Загрустили наши скворчата, все трое в скворечнике спрятались и только слышно, как между собой перечиркиваются. А девочке Кате все это слышно, и она переводит их разговор с птичьего на человеческий. И получается, что Чир говорит брату с сестрой: ну, что, мол, ребята, дело плохо, надо нам из скворечника за червяками самим вылезать... А те ему отвечают: надо-то надо, да нам боязно, ты старший, так давай первый лезь.

Вот Чир и полез. Выбрался он на самый краешек, ножонками вцепился в жердочку, что возле дырочки прибита. Сидит, качается, глаза от страха закрыл. А когда открыл, увидел, как папа с мамой с ветки на ветку порхают, сына к первому полету поощряют.

Тут перед самым клювом Чира комарик како-то закрутился. И хоть комарик – не червячок, да ведь и голод – не родная тетка. Потянулся Чир за комариком, равновесие потерял и полетел. Да нет, не вниз головой, а совсем почти, как родители. Спасли его крыльшки. Сами замахали, заработали. И очнулся Чир на ветке рядом с мамой.

А еще через два месяца Катя уезжала из деревни в город. Подходило первое сентября – и все Катины подруги собрались пойти в первый класс. И Катя – тоже. Бабушка напекла ей на дорогу пирожков. Дедушка с утра уложил чемоданы и все на часы поглядывал: не пропустить бы автобус. А Катя вышла

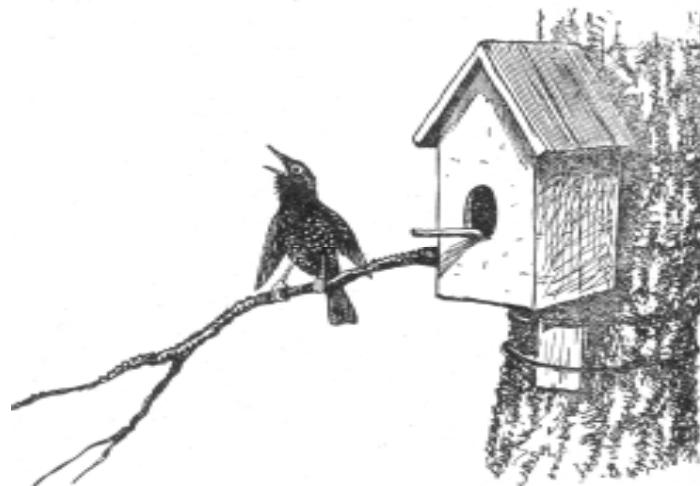

Рис. В. В. Трофимова

в садик, попрощалась с астрами, георгинами, остановилась под старой рябиной, которая вся была увешана спелыми красными ягодными кистями.

– Чирррр!

Катя подняла голову. На давно опустевшем скворечнике, на жердочке, сидел молодой скворец. Он был не серый, а совсем черный, но по голосу девочка узнала Чира. Скворец повертел головкой, юркнул в скворечник, потом снова оттуда вынырнул. Потом детство свое вспомнил и чуть-чуть на жердочке, закрыв глаза, покачался. И вдруг залился длинной песней, совсем как его пapa.

Пятистенок – изба, разделенная на две части пятой стеной.
Тес – тонкие доски.

Вопросы и задания

1. Что вы узнали о жизни птиц из рассказов Ю. М. Леднева?
2. Каким настроением проникнуты рассказы? Подготовьте выразительное чтение понравившихся эпизодов.
3. В чем вы видите своеобразие рассказов Ю. М. Леднева?

«РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

Мы все пережили...

Ю. М. Ледnev

ЮРИЙ МАКАРОВИЧ ЛЕДНЕВ

Война в жизни поэта

Великая Отечественная война 1941–1945 годов была одним из самых важных событий в истории России. Она оставила след в душах всех поколений: и тех, кто видел ее своими глазами, и тех, кто знает ее по воспоминаниям дедов и прадедов.

Война повлияла и на судьбу поэта Юрия Макаровича Леднева. Она началась, когда мальчику было 11 лет. Он сам говорил: «Мое счастливое детство кончилось 22 июня 1941 года». Нужда и голод, что обрушились на многих советских людей в тылу, не обошли и учительскую семью Ледневых. Вот как вспоминает поэт об этом времени:

Я рос в войну. Ни света, ни тетрадей.
Была мякина лучшим хлебом мне...

Вскоре на фронт ушел отец Леднева – Макар Иванович. Ушел навсегда. Он погиб 21 января 1945 года в Польше и похоронен в братской могиле в городе Петрков-Трибунальски.

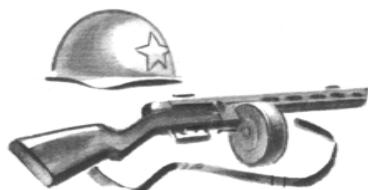
О своем отце Юрий Макарович написал много пронзительных строк.

Из поэмы «Отец»

Опять меня тревожит тень отца...
Я вижу городок в центральной Польше.

Военный склад. И часовой. И больше –
ни одного поблизости лица.
Была луна. Она – святой свидетель,
как, сотрясая землю до основ,
прорвались вражьи танки на рассвете
на город, не очнувшийся от снов.
Бой загремел. В нем не было победы.
Отряд связистов. Что он сделать мог?
И скорбной стайкой извещенья-беды
отправились отсюда на восток.

Бумаги равнодушная полоска –
печать слепая с горем пополам.
Но целую неделю письмоноска
ту весть не заносила в избу к нам.
И лишь печально мимо проходила.
Сейчас бы в ноги поклонился ей
за то, что тетя Зина отдала
сиротство наше на семь кратких дней.
Потом... потом – письмо издалека...
Заучивалась каждая строка,
дошедшая из фронтового ада.
Нетрудно было мне запоминать.
О, сколько раз вслух повторяла мать,
как для отца посмертную награду:

«Ваш муж погиб, но не ушел с поста...
Его нашли лежащим возле склада.
Была обойма у него пуста...
И несколько врагов валялось рядом...»
И это все, что памятью хранимо.
Письма же нету. Ведь оно горимо.
А был пожар... И мама умерла...

Шеренгой длинной выстроились зимы.
Уже пятидесятая прошла.
Пройдет потом еще одна, другая...
Но и в преддверье моего конца
я встречу этот день, изнемогая.
Опять меня встревожит тень отца.

Вопросы и задания

1. Восстановите события, описанные в отрывке из поэмы «Отец».
2. Каким настроением проникнут рассказ об отце?
3. Какие чувства вызывает у вас рассказ автора о трагедии семьи?
4. Найдите строки, передающие авторское отношение к Великой Отечественной войне.
5. Прочтите стихотворения Ю. М. Леднева «Аналфо», «Картошка», «Вы память этой женщины не троньте...». Какие события военного времени нашли отражение в них?
6. Подготовьтесь к сочинению «Страницы из семейного альбома».

«Аналфо»

Ивану Алексеевичу Ожерёлкову

Пострадавший на войне от мины,
бывший героический солдат,
он теперь сажает георгины,
и они как факелы горят.
Имена их как-то непривычны –
вроде древнегреческим сродни...
«Аналфо», – прочел я на табличке.
Лепестки – как белые огни...
Колыхнулось сердце в непокое.
Я дыханье даже затаил.
– «Аналфо»?
А что это такое? –
тихо у хозяина спросил.
Что-то медлит цветовод с ответом,
грусть в глазах и ласковость видна.
– Это, понимаете ли... это...

Анна Алексеевна Фомина... –
Жду рассказа.
Только – ни пол слова.
Сник мой собеседник и затих.
Подступаю так и эдак снова –
не слыхать ответов никаких.
В эту ночь мы оба не уснули.
Инвалиду вспомнилась война.
Мне три слова душу заплеснули:
«Анна Алексеевна Фомина...»

Встречена в окопе ли, в санбате?

Где она?

В которой стороне?

Старость коротает в тихой хате
иль навек осталась на войне?

Только над осеннею остудой,
как тепла и нежности исток,
как от зла спасающее чудо,
всходит ослепительный цветок.

И не спит солдат сентябрьской ночью,
и стоит, сутулясь, у окна...

И цветет светло и непорочно
Анна Алексеевна Фомина!

Картошка

Она звалась кормилицей-солдаткой.
Такой ей был в те годы номинал.
И мерзла с нами.
Только привкус сладкий

о сахаре напоминал.

Подобно чудодейственному средству,
с костров до наших губ вознесена,
все воинство, студенчество и детство,
земною силой полнила она.

Когда, ботвою брошенной желтея,
она клубнями сыпалась в сумы,
мифическим Гераклам и Антеям,
ей-богу, не завидовали мы.

Поклонимся полям и огородам,
рукам, взрастившим это волшебство,
которое прошло огни и воды,
не посрамив мундира своего!

* * *

Вы память этой женщины не троньте.

Нелегкое ей выпало в судьбе.

В семнадцать лет она была на фронте
и раненых таскала на себе.

И вот теперь по снеговой порошке
идет с клюкой и сгорбленной спиной,
как будто все несет еще ту ношу,
ей взваленную на плечи войной.

Ей трудно, очень трудно распрямиться...
А где-то снова горизонт дымится.

6 класс

Автобиографичность, лирика, лирический герой, патриотический пафос, посвящение, поэма.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

Календарные обряды

Люди не всегда были уверены в том, что за зимой обязательно наступит весна, что поле принесет урожай, а охота будет удачной без участия потусторонних сил. Значит, для того, чтобы все это произошло, нужно попросить их о помощи. Так возникает *обряд* – особые действия, просьбы, направленные в иной мир. Этот иной мир в сознании далеких предков являлся такой же реальностью, как, например, соседний город. При некоторых условиях в него даже можно было попасть. Чтобы просьбу правильно поняли и выполнили, ее следовало высказать в понятной и приемлемой форме. Для этого вырабатывался своеобразный язык – язык не только слов, но и ритуальных действий, речей и предметов. Обрядовые песни – составная часть этого языка. Поэтому при их исполнении ничего нельзя было путать или менять – произвольное изменение текста могло повлиять на ожидаемый результат.

Все важные моменты в жизни человека, от рождения до смерти, а также многие календарные даты в старину сопровождались обрядами. Почти при всех обрядах исполнялись песни.

Календарные обряды призваны были обеспечить удачный год, который принесет богатый урожай, приплод скота,

Рис. И. Билибина

благополучие и радость в семье. Поэтому и исполнять их начинали с рубежа старого и нового года, на Святки, делящиеся двенадцать дней между праздниками Рождества и Крещения Господня (25.12/07.01 – 06/19.01). В эти дни по деревням ходили процессы ряженых. Участники этих процессий наряжались животными (козой, конем, медведем), стариками и старухами, покойниками, чертами, порой просто надевали шубу мехом наружу, а лица прятали под страшными масками или мазали мукой, сажей. Ряженые ходили от избы к избе и пели под окнами или в домах колядки:

Ходила колядка
По святым вечерам,
Искала колядка
Борисова двора.
Борисов-то двор,
Он не мал, не велик –
На семидесяти столбах,
На восьмидесяти верстах.

Где хозяин-то сидит,
Красно солнышко печет;
А где хозяюшка сидит,
Тут светел месяц печет;
Малы детушки сидят –
Там часты звездочки пекут.
Кто дает пирога –
Тому двор живота,
А кто даст рогушек –
Тому целый двор телушек.

За исполнение такого обряда его участникам обязательно полагалась награда, пусть даже символическая. Колядникам выносили что-нибудь с праздничного стола – пирог, блин, колбасу, сало или давали немного денег.

Второй большой праздник за Святками – *Масленица*. Это праздник, символизирующий приближение весны. К ее приходу необходимо было подготовиться, проводить зиму, которая представлялась как живое существо. Из соломы делали чучело. Его наряжали, провозили по селу, а затем сжигали. В эту пору было принято печь блины, которые поедались в огромном количестве. Считалось, что чем больше съешь их за неделю, тем богаче и сытнее будешь жить в наступившем году.

Ближе к весне, обычно в марте, выходили на улицу встречать (или закликать) весну. В основе этого древнего обряда лежит представление о том, что необходимо обеспечить смену времен года, которая сама по себе произойти не может.

Веселитесь, подружки!
К нам весна скоро придет.
Весна придет, солнце зайдет,
Сгонит снежки с гор белой мороз.

Разольются быстры речки,
Все мелкие да ручейки,
Расцветут в поле цветочки,
Все ракитовы кусты.
Промежу этих кусточек
Волга-речка протекла,
А на этих на кусточеках
Мелки пташечки поют,
Мелки пташки, канарейки,
Весело больно поют.

На Пасху исполнялись *вьюнишные* песни. Их название происходит от слова «вьюный» – юный. Пели их под окнами или в домах, где есть молодые, то есть вступившие в брак в течение года после прошлой Пасхи.

На пятидесятый день после Пасхи праздновали *Троицу*. Церковь посвящает этот праздник сошествию Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после воскресения Иисуса Христа. В этот день, по Евангелию, Христос явился своим ученикам и направил их проповедовать слово Божие, наделив способностью понимать все языки. Народный праздник практически не имеет ничего общего с этим событием. Он связан с языческим культом растений, которые в это время

Рис. И. Билибина

набирают полную силу, также и с культом предков, которых на Троицу принято поминать.

Троица еще и девичий праздник. Будущие невесты отправлялись в этот день в лес, собирали цветы и травы, плели венки, которые затем бросали в воду. По тому, как венки плывут, к какому берегу прибиваются, девушки узнавали о своей дальнейшей жизни и о женихе.

Пик летних празднеств – день *Ивана Купалы*. В этот день, по поверью, природа открывает человеку свои тайны. Только в ночь на Ивана Купалу можно было найти папоротников цвет. Обладатель его узнавал язык зверей и птиц, с легкостью находил клады, мог добиться любви непреклонной красавицы, заставить нечистую силу служить ему, становился удачливым в любом начинании. Но сорвать цветок папоротника непросто. Понятно, что далеко не каждый отваживался искать заветный цветок. В этот же день совершались обряды, призванные оградить человека от воздействия злых духов. На заре ходили купаться, собирали ива-

Лубок. Народное гулянье

новскую росу, которая считалась чрезвычайно целебной. А вечером и ночью разжигали костры, водили вокруг них хороводы и прыгали через огонь.

Годичный трудовой цикл, календарные песни, народный календарь, народная традиция, обряд, обрядовый фольклор.

Вопросы и задания

1. Перечислите известные вам календарные обряды и расскажите о них. В чем заключается смысл обрядовых действий и слов, которые их сопровождают?

2. В XIX веке Вологодская земля поразила собирателей устного народного творчества своей самобытностью. О богатстве устной народной поэзии впервые заговорил известный русский критик Н. И. Надеждин. «Здесь, – писал он, – сохраняются до сих пор во всей чистоте древние предания, поверья, обычаи, забавы, игрища...» Познакомьтесь с текстом, в котором описывается, как раньше в Вологодской области отмечалась Масленица.

На масленичной неделе повсюду устраиваются катанья на лошадях или с гор на салазках и корежках. Корежка – доска, обмазанная снизу коровьим калом, облитая водой и замороженная. В Кадниковском уезде катанье с гор на масленице заканчивается сожжением на берегу реки дегтярной бочки; тут же разбивают об лед и корежки. В Заднесьельской волости того же уезда вечером с воскресенья на чистый понедельник чуть только стемнеет зажигаются так называемые «масленики», то есть груды хвороста и

Рис. О. С. Толстиковой

всякого сора, принесенного из деревни ребятами за несколько времени до этого дня. В церемонии сожжения участвуют больше дети, но бывают и взрослые. Зажегши масленку, дети прыгают вокруг нее и кричат:

Наша масленка,
Гори вплоть до Петрова дня!

В «масляну» ходят ребята под окошками, просят пирога:

Коляда, коляда,
Мне-ка дай пирога
И горохой-ка.
Дай тебе, господи,
Сорок коров,
Пятьдесят порозов,
Теленочка с ягненочком,
Бычка с топорком.

А как не дают пирога:

Дай тебе, господи,
Одна бы корова

По двору ходила,
Яловым доила
Да дьявола родила.

(Записано Н. А. Иваницким.)

3. Вологодский писатель И. Д. Полуянов в своей книге «Месяцеслов» рассказывает о родной природе, народных праздниках. Прочитайте фрагмент из его книги, посвященный празднованию Масленицы.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПОЛУЯНОВ

Честная Масленица

Из книги «Месяцеслов»

Масленица, как утверждали шутливо месяцесловы, – сударыня, честная, тридцати братьев сестрица, сорока бабушек внучка. На масленой неделе понедельник – встречи, вторник – заигрыши, среда – лакомка, четверг – широкий, пятница – тещины вечерки, суббота – посиделки, воскресенье – проводы, прощанье, поцелуйный день.

Масленица – непременно блины и пиво. Гуляния, ряженые... Катанье с гор...

Песни, веселье:

Широкорожая масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами отъедаемся!

Некоторые карнавалы масленичной недели вошли в историю. Так, в 1739 году скучающая императрица Анна Иоанновна устроила в Петербурге свадьбу шутов в... ледяном доме. Даже поленья для очага были ледяные. От церкви новобрачных вез слон, обутый в валенки. В свадебном кортеже на оленях ехали остыаки, на козлах – новгородцы, татары на свиньях. Придворный поэт выкипал стихи:

Торжествуйте все российски народы,
У нас идут златые годы.

А по деревням жгли соломенное чучело – зиму лютую. И были избушки курные, голь, нищета. И вся Россия походила на ледяной дом...

Искони народный праздник масленицы ныне возрожден как проводы русской зимы...

Вопросы и задания

1. Определите назначение, функции обрядовой масленичной песни.
2. Назовите художественные особенности песен-колядок.
3. Что символизировала Масленица?
4. Как в современной традиции прослеживается связь христианства с народными праздниками?

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Масленица

Не чудится ли? Тройка
Площадью рысит!
И в первый раз в сторонке
Держатся такси.

Откуда эти лошади
Оказались тут?
Неловко, огороженно,
Конфузливо бегут.

За ними сани старые,
А в них – полно ребят.
Веселые и самые
Счастливые сидят.

Рис. О. С. Толстиковой

Ах, масленица! – вспомнил.
Всего захолоня,
Не лошади, а кони
Уже возле меня.

И в синеве заснеженной
Хоочет бубенец,
Полозья площадь режут
Из конца в конец.

А сани точены,
А дуги золочены,
А конь мой – здесь
В жарких лентах весь.
На скрещенье дорог
Красных девок табунок.
Я поводья тяну:
Вижу, вижу одну.

Все смотрю сбочка,
Как на яблочко.
Набираю и сжимаю
Снега белого комок.
Он летит на полушалок,
Рассыпаясь возле ног.

Ох, догадлива, смела,
Серым глазом повела:
– Не заигрывай так,
Прокати лучше...

И уже конь-ветряк
Задевает тучи.

Я кричу: – С чего начнем,
Чем прогулку кончим?! –
У нее горят огнем
Не глаза, а очи:
– А блинами мы начнем,
Поцелуем кончим!

Вопросы и задания

1. Каким настроением проникнуто стихотворение А. А. Романова «Масленица»?
2. Какие художественные средства помогают автору передать это настроение.
3. Рассмотрите репродукцию картины Б. М. Кустодиева «Масленица». Подберите строчки из стихотворения А. А. Романова для описания этой картины.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ – МАЛЫЙ ЖАНР УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ

«Искусство народного слова»

Фрагменты из книги «Лад»

«Без смерти не умрешь», – любил говорить Михайло Григорьевич. Но как понимать эту пословицу? Что за философия кроется за таким изречением, для чего повторять эту вроде бы простую истину?

Без смерти не умрешь... Всего четыре слова. Удариение на первом. По-видимому, здесь не одно лишь отрицание самоубийства, противного народному мировосприятию. Самоубийство по такому восприятию – великий грех. В другой пословице говорится, что «смерть по грехам страшна». (Вспомним народное поверие о колдунах, которые не могут умереть, пока кто-то другой не возьмет у них грех общения с нечистой силой.)

Михайло Григорьевич спал по четыре часа в сутки, но эти часы он считал пропащими. Лучшим временем было у него чаепитие. «Ох, при себе-то и пожить!» – приговаривал он в такие минуты.

Пожить при себе... Снова нечто непонятное для современного восприятия и рационалистического ума.

«Не делай добра – ругать не будут» – одна из любимых его пословиц. Это у него, который всю жизнь стремился к одному: делать добро и жить по евангелию...

Странное дело! Пословица как будто исключает сотни других, говорящих о силе и необходимости добра. Но это только на первый взгляд. Вспомним, с какой чистой душой устремился Дон-Кихот делать добро, освобождать пастушонка, привязанного к дубу, и как позже тот же пастушонок бросился на бедного рыцаря с руганью, обвиняя его во всех своих бедах. Народная мудрость неоднозначна, многослойна. И чтобы понять пословицу Михайлы Григорьевича, необязательно звать на помощь бессмертного Сервантеса...

Лубок. В деревенской избе

«Богатство разум рождает», – говорит одна пословица. Нет, это «убыток уму прибыток», – утверждает другая. Которой же из них верить? А все и дело в том, что они не противоречат друг дружке. Просто каждая из них годится в определенных обстоятельствах. Может быть, первая сложена для философов, вторая для купцов, может, наоборот, а может, для тех и других. А разве нельзя допустить, что нормальному человеку добавляет ума как прибыток, так и убыток, что только на дурака не действует ни то ни другое? <...>

Как видим, пословица звучит вполне современно. <...>

В старых народных запасах есть изречение на любой случай, на любое архисовременное явление, нравственный максимализм многих изречений не стареет с веками:

«Чего хвалить не умеешь, того не хули», «Что грозно, то и честно», «Шуту в дружбе не верь», «Явен грех малу вину творит», «Смелым бог владеет, а пьяным черт шатает», «Не люби потаковщика, люби встречника» (идущего встречь, не всегда согласно с твоим мнением), «Правда светлее солнца», «Сон – смерти брат», «Сей слезами, пожнешь радостью». <...>

«Близъ царя – близъ чести, близъ царя – близъ смерти», «Беглому одна дорога, а погонщикам – много» (погонщик – значит преследователь), «В слепом царстве слепой король», «В дороге и отец сыну – товарищ», «Гнет не парит, а переломит – не тужит», «Где царь, там и орда».

В каждой такой строке сквозит история, а иные пословицы звучат для современного ума почти загадочно. <...>

По каким-то никому не известным причинам фольклорные знатоки ставят рядом с пословицей *поговорку*, жанровые границы которой вообще не заметны. Поговоркой можно назвать любое образное выражение. Они, поговорки, могут вообще не иметь смысла, а лишь музыкально-ритмичное оформление, забавляющее слух, звуковые сочетания и безличные возгласы («Ох, елки-палки лес густой», «Вырвиизуб», «Кровь с молоком» и так далее).

Поговорка присутствовала повсюду. Обучение детей счету происходило благодаря поговоркам, словно бы мимоходом: «Два, три – нос утри», «Девять, десять – воду весят», «Одннадцать, двенадцать – на улице бранятся».

Михаило Григорьевич – прадед В. И. Белова.

Говор, диалектизм, поговорка, пословица, современное звучание, устное народное творчество, философская мудрость, фольклор.

Вопросы и задания

1. Опираясь на отрывок из книги «Лад» В. И. Белова, расскажите о роли пословиц и поговорок в жизни человека.

2. Прочитайте стихотворения А. Я. Яшина и О. А. Фокиной. В чем, по мнению поэтов, заключается самобытность народного слова? С какой целью писатели и поэты используют в своих произведениях диалектную лексику?

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН

Родные слова

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши – тетерева,
Летятина – дичь,
Пересмешки – молва,
Залавок – подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики – снегири,

Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.
Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей – полку под потолком,
Клюкву – журавлихой...

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ФОКИНА

(отрывок)

Этот бает, а другой – гутарит.
Примечай! Ответствуй! Привечай!
Вологодских говоров словарик
Мне попался как-то невзначай.

Я его из рук не выпускаю,
С ним общаюсь ночи напролет!

До того говорюшка баская –
Прямо к сердцу ластится и льнет.

Вопросы и задания

1. «Без прикраски и слово не баско». (Пословица.)
Как вы понимаете значение слова «баско»? Подберите синонимы к этому слову. Как называются слова, характерные для определенной местности?
2. Найдите и выпишите в тетрадь пословицы и поговорки, в которых используются слова вологодских говоров.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

«СЕВЕРНАЯ ФИВАИДА»

История русской культуры, искусства восходит к культуре древних славянских племен. Недаром и по сей день на Руси сохранились праздники, приметы, обряды, связанные с народными языческими традициями. Обычай печь блины в Масленицу, ходить ряжеными в Святки, прыгать через костры в праздник Ивана Купалы – это проявления фольклорной, народной культуры. Но русская литература, в отличие от фольклора, сформировалась главным образом под влиянием христианства. Христианство стало основой для развития представлений о духовности и нравственности. 988 год – год Крещения Руси – ознаменовал начало этого нового этапа в развитии русской культуры. Русь получила свою письменность благодаря проповедникам, братьям Кириллу и Мефодию. Именно они создали славянскую азбуку, которая нужна была для перевода церковных книг с греческого на славянский язык.

Первые русские книги были рукописными, создавались очень долго и потому представляли собой огромную ценность. Главными культурными центрами Древней Руси становились монастыри, в которые приходили люди, желающие посвятить себя служению Богу. В монастырях, переписывались книги, создавались летописи, писались иконы.

Число монастырей быстро росло. Иноки, то есть монахи, подчас уходили из крупных монастырей в пустыни (так на-

Спасо-Прилуцкий монастырь

зывались малонаселенные места). Многие отправлялись на север, в глухие, непроходимые леса.

Из Троице-Сergиевой Лавры, основанной святым Сергием Радонежским, вышли и основатели северных монастырей: Кирилл и Ферапонт Белозерские, Димитрий Прилуцкий, Арсений Комельский и многие другие. Все они не просто уходили в леса, а стремились еще и воспитывать людей, проживающих далеко от столицы. Монахи несли культуру на Север, прежде всего культуру православную.

Спустя столетия, в 1855 году, духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев назовет русский Север «Северной Фиваидой»: «...Кто знает наш чудный мир иноческий... который внезапно у нас самих развелся в исходе XIV столетия и в продолжение двух последующих веков одушевил непроходимые дебри и лесистые болота родного Севера?» Муравьев говорил о многочисленности монастырей на территории современной Вологодской земли, сравнивая русские северные территории с египетским городом Фивы, вокруг которого было много святых мест.

Начало Северной Фиваиде положили московские монахи Кирилл и Ферапонт, основатели двух самых прославленных монастырей: Кирилло-Белозерского и Ферапонтова.

Все монастыри начинались с одной или двух келий – небольших домиков, где жили монахи. Затем строилась маленькая часовня или церковь. Но по мере роста числа насельников (монахов, иноков) монастырские постройки увеличивались, часто деревянные сооружения заменялись на каменные. Постепенно формировался архитектурный ансамбль, гармоничное единство всех построек. Монастыри обычно были окружены высокими прочными стенами, так как служили еще и защитой от врагов. Внутри монастыря выселились нарядные, величественные храмы, колокольни и стояли различные хозяйствственные постройки. Однако не у всех монастырей были мощные стены: монастырям, которые находились в труднодоступных местах, защитой служила сама местность, где они располагались.

Древнерусская миниатюра. Переписчики книг

Один из самых необычных монастырей на русском Севере – Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Открытый всем ветрам, стоял монастырь на небольшом острове (всего 120 метров в длину и 70 в ширину). На нем и поселились первые монахи, а в XIII веке официально был учрежден монастырь. На острове возвели каменный собор и колокольню, видные издалека. В XX веке они были разрушены. И сейчас на острове, кроме небольшого каменного здания и колокольни, старинных построек нет. Есть только новая деревянная часовенка и огромные глыбы обломков взорванного храма, когда-то посвященного Спасу Всемилостивому.

Об истории монастыря повествует легенда, пересказанная В. П. Астафьевым, и стихотворение Ю. М. Леднева «Спас-Камень».

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

(1924 – 2001)

Видение

Густой утренний туман пал на озеро Кубенское. Не видать берегов, не видать бела света – все запеленалось непроглядной наволочью. Сидишь, сидишь над лункою, да и пощупаешь лед под собой – чтобы почувствовать опору, и себя почувствовать, а то уж вроде бы и сам-то уплыл в пространствие, покрылся туманом, растворился в белом сне. <...>

Я первый раз на озере Кубенском. Мне все здесь занято и жутковато немного. Но я не признаюсь себе в этом и только оглядываюсь вокруг, радуюсь тому, что шагах в трех от меня маячит фигура товарища. Она даже не маячит, а проступает клочьями в

текучем тумане, и то совсем меркнет, то обозначается явственней.

Но вот товарищ приблизился. Я вижу уже башлык на нем, руку, подергивающую удочку с блесной, и белый ящик под ним. Дальше выступила еще фигура рыбака, еще, еще – есть народ, живет он, дышит и клянет ершей, которые одолевают рыбаков ненасытной ордою, не дают подойти доброй рыбе. <...> Он клюет себе и клюет, на что угодно и когда угодно.

Я тоже вытащил ерша, растопыренного, невозмутимого, и бросил в вешнюю лужицу, образовавшуюся на льду. В лужице плавал у меня уже окунь и сороги. Ерш, как только отдохнул и перевернулся на брюхо, тут же почувствовал себя хозяином в луже, выгнал на закраек и опрокинул сорожек, таранил окуня. Тот сдрейфил, набок упал, заплескался панически. <...>

Как и когда поднялось в небе солнце – я не заметил. Обнаружилось оно высоко уже и сначала пропало в тумане лишь призрачным светом, а потом обозначило и себя, как в затмении, ярким ободком. Туманы отдалились к берегам, озеро сделалось шире, лед на нем как будто плыл и качался.

И вдруг над этим движущимся, белым в отдалении и серым вблизи, льдом я увидел парящий в воздухе храм. Он, как легкая, сделанная из папье-маше, игрушка, колыхался и попрыгивал в солнечном мареве, а туманы подплывали его и покачивали на своих волнах.

Спас-Камень

Храм этот плыл навстречу мне, легкий, белый, сказочно-прекрасный. Я отложил, удочку, завороженный.

За туманом острыми вершинами прступила щетка лесов. Уже и дальнюю заводскую трубу сделалось видно, и крыши домишк по угорчикам. А храм все еще парил надо льдом, опускаясь все ниже и ниже, и солнце играло в маковке его, и весь он был озарен светом, и дымка стелилась под ним.

Наконец храм опустился на лед, утвердился, и тогда я молча указал пальцем на него, думая, что мне пригрезилось что-то, что я в самом деле заснул и мне явилось видение из тумана.

— Спас-Камень, — коротко молвил товарищ мой, на мгновение оторвавши взгляд от лунки, и снова взялся за удочку.

И тогда я вспомнил, как говорили мне вологодские друзья, снаряжая на рыбалку, о каком-то Спас-Камне. Но я думал, что Спас-Камень — просто камень. На родине моей, в Сибири, есть и Магнитный, и Меченый, и Карапульный, — это камни либо в самом Енисее, либо на берегу его.

А тут Спас-Камень — храм! Монастырь!

Не отрывая глаз от удочки, товарищ пробубнил мне историю этого дива. В честь русского воинакнязя, боровшегося за объединение северных земель, был воздвигнут этот памятник-монастырь. Предание гласит, что князь, спасающийся вплавь от врагов, начал тонуть в тяжелых латах и пошел уже ко дну, как вдруг почувствовал под ногами камень, который и спас его. И вот в честь этого чудесного спасения на подводную гряду были навалены камни и земля с берега. На лодках и по перекидному мосту, который каждую весну сворачивало ломающимся на озере льдом, монахи натаскали целый остров и поставили на нем монастырь. Расписывал его Дионисий. Однако уже в наше время, в начале тридцатых годов, надо было строить свинарники в колхозах и потребовался кирпич. Хозяин Усть-Кубенского района велел раскатить монастырь и попользоваться кирпичом. Но монахи были строители не чета нынешним, и из кирпича сотворяли монолит. Тогда Усть-Кубенский начальник приказал взорвать монастырь. Рванули — и все равно кирпича не взяли: получилась груда развалин, и только.

Осталась от монастыря одна башенка и жилое помещение, в котором нынче хранятся сети и укрываются от непогоды рыбаки...

Я смотрел на залитый солнцем храм. Озеро уже распелено совсем, туманы поднялись высоко, и ближний берег темнел отметиною — черным, прошлогодним стогом, над которым вечером редко пролетали вальдшнепы, роняющие призывный клич и качающие в лад своему кожаному скрипу клювом, а я лениво, как бы по обязанности, палил в пролетающих вальдшнепов из ружья и досадовал на промахи, но где-то, в глубине души, совсем отдельно от меня и все же во мне, плавала умилиительная радость оттого, что я лишь пугал вальдшнепов и наводил панику на дроздов. <...> В сумерках, уже опеленавших лес, в мокрой кулижке и прелом стогу, в паническом крике дроздов, в остывающем небе, в ременном скрипе и железном цоканье вальдшнепов, в ушастых ветреницах-цветках, смеживших белые ресницы на ночь, в волглых, растопыренных хохлатках, в игличных травинках, в муравейнике, приваленном ко пню, в мышином шорохе под снегом, в каждой осинке, березке, елке — во всем, во всем таилась близкая мне радость пробуждения, хотя вроде бы все вокруг собиралось на покой.

Мне это казалось как бы детской игрой. Природа смеяла лишь один глаз на ночь, притворялась спящей — ведь солнце-то закатилось, и вечер наступил, и покоя полагалось быть, и сну, и отдыху.

Земля вздыхала, сыротуманилась далями, но все это делала с лукавинкой, как бы играя в сон и послушание.

Чу! Бормочет в логу укрытый темными черемухами и низкими лесами снеговой кипун. Чу! Хрустальный или колокольный звон поплыл над озером, переливающимся бликами, хотя храм, стоящий на льду, среди озера, околотый, поврежденный, но все еще белый, словно бы хрустальный, был без колоколов и молчал ужо много десятилетий, хотелось ущипнуть себя, увериться, что это не во сне, не забытый звон усопшего храма, не миражное видение, на которое, откуда бы ты ни смотрел, все кажется: монастырь Спас-Камень напротив тебя, все идет-плывет следом за тобою.

Дух захватывает, как подумаешь, каким был Спас-Камень, пока не заложил под него взрывчатку!

— Да-а, — говорит товарищ все так же угрюмо. — Такое было чудо — словами не пересказать. Чудо, созданное руками и благодарной памятью человеческой.

Я смотрю и смотрю на Спас-Камень, забыв про удочки, и про рыбу, и про все на свете, и больно бьют меня в сердце слова товарища, который все тем же усталым и горестным голосом извещает, что человек, который порушил древний монастырь, здрав-

Рис. Л. Н. Щетнева

ствует и поныне, живет неподалеку отсюда, в Усть-Кубенске, получает пенсию...

Наволочь – здесь: густой туман.

Сдрейфил – испугался.

Папье-маше – изделие из бумажной массы, смешанной с kleem, мелом, гипсом.

Марево – дымка, туман.

Дионисий – древнерусский мастер-живописец конца XV – начала XVI века, создавший настенные росписи храма.

Монолит – цельная каменная глыба.

Волглый – сырой, влажный.

Вопросы и задания

1. Расскажите о своих впечатлениях от этого фрагмента.
2. Каким увидел автор *Спас-Камень*? Какие средства художественной выразительности использует В. П. Астафьев для создания образа храма?
3. Как вы думаете, над какими проблемами размышляет писатель в тексте «Видение»?

ЮРИЙ МАКАРОВИЧ ЛЕДНЕВ

Спас-Камень

Скажи нам, Спас-Камень,
скажи нам, Спас-Камень,
тебя создавали какими руками?
На вольном просторе

трудами народа
восстал ты из моря
к небесному своду
над рознью славянской,
над пришлой грозою,
над долей крестьянской,
омытой слезою.
С чего ж, почему же
поник ты, красавец?
По острову в ужасе
мечется заяц.
Один он свидетель,
один он свидетель,
как дело отцов изувечили дети.
Но вот подплывают
на катере внуки,
к тебе простирают
раскрытые руки
и гладят-ласкают
немые осколки,
которые знают
и видели столько.
Подвал провалился,
стоит полоротый.

Не здесь ли томился
Василий Сиротин?
Не здесь ли пытали
бунтарское тело?
Не здесь ли слагалось,
что Русь вся запела?

Скажи нам, Спас-Камень,
скажи нам, Спас-Камень,
тебя разрушали какими руками?
И все же стоишь ты
совсем не убитый.
Видать, не хватило
тогда динамита!
Я тоже – виновник,
вдруг мне показалось.
А рядом чиновник
лопочет, как заяц,
юлит перед нами
и врет нам безбожно,
что будто Спас-Камень
спасти невозможно.
Неправда, Спас-Камень!
Неправда, Спас-Камень!
Тебя мы поднимем своими руками,
чтоб встал, как и прежде,
ты неувядаем,
весь в белой одежде
над Кубенским краем!

Василий Сиротин – вологодский поэт второй половины XIX века.

С историей Спасо-Каменного монастыря связана судьба одного из монахов, причисленных к лику святых в юном возрасте. В поисках истины люди уходили в монастыри, удалялись в пустынные места, желая служить Богу. Монастырская жизнь трудна, она связана с добровольным отка-

Рис. Л. Н. Щетнева

зом человека от излишеств, от удовольствий, от всех удобств. Монах дает обещание, отказывается от вступления в брак, от богатства, исполняя главные заповеди (возлюби Господа Бога твоего, возлюби ближнего своего как самого себя). Такая полная лишений и трудов жизнь называется подвижничеством, то есть совершенством подвига.

Главное дело для подвижника – совершенствование души. Самым высоким образцом для православного христианина является Иисус Христос. Его поступки во время жизни земной, его учение становятся образцом праведной, «правильной», жизни. К нравственному идеалу и стремится подвижник, воспитывая в себе кротость и смиренение, самоотверженность, добросердечие, умение довольствоваться лишь самым необходимым. Такие положительные качества человека называются добродетелями. Их наличие и желание стать совершеннее не зависит от возраста, воспитания, положения в обществе. Доказательством тому служит судьба юного монаха Иосафа.

СКАЗАНИЕ О ПРЕПОДОБНОМ ИОСАФЕ КАМЕНСКОМ

Сын благотворителей Куштской обители, князь Андрей Дмитриевич Заозерский, оставшись сиротой и лишившись отцовского наследия, рано почувствовал суетность мирской жизни. Он пришел в Спасский монастырь, на Каменный остров и просил игумена облечь его в иночество. Молодость князя (ему было не более 20 лет), знаменитый род его и нерасположение великого князя к семейству князей Заозерских смущали игумена Кассиана. Он сказал юному князю: «Место твое не здесь, а в думе боярской или на поле брани». Князь Андрей отвечал ему: «Напрасно смущаешься, отче; я твердо решился не принимать услуг от других, а служить другим и нести крест по следам Господа моего». Игумен после многих увещаний решился принять его в монастырь и вскоре постриг, назвав Иосафом, именем царевича, который оставил царство для Христа. Юный князь-инок с радостью исполнял обеты иночества. С братией имел он свидание только в храме; все время его посвящалось молитве и размышлению о вечности; пост соблюдал он самый строгий. Чистый душой и телом, он еще на земле удостоился посещения небесного. Раз пел он *псалмы* в келье и услышал голос в ответ на молитву души его. Голос уверял: «Обширная пустыня, окружающая озеро, наполнится пустынниками, певцами славы Божией, и, если они будут хранить заповеди Божии, все будет готово для их земной жизни».

Борису Васильевичу Ржевскому пришло на мысль посетить племянника и предложить ему денег с тем, чтобы построил себе свой монастырь, – предложение, приятное для самолюбия, но опасное для душевного спасения. Блаженный Иосаф отвечал князю-дяде: «Не нужно нам серебра и золота, когда искренно желаем жить в пустыне; раздай бедным, что принес для нас, и получишь щедрую награду от Господа». Юный подвижник чувствовал, что путь подвигов его не будет продолжителен, и с пламенным усердием спешил творить добро. Только пять лет *подвизался* он в обители. В последний год своей жизни он вкушал пищу один раз в неделю, в день воскресный, после храмовой службы. Тело его от подвигов весьма ослабело, но он благодарил за то Господа. Недолгая, но богоугодная жизнь князя-инока прекратилась 10 сентября 1453 года. Тело его положено было в храме Спасокаменской обители и скоро стало источать чудесные исцеления.

Благотворитель – человек, дающий средства для какого-то добrego дела.

Отче – отец.

Псалмы – религиозные песнопения.

Подвизаться – вести подвижническую жизнь, беззаветно служить Богу.

Архитектурный ансамбль, добродетель, монастырь, нравственный идеал, преподобный, святой, Северная Фиваида, сказание.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете слова: суетность мирской жизни, игумен, иночество, нести крест, постриг, обеты иночества, заповеди Божии, пустынь. Перескажите текст, используя данные слова и выражения.

2. Что вы можете сказать о характере юного князя-инока?

3. Каков идеал человека в представлении людей Древней Руси?

НАРОДНЫЕ УМЕЛЬЦЫ-САМОРОДКИ

Север издавна был хранителем христианской культуры. Но в городах, посадах, деревнях существовала также своя самобытная культура. Традиционное искусство Русского Севера – это прежде всего крестьянское искусство, тесно связанное с фольклором. Предметы народного быта украшали древние символы и языческие божества, сказочные образы. Народные традиции передавались через многие поколения мастеров и непрерывно обогащались. Изучая их, можно обнаружить развитие орнамента. На Русском Севере сформировались разнообразные виды искусства: художественное ткачество и вышивка, ажурная резьба по бересте и дереву, финифть и чернение серебра. До сих пор мы любимся красотой резных иконостасов и деревянной скульптурой храмов, узорами балконов, наличников городских построек. Местные умельцы, подобно золотоискателям, по крупинкам собирали все ценное, как губка, впитывали прекрасное и любимое народом, передавали накопленные знания и опыт другим поколениям мастеров. Нельзя забывать о том, что огромное влияние на развитие народного искусства оказала природа Русского Сева.

Вологодское кружево

Рис. Л. Кузнецова

вера. Именно она, с ее растительным и животным миром, ее неповторимым ландшафтом, подсказала людям труда темы и сюжеты орнаментов.

Вологодские кружева, черневое искусство устюжан, резные берестяные шкатулки и туески, пряничные доски, расписные прялки, красочные пояса и изделия золотошвеев – все это творения, запечатлевшие талант народа. Народное искусство не только воспитывает наш художественный вкус, но и пробуждает патриотические чувства, гордость за талант народных умельцев. Недаром таких мастеров называют самородками. Их искусство – одно из величайших достижений национальной русской культуры.

Иконостас – покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в храме.

Наличники – накладная планка, украшающая окно.

Орнамент – живописное или скульптурное украшение из сочетания геометрических, растительных или животных элементов.

Посад – пригород, предместье.

АЛЬБЕРТ ГРИГОРЬЕВИЧ
ВАРИЮХИЧЕВ

(1937 – 1989)

Левша из Белозерска

Из книги «Сказы о самородках»

Откладывай безделье,
не откладывай дела.

Русская пословица

Двое прохожих разговаривали:

– Сколько же он знает ремесел?

– Дорогов-то? Считать начнешь – пальцев не хватит. Механик, слесарь, токарь, столяр, сверловщик, садовод, пасечник, пахарь, плотник... А уж резчик по дереву – таких поискать. Ни дать ни взять – Левша из рассказа Лескова...

Я и раньше слыхал об удивительном этом человеке. Узнав адрес Дорогова, отправился к нему.

На окраине Белозерска стоит необычный дом: с высокой крутоскатной крышей, с двумя боковушками-башенками, с ажурной резьбой, украшающей наличники окон. Строитель, видно, тонко чувствовал пропорции, дорожил живописностью бревенчатой стены и так бережно обращался с декоративными элементами, что один мой знакомый при виде этой красоты восхликал:

– Здесь живет художник!

Даже ворота – произведение искусства: точеные столбики, разноцветные окошечки, а над резным верхом – такой же кружевной, веселый флюгерок.

За домом – большой сад. Пятьдесят высокосортных яблонь, сто пятьдесят кустов смородины, малины, крыжовника. На ветках – крохотные домики для синиц, губителей червяка-плодожорки. Дремой веяло от ульев, над которыми по осеннему тихо гудели пчелы. Чистые зеленые дорожки вели к двум глубоким прудам – обители прохладных белых лилий да золотистых карасей.

Ходят мимо белозерцы, любуются домом, садом. И каждый раз удивленно покачивают головами: «Ну и ну!» Помнится им, когда-то на этом месте было топкое болото. Коровы вязли. А уж люди и не помышляли здесь селиться.

Дорогов поселился. Веселым дятлом до синих сумерек стучал его топор. Росли стены дома, росли, облагораживаясь привитыми ветками яблони. Длинные канавы выпили болото. За четыре лета появились пруды. Кое-кто недоумевал:

– И пошто этот адский труд? Ведь один-одинешенький маётся. Не иначе – куркуль.

Где уж было понять этим людям корни рвения Дмитрия Фокича! Его желание обходить убогий этот уголок, его хмелящий азарт в работе, легкость рук на всякое ремесло и ненасытную, до тоски, тягу к прекрасному! Если каждый сделал бы то, что сделал Дорогов, как бы помолодели, не однообразными выглядели наши районные центры!

Пряничная доска

Постепенно к Дорогову началось паломничество. Мужики приносили в ремонт ружья. Даже бог не ведает, кто и чем стрелял из этих берданок и курковок со стволами, только что не завязанными в узлы...

Шли женщины с самоварами:

– Заштопай, Фокич, поильца-то! Опять, безголовая, без воды поставила...

Наведывались подгулявшие соседи:

– Карасиков бы, Дмитрий, на закуску...

И Дмитрий Фокичправлял стволы берданок, покрывал их ложи затейливой резьбой, латал самовары и молча доставал из сарая корзину. Бросали в ту корзину хлеб, затягивали ее поверху марлей, опускали в пруд, а потом извлекали дрожащими руками, слыша, как трепещутся в ней караси.

Принесли однажды Дорогову древний ключ. Фокич вымочил его в керосине, осторожно счистил ржавчину. Долго рассматривал гравировку и хитро-

умную – крестовиной – прорезь в бородке. Думал: «Сколько сотен лет пролежал этот ключ в земле под городским валом? А ведь какой-то мастер немалый труд затратил». И сделал Дмитрий Фокич замок, достойный этого ключа как по красоте, так и по хитроумности.

Еще передвойной вызвали мастера в райисполком.

– К открытию районного Дома культуры нужно сделать люстру. Из дерева. Да такую, чтобы люди любовались. Сумеете?

– Отчего ж не суметь, – Фокич поднялся со стула, степенно надел фуражку с черным пластмассовым козырьком.

В хлебопекарне высушили воз березовых кряжей, привезли их Дорогову. Люстру ладили всей семьей. Напилили чурбаков, раскололи их на четвертушки, и Дмитрий Фокич стал к токарному станку. С утра до ночи слышалось в его домашней мастерской негромкое сухое жужжение. В доме празднично пахло березой. Жена и сыновья разговаривали вполголоса, старались не хлопать дверьми.

А через неделю, сверкая бронзовой краской, люстра уже красовалась в Доме культуры. Задирая головы, зрители разглядывали ее. И было на что смотреть! От резного хвостовика ответвлялись ярусами 72 точенных отростка. Люстра выглядела ветвистой пирамидкой, и на каждом стебельке веселой капелькой светился электрический огонек.

Много лет минуло с той поры. Но Фокич по-прежнему был рад гостям. Не отпустит, не напоив чаем

с домашним вареньем и медом «летошнего сбора». Неспешно текла за самоваром беседа: гости спрашивали, хозяин рассказывал. Да и как не спрашивать? Любая вещь в горнице – сказка из дерева. Резьбой украшены и горка для посуды, и книжный шкаф, карнизы для оконных занавесок, полочки вдоль стен.

А у окна на самом виду темным лаком поблескивает письменный стол на колесах. Хитроумное кружево трав и цветов, геометрических тонких узоров усеяло края столешницы и ящики, боковые стенки, сами колеса. Сложнейшая трехгранно-выемчатая рельефная резьба. Знать, погуляли стальные калевочки, творя это чудо.

Три года делал Фокич стол. А замысел его вынашивался... сорок с лишним лет, с той памятной поездки в Москву делегатом на первую Всероссийскую выставку народного хозяйства. Увлекся там изделиями вятских резчиков, задумался: «Ну, а сами то, что ли, мы – рыхие?»

Всю обратную дорогу не покидало его смешанное чувство зависти и восхищения. Лежал Фокич на жесткой полке, приткнув котомку в головах, и думал, думал под стукоток вагонных колес. Жадно вглядывался, когда за окном проплывали ровные покрытия церковных глав или тонкая вязь наличников на окнах домов. И глаза его светились тихой радостью.

Он вспоминал детство, золотые кувшинки на лесной реке Мондоме, родную деревню Пестово. И двухклассную школу, единственную в округе. Для Митьки Дорогова, сына колесника, стала она высшим хра-

мом наук. Но именно в убогой деревенской школе встретил он человека, повлиявшего на всю его жизнь.

...Мастер Крутов оправдывал свою фамилию. Упаки боже от верхоглядства и небрежности на его уроках труда! Он не шумел на учеников, только сурово хмурился и показывал нерадивому на дверь. Он учил ребятишек обтачивать на токарном станке деревянные болванки, учил пилить и строгать, мастерить немудреные бытовые предметы.

А с наиболее способными занимался особо. Передавал им старинные тайны резьбы, учил пониманию пластических качеств дерева, особой красоты текстуры каждой породы.

— Возле леса жить — голода не видеть, — говорил Крутов. — Каждый русский мужик в старину плотником был. Лес давал ему все: от избы до ложки. Лес учил его красоте. И ласков же был наш народ к своему богатству природному! Названия-то какие придумывал: «белая кудрявая березонька», «сыр — кряковистый дуб», «сосна красная». Топор да нож всегда были главными инструментами северного крестьянина...

Дмитрий слушал эти слова, как сказку. Был он у Крутова лучшим учеником.

...В первую мировую войну призвали Дорогова в армию. Служил в Гельсингфорсе, затем на станции Лахти. Там как раз воздвигли каменную церковь. Однажды выстроили полк перед казармой, и толстый майор с красноватыми от запоя глазами тенорком прокричал:

— Солдаты! Храм божий построен, в нем пора бы служить молебны во славу русского оружия. Да вот беда — иконостаса нет. Ежели средь вас имеются резчики по дереву — два шага вперед!

Строй не шелохнулся. Майор ждал, постукивая по ладони черной перчаткой. Ему надоело молчание, и он снова крикнул:

— Неужто перевелись мастера на матушке-Руси?

Тут шагнули вперед два односельчанина Дорогова. Майор подошел к ним, они наперебой зачастили:

— Есть, вашкабродь, один парнишше...

— Резчик он, Митрей-то, с нашей деревни, завсегда по дереву баловался.

— Вон он с краю стоит, махонький, черный, на цыгана смахивает.

— Однако оробел...

С этого дня служба Дмитрия проходила в новой церкви. Целыми днями резал он дубовый иконостас. Резал по готовым чертежам, выдумки не требова-

Резные фигуры апостолов
на Царских вратах
в Глазковском монастыре

лось, и от этого работа вскоре прискутила. Но что поделаешь – служба.

В голодные двадцатые годы было не до резьбы. За какой только труд ни брался Дмитрий, чтобы прокормить старииков-родителей, жену и двух сынишек! Крестьянствовал, сапожничал, был сплавщиком, даже счетоводом в потребительском обществе и на лесозаготовках.

Но всероссийская выставка разбередила в нем прежнюю страсть, таившуюся в сердце, как непотухший уголек под слоем золы. И принялся он украшать свой дом. Зимними вечерами превращал в кружева сосновые и еловые звонкие доски. Мысленно видел, как встанут резные угольники на крыше, над князевой слегой и причелинами; как узоры обивают чердачные оконца, сделанные в честь отца в виде маленьких тележных колес. Представлял ровный ряд ажурных лемешков, опоясавший фронтон дома. Мечтал об окнах с точеными боковыми пилестрами и наличниками, похожими на кружевные кошники девушек из родной деревни. В доме царила тишина, бес покойное пламя коптилки гоняло тени по голым стенам, а Дмитрий работал и работал, охваченный радостным азартом, забывая о нужде и несчетных житейских заботах. И под вьюжный надрывный вой причудливо сплетались на дереве пальмовые ветви с кувшинками, лилиями, виденными в тихих заводах Мондомы...

Его пригласили работать художником-оформителем в межколхозный театр. У него появились уч-

ники. Словно в храм, входили ребятишки в мастерскую Дмитрия Фокича. Почти не дыша, разглядывали старинный токарный станок с чугунным колесом и аккуратно разложенные по полкам пилочки, резцы, шведские рубанки, фуганки, сверла. А таких стамесок они еще и не видывали: плоские и полуплоские, со скосенными лезвиями, полукруглые, «уголком». И каждый инструмент был с самодельной резной ручкой, легкой и такой удобной, что у ребят сами собой вырывались слова:

– Можно подержать?

Дмитрий Фокич разрешал, поясняя:

– Заводские-то ручки, словно бес в руке. Вот я и ставлю свои, чтобы они сами руку захватывали. Добрый инструмент – всему голова, он мастеру дороже золота...

И, увлекаясь (точно Крутов в давние времена), Дорогов рассказывал ребятам о резчиках древней Руси: новгородских, холмогорских, великоустюгских и соль-вычегодских, о мастерах Оружейной палаты, оставивших потомкам дивные дива.

В мастерской терпко пахло смолой, столярным клеем и металлом. От этого запаха, от слов мастера у мальчишек зудели ладони, им хотелось пилить и строгать, резать дерево. И они приходили сюда еще и еще, каждый день узнавая новые тайны. Из древесных пород, как и Дорогов, они особенно полюбили березу – за ее чистоту и прочность. Чем тверже дерево, тем легче сделать из него изящную и полезную вещь.

Дмитрий Фокич был доволен тем, что ребята полюбили резьбу. Главное – любить дело. Тогда и оно полюбит тебя, и уже никогда не иссякнет твое стремление самому дойти до любого секрета и в каждую создаваемую вещь вложить частичку себя.

Так бы дальше и шло, если бы не война. Она смешала все.

Дмитрий Фокич разменял шестой десяток лет, и на фронт его не взяли. Он стал работать заведующим производством в местном промкомбинате. Рабочих не хватало, Дорогов сам слесарил и столярничал, выполнял заказы для фронта, сутками не выходя из мастерских.

Резьбу на время пришлось забыть, все заслонила бесконечная, изнуряющая работа. Но однажды пришлось ему грудью встать на защиту красоты. Он узнал: растаскивают утварь старинной Ильинской церкви. Почин сделала Лиза Собакина: выворотила и расколола на дрова две древние иконы византийского письма. Исчезли и царские врата редкой резьбы.

Узнав об этом, Дмитрий Фокич поспешил в райисполком. Его выслушали и... огорошили:

– Не до того сейчас, товарищ. Такое время, а вы – с пустяками, с царскими воротами.

– Это не пустяки, – загорячился Дмитрий Фокич. – Никто не зовет ходить в церковь, молиться. Речь идет о народном богатстве, о творениях древних мастеров.

Он доказывал, спорил, ругался. В конце концов ему пообещали принять меры. Но сказано это было

так, что Дорогов понял: никаких мер не примут, от него просто-напросто отмахнулись, как от надоедливого чудака. И он задумался: видно, не так уж и мало людей типа Лизы Собакиной. Да что – Лиза? Она поступила по недомыслию, а есть кое-кто повреднее ее. С ними нужно не ругаться, а вести упорную борьбу. Главное же – оградить от них детей, прививать ребятам с детства чувство красоты, гордости за русское народное искусство. С того дня, несмотря на усталость и занятость, он опять находил время для занятий с учениками.

На областной выставке народного творчества видел я последние работы старого резчика. Среди них была необычная шкатулка. Сделанная так, что у зрителей создается полная иллюзия, будто семь древних книг рядком на восьмую и прикрыты сверху девятой. Только слишком уж узорчаты обложки фолиантов.

Вещь эта кажется мне символичной для жизни Дорогова. Не с его ли помощью многим людям при-

открылась шкатулка с тайнами древнейшего ремесла? Виктор Васильевич Маликов, Андрей Ксенофонтович Корпулин и другие белозерские резчики так или иначе испытали на себе его влияние. Он внушил им убежденность, что «фабричные штампованные безделушки», даже самые «баские» и современные, никогда не вытеснят художественной резьбы.

Курковка – ружье с курком.

Куркуль – жадный зажиточный человек.

Паломничество – хождение по святым местам.

Флюгер – устройство для определения направления ветра.

Кряж – короткий обрубок толстого бревна.

Молебен – краткое богослужение.

Князевая слега – толстая жердь, брус.

Кокошник – нарядный женский головной убор.

Пилистр – прямоугольный выступ стены в виде вделанной в нее колонны.

Фронтон – треугольная или полукруглая верхняя часть фасада здания.

Царские врата – средние двери в церковном иконостасе, ведущие в алтарь.

Баской – красивый.

Фолиант – книга большого размера.

Вопросы и задания

1. Подберите материал о вологодских мастерах-умельцах.

2. Прочитайте стихотворение Ю. М. Леднева «Каслинское литье». Какой смысл вкладывает поэт в строки:

Хоть дождем осыпь нас золотым,
Не с руки нам продавать «Россию».

ЮРИЙ МАКАРОВИЧ ЛЕДНЕВ

Каслинское литье

Сапоги, намазанные дегтем.

Красная рубаха.

Седина.

Опершись на край решетки локтем,
он стоял в стихии чугуна.

Парижанки, спрятав в муфты пальцы,
не дыша, входили в этот мир
и просили хмурого уральца
подарить российский сувенир.

Старый мастер – ворот нараспашку –
доставал чугунные значки.

Были петушки там и барашки,
слоники, лошадки и бычки,
ростом меньше мастерова ногтя.

- Гут!
- Тре бъен!
- О’кей!
- Вот это да!

И, забыв про крепкий запах
дегтя,
к мужику тянулись
господа.

Каслинское литье. Ермак

Каслинское литье. Суворов

Люди от литых диковин света
не могли отнять горящих глаз.
«Дон Кихот», «Ромео и Джульетта»
выставлены были напоказ.

И стояла рядом так красива,
что и слов не хватит передать,
в центре зала статуя «Россия».
Женщина, воительница, мать.

Уголек сказался ли отменный,
доброта формовочных песков
иль уменьем мастер вдохновенный
превзошел всех прочих мастеров, –
только никогда еще суровый,
грубый, неподатливый чугун

не звучал так мягко и так ново,
не был так необъяснимо юн.

И один промышленник заезжий
подошел и, вкрадчив, словно кот,
замурлыкал, улыбаясь нежно:
«Покупай качу для мой завот...»

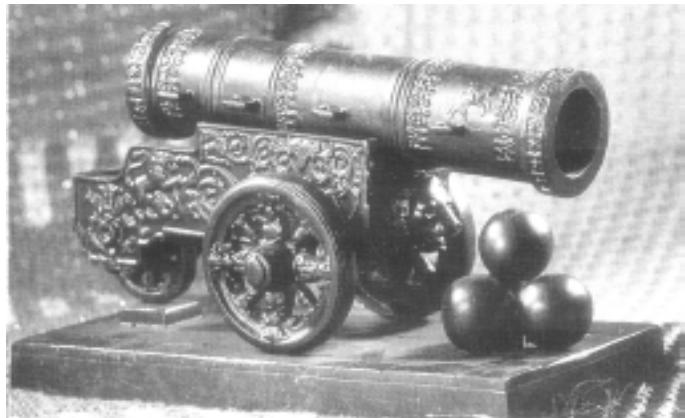
Но ответил мастер: – Нет. Спасибо.
Хоть дождем осыпь нас золотым,
не с руки нам продавать «Россию».
Барин, не проси. Не продадим.

Торг не состоялся. Миллионы
ушлому дельцу не помогли.
К каслинскому чудо-павильону
толпы экскурсантов шли и шли.

Мастер на вопросы дам бедовых
по-французски бойко отвечал.
Ночью в душных номерах дешевых
по России-матушке скучал.

А когда в окошках звезды блёкли,
в краткие минуты забытья,
виделся ему Урал далекий,
родина чугунного литья.

И к нему сходила с пьедестала
явью, непридуманной, живой,

Каслинское литье. Царь-пушка

женщина из громкого металла
со щитом над гордой головой.

Муфта – мешочек из меха для согревания рук.

Пьедестал – постамент, подножие статуи.

Гут, тре бъен, о'кей – здесь: немецкое, французское и английское слова одобрения.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Полотенце

Из ковшика в сенцах
Лицо я умою.
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,

Рис. Л. Кузнецова

А вот утереться
Все медлю чего-то.
Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.
Грустили и пели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком – ловко,
То нежно – овалом,
И пряха молодка
На льне ожидала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прялкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».
...В заботах, в тревогах
Далеко от дома

Рис. Л. Кузнецова

Мотают дороги
Меня уж седого.
С разгона, с размаха
Дни мчатся за днями,
А строгая пряжа
Все ниточку тянет,
И на небе светлом
Все кружится солнце,
как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки.

Народный музей

Н. М. Паутову

Прохожу я по музею –
Вековому рубежу...
Не восторженно глазею,
А возвышенно гляжу.
Да, не зря в душевном рвенье,
Не жалея дней и сил,
Все окрестные деревни
Собиратель исходил.
Удивлялись: да на что вам?
Ну, а он искал, что мог,
Будто бы со дна речного
Золотой ловил песок.
Из-под тягостного ила
Поднимал, чтобы сполна
Зацвела, заговорила
И запела старина...
Свет и тень летят на сердце,
Время сдвинуто плечом.
Людям есть во что взглянуться
И задуматься о чем.

Рис. Л. Кузнецова

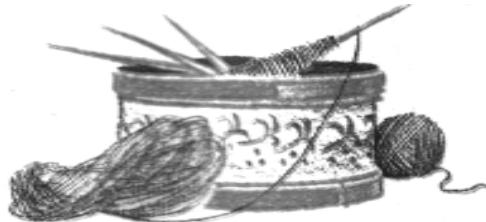

Рис. Л. Кузнецова

В холодке резные прялки
Будто стяги дней льняных, –
Подойди, почувствуй – жарки
От любви, согревшей их.
Дуги – радуги былые,
Пояса – полоски зорь,
Ну и лапти, лапти в глине –
Посмотри, но не позорь...
Собиратель, честно маясь,
Захотел черпнуть со дна,
Но достал одну лишь малость:
Ох, глубока старина.
Все, что тяжко, – потонуло,
Что не понято, – ушло.
Лишь плывет высоким гулом
Что насущно и светло.
Эти прялки огнелики,
Эти дуги, шаркуны –
Только звоны, только блики
Той – под нами – глубины.
Эти льны, как утро, явны,
Кружева, как вздох, чисты –
Только тихое сиянье
Той – меж нами – красоты.

Рис. Л. Кузнецова. Наличники

Эти древние строенья
На холмах земли родной –
Только выдох изумленья
Той – над нами – глубиной.

Стяг – знамя.

Мастерство, патриотический пафос, промыслы, самородок, сказ, ремесло, умелец.

Вопросы и задания

1. Подготовьтесь к выразительному чтению одного из понравившихся вам стихотворений А. А. Романова. Как вы думаете, почему поэт обращается к теме старины? Каким настроением проникнуты его стихотворения?

2. О каких народных промыслах говорит А. А. Романов в своих стихотворениях «Народный музей» и «Полотенце»? Подтвердите свое наблюдение примерами из текста.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ XX ВЕКА

Не верю, что звери не говорят...

А. Яшин

О родной земле, о природе создано огромное количество произведений. Вологодские писатели и поэты не исключение. А. Я. Яшин, С. В. Викулов, А. А. Романов, О. А. Фокина, В. И. Белов, И. Д. Полуянов, Ю. М. Леднев и другие посвятили теме родной природы свои стихи и рассказы. Они не просто описывают красоты Вологодчины – они размышляют о любви к своей земле, о взаимоотношениях человека и природы.

В общении с природой человек заново открывает самого себя, глубже проникает в свой внутренний мир. Но, к сожалению, в общении с природой человек подчас проявляет и свои отрицательные качества: жадность, жестокость, бездущие. А ведь природа живая. Недаром наши предки наделяли душой не только зверей и птиц, но и растения.

В XX веке человек многоного достиг в науке и технике, но никакие технические достижения не дают ему права забывать о земле, на которой он живет. Охрана природы – это еще и охрана своего дома, и дома наших ближайших соседей: растений и животных.

О братьях наших меньших писали В. В. Бианки и М. М. Пришвин, А. П. Платонов и К. Н. Паустовский. Михаил Михайлович Пришвин умел проникать в глубочайшие тай-

ны природы. Он напоминал читателям, что человек – часть природы. В книгах этого автора мы находим множество примеров дружбы человека и животного. Его герой способен радоваться самому малому проявлению жизни: легкой прозрачной капле, распустившемуся цветку, едва проклюнувшемуся клейкому листочку. В прозе Пришвина природа – самый близкий друг человека.

Другим известным писателем, посвятившим свое творчество миру природы, был Виталий Валентинович Бианки. Большинство его произведений посвящено лесу, который он прекрасно знал с детства. Бианки стал «первооткрывателем» леса, рассказывая о его тайнах, объясняя их, знакомя читателя с повадками, условиями жизни птиц и зверей.

Традиции изображения природы Бианки и Пришвина нашли отражение и в книгах авторов-вологжан Ю. М. Леднева и И. Д. Полуянова. Эти писатели не просто рассказывают

истории из жизни людей и животных. Они напоминают нам о гуманном, то есть бережном, человечном отношении ко всему живому. Для этого Ю. М. Ледnev в рассказе «Пеструха» показал мир, каким его могло увидеть животное. Наделены своим характером, душой и героями-животными у И. Д. Полуянова. Но самое главное, оба писателя стремятся объяснить нам, что от нашего отношения к природе зависит многое, что долг каждого человека – беречь доверенный ему мир, сохраняя в себе лучшие человеческие качества: доброту и отзывчивость, совесть и ответственность за свои поступки.

Авторский взгляд, гуманизм, гражданская позиция, литературная традиция, олицетворение, охрана природы, проблема, сюжет, тема произведения, экология.

ЮРИЙ МАКАРОВИЧ ЛЕДНЕВ

Пеструха

Каждое утро Пеструха протяжным мычанием здоровалась с Александрой. Относительно хозяйки у коровы было окончательно сложившееся мнение: эта женщина – лицо всемогущее. Не было бы Александры – откуда взялись бы каждый день охапка сена и ведро пойла?

Вообще-то Пеструху устраивало житье. Паслась она в стаде, вместе с колхозными коровами, домой дорогу знала отлично, никогда нигде не блудилась. Завидев еще издали Александру, она радостно мука-

ла и ускоряла шаг, поматывая головой, словно заигрывая с хозяйкой.

Одно только удивляло Пеструху. Когда у нее появлялись телята, она каждый раз надеялась, что сын или дочка вырастут такими же большими, как сама она, их мать. Может, они и вырастали. Но только Пеструха этого не видела. Телята куда-то неизменно пропадали. Пеструха тосковала по ним, ревела ревмя. Александра старалась в это время окружить корову особой заботой. Пеструха забывала горе и с радостью отдавала молоко теплым и ласковым Александриным рукам.

От природы Пеструха была прелюбознательным животным. Из-за этого случались с нею разные истории. Одна такая история насмешила всю деревню.

Было это в середине лета. Александра в то утро почему-то не доила Пеструху. Вместо хозяйки на двор явилась соседка Пелагея. Пеструха немножко поупрямилась, попереступала ногами, но Пелагея прикрикнула на корову, и та поняла, что надо подчиняться. Правда, она схитрила в то утро: не все молоко отдала Пелагее, небольшую заначку до хозяйки оставила.

Однако и вечером ее опять доила Пелагея. И корму на ночь она же задавала. Пеструха уже подумала, что Александра совсем не придет, и испугалась. Но вдруг возле дома что-то зафырчало. Потом послышались голоса. И среди них – голос Александры:

– Митрий, ты неси осторожнее. Чай, это тебе не дрова, а телевизор.

Протопали шаги по крутой лестнице вверх, и все стихло. А когда совсем стемнело, из избы послышались странные звуки, да такие печальные, что Пеструха вся испереживалась, стоя в темном хлеву. Музыка лилась так тонко, такими сладкогрустными переливами, что Пеструха не выдержала. Она вспомнила про Александру, которая весь день глаз ей не казала, и в нетерпении боднула плохо запертые Пелагеей ворота...

В избе у Александры было полно народу. Чтоб не взопреть от духоты, двери оставили нараспашку, лишь завесив марлей от мух да комаров. Телевизор в деревне появился первый, и поглядеть передачу из Москвы сбежались и стар и мал. Правда, передавали классическую музыку, что для уха деревенского жителя дело не такое уж и привычное. Но зритель с

пониманием торжественности минуты терпеливо внимал столичному скрипачу.

И вдруг в мелодию влилась суровая басовая нота. Самое удивительное, что шла она совсем не из телевизора.

— И-и-и-и-и, — вела скрипка.

— У-у-у-у-у, — вторил бас.

— Ай! — заполошно визгнула Пелагея, сидевшая у самых дверей.

Враз оглянувшимся зрителям открылась впечатляющая картина. Сквозь белую марлю торчали черные коровьи рога, а из-под этой декорации неслось Пеструхино «Му-у-у-у!».

— Во! — заорал Дмитрий. — Культурная у тебя корова, Александра! Чистое дело, прогрессивная корова! Да за такую корову на базаре миллион дадут!..

Все так и грохнули. Однако, когда отсмеялись, Александра заохала:

— Ох, мужики! Ой, бабы! Как же мне ее, дуроломку, обратно в хлев доставить?

— Во! — вдругорядь рявкнул Дмитрий. — Вызывай, Александра, вертолет да разбирай крышу...

Все опять покатились.

Однако не бросать же в беде Пеструху с Александрой. Всем миром залезли под корову и понесли ее вниз по лестнице, хвостом вперед, ибо развернуть животину в узком пролете не было никакой возможности.

В деревне до сих пор вспоминают этот случай. И в разговорах о других событиях жизни, бывает,

Рис. Л. Кузнецова

ссылаются: «А, это было еще до того, как Александрина Пеструха телевизор ходила смотреть!..»

Да, с Пеструхой было всего: и смеху, и горя. Еще телушкой она отличилась. Купила ее Александра сразу после смерти мужика своего. Надо было ребят кормить, вот и купила. А год стоял засушливый, безводный. Намаялось за день стадо на жаре, и к вечеру, как пригнал пастух коров в деревню, они — прямо к колодцу. Пеструха — первая.

Ведро наполовину с водой на цепке висело. Пеструха утопила морду в ведро, а оно вниз поехало. Корова глубже голову сунула. Край сруба у колодца гниловат был. Возьми и рухни! Пеструха и провалилась. Только задние ноги да хвост торчат.

Вот было реву на всю деревню! Александру про беду оповестили. Она даже платок не успела накинуть, так простоволосая и вынеслась на окопницу. Народ

окружил колодец, а Пеструха бьется и от этого все глубже в колодец уходит. «Пропадет животина!»

Александра долго не рассуждала. Хвать за ноги телушку и на себя рванула. Рванула что есть сил. Тут и другие подмогнули. Пеструху-то вытащили, а Александра у колодца валяется, перед глазами у нее колеса желтые вертятся, а в животе резь – ровно каленым железом пырнули.

Долго тогда хворала Александра. Даже самолет санитарный за ней прилетал, чтобы в областную больницу свезти. Операцию сделали. Ничего, обошлось...

...А недавно пастух пригнал Пеструху к Александриному дому самолично. Кивнул понурой головой и сказал:

– Извиняй, Александра Трофимовна, не доглядел за твоей коровой...

Александра глянула – сердце у нее зашлось. Вымя у Пеструхи распорото, все в сукровице. Пошла, виши, корова по кустам лазить, а там монтеры накануне линию электропередачи чинили. Проводов обрезанных набросали и не убрали за собой. Пеструха и напоролась на стальную, крючком загнутую проволоку. Рванулась – раскатила себе вымя.

У Александры слезы на глазах. Побежала на центральную усадьбу. Позабыла, что телефон на ферме есть. Ветеринар сразу понял, что дело серьезное. Не ломался, сел на мотоцикл, Александру – за спину себе посадил, на седло, – помчались. Прикатили к месту, осмотрел лекарь Пеструху, мазь и советы дал. А прощаюсь, все-таки сказал:

– Свела бы ты ее на мясо. Доиться она теперь совсем мало будет. А на деньги, что получишь, не то что телушку, стельную купишь.

Александра целый день вчера ходила вокруг кормилицы. Даже обняла ее и поплакала, уткнувшись лицом в черное пятно на боку.

А сегодня опять подкатил к дому грузовик. Дмитрий, колхозный шофер, согласился добротить Пеструху с Александрой до райцентра.

В кабину баба отказалась садиться:

– Я уж с ней, в кузове побуду...

Впервые Пеструха ехала на машине. Ей было дивно, что грузовик вроде и без ног, а бежит так ходко, что мелькают деревни, озера, поля, перелески. За всю жизнь Пеструха не навидалась того, что за этот час.

Но велик ли час! Вот уже и подкатили к небольшому домику, стоящему у огромного загона с каким-то мрачным кирпичным зданием посередине. По длинным сходням свела Александра Пеструху за веревку, накинутую на рога; Дмитрий получил обещанную плату, сунул ее под сидение и умчался, оставив только облачко пыли, которое тут же и растаяло.

Приемщик встретил Александру сердито:

– Обождать придется. Транспортер из строя вышел...

Александра провела Пеструху в ворота загона и привязала к жердям изгороди. Она сейчас думала о том, что трудновато будет без коровы, особенно, если

приедут в гости ребята с внуками, живущие теперь в городе. А и с коровой – не легче. С сенокосом замучаешься...

Думы ее прервала Пеструха. Корова давно уже принюхивалась к запахам, шедшим от побуревшей осенней травы загона, от красных стен бойни, от будки приемщика. Пахло шерстью, навозом и еще чем-то непонятным, жутким. Пеструхе почудилось, что пахнет ее телятами. Запах лился в ноздри, как дурман, как наваждение. Пеструхины глаза налились кровью. Она наклонила голову и начала переступать передними ногами. Протяжное, тревожное мычание, похожее на медвежий рык, вырвалось из коровьей глотки.

Приемщик высунулся из окна будки и крикнул:
– Уйми свою дурищу!

Александра обиделась за Пеструху, но смолчала. Она подошла к корове и погладила ее по белой звездочке на лбу.

Но Пеструха отпрянула от нее, как от чужой. Может, она догадалась, зачем ее привели сюда? Может, она почуяла, куда девались ее дети? А может, просто растревожили ее непонятные, жуткие, невыносимые запахи? Только она еще ниже нагнула голову и вдруг вскинула ее вверх. Старая веревка резко натянулась, не выдержала и лопнула. Корова чуть не перевернулась через голову и в следующее мгновение уже летела по загону, не видя ничего перед собой, кроме зубчиков далекого леса, там, на горизонте. Вслед ей неслись страшные запахи. И она мчалась все быстрее и быстрее.

Пеструха не видела, что изгородь у загона есть и с той стороны. Она налетела на колья, поставленные косо между пряслами, упала на колени и, протянув «Мы-ы-ы-ы!», завалилась на бок. Когда к ней подбежали, она уже ничего не чувствовала.

Вопросы и задания

1. Вы прочитали рассказы А. П. Платонова «Корова» и Ю. М. Леднева «Пеструха». Как вы думаете, почему в своих произведениях эти авторы обращаются именно к образу коровы?
2. О каких событиях жизни коровы повествуют А. П. Платонов и Ю. М. Леднев?
3. Какие чувства вызывает у вас история жизни Пеструхи? А история жизни коровы в рассказе А. П. Платонова?
4. Каким видит мир Пеструха? Приведите примеры из текста.
5. Почему хозяйка была для Пеструхи «лицом всемогущим»? Как меняется отношение коровы к хозяйке в finale рассказа и почему?
6. Подумайте, что могла бы сказать Пеструха людям в finale рассказа?
7. Напишите сочинение на тему «Не верю, что звери не говорят...» (Случай из жизни домашнего животного, рассказаный им самим).

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПОЛУЯНОВ

«Серые»

Наст был тверд и прочен. Пробив его хрупкую кору, лосиха раскалывала снег до земли и губами нащупывала ледяные жесткие стебли хвои. Кормилась вдвойне настороже: и потому что отбилась от стада, и потому что была стельная. Из вырытой в снегу глубокой воронки бил в ноздри дурманящий запах багульника, наносило торфом, брусникой и древесной трухой.

Обширная белая равнина вспыхивала искрами. Ели казались выпитыми из серебра с чернью. Чудилось, что и луна, и снега, и стена мохнатых елей отражают предутреннее безмолвие. Лосиха не доверяла тишине. Для ее чутких ушей тишины, собственно, не существовало.

К окраине болота, по прозрачному, напоенному луной, голубому воздуху, за многие километры доносились лязг рельсов, гром колес поезда, вой машины, преодолевающей на тракте ухабы, и пение петухов из деревни. Это привычные звуки, с ними лосиха сроднилась.

Прежде чем лечь на отдых, она долго поводила ушами. Наконец поджала передние ноги и бережно опустилась грузным животом на снег.

Лунный зыбкий свет беспокоил. Рождались в нем туманные видения: осенний лес в запахе палой листвы, ручьи с темной терпкой водой, стылые зори над болотами, ромашковые луга. И люди... Ло-

Рис. А. С. Степанова. Лоси

сиха часто видела осенью людей. Они приходили в лес с железнодорожного разъезда — за грибами, ягодами. Встретив лосиное стадо, они кричали и размахивали корзинами. Но было видно, что лоси, особенно старый вожак стада, внушают людям любопытство, смешанное с восторгом, — к дикой стати лосей, к исполинскому их росту, к силе, с какой стадо в топоте копыт вихрем уносилось в гущу леса, сокрушая на своем пути заросли ивняка, прыжками перелетая через завалы бурелома.

И подремывая, лосиха поминутно поднимала уши. В глубине затененного ресницами зрачка переливался мерцающий лунный отблеск. Внезапно лосиха вскочила. Грохоча настом под копытами, перемахнула поляну и прижалась к стволу ели, вся дрожа и напрягаясь.

Под нависью хвои ничто не предвещало беды. Между тем беда приближалась — вкрадчивым поскрипыванием снега, мельканьем когтистых лап...

Рис. А. С. Степанова. Волки

Волков было трое.

Они кинулись на лосиху скопом, прямо с ходу.

Зубами, копытами передних ног, удар которых, достигни он цели, снес бы череп и медведю, лосиха отразила натиск врагов, не подпустила их до себя. Позиция, занятая ею под елкой, оказалась непрступной. Лосиху страшило нападение сзади, а с этой стороны ее прикрывал ствол дерева, ощетиненный сучьями. Она всхрапывала, раздувая ноздри от ярости, рыла снег передним копытом.

Волки поодаль легли за кусты.

Потом серые повторили атаку. Бросились, как показалось лосихе, в аккурат под задние копыта, но неожиданно трусливо повернули назад. Они заманивали лосиху за собой, и она поддалась на их уловку. Чуть отступила от ели, взвилась на дыбы, чтобы обрушиться на зазевавшегося заднего волка. Он увиль-

нул, коротко прыгнув вбок. Мотая мордой, скаля зубы и щетиня шерсть на загривке, лосиха шагнула, пытаясь достать его копытом, а в этот миг два других волка с неуловимой стремительностью бросились на нее с тыла, не защищенного теперь стволов дерева.

Клыки серых зверей оставили на бедрах рваные раны. Кровь брызнула на снег. Лосиха стряхнула с себя волков и, безумея от боли и страха, прыжками понеслась в чащу.

Серые звери молча покатились следом. Наст держал их, они скакали по нему, точно по ровному полу, в то время как под тяжелым телом и острыми копытами лосихи наст проламывался при каждом прыжке. Не прошло и нескольких минут погони, а лосиха начала сдавать. Проломы в заледенелом насте царапали в кровь, ранили ноги, сдирали кожу на коленях и животе.

Лосиха заспотыкалась. С морды западали хлопья пены. Раз или два она хватила снегу.

И при выходе из лесу в поля остановилась, тяжело поводя боками. Шаталась, натужно кашляла.

Беспомощность жертвы придала преследователям наглости. Один из волков прыгнул, намереваясь перекусить лосихе сухожилия задних ног. Отпрянула лосиха. Волк повторил нападение. И встретил удар копыта. Копыто пронзило его насквозь. Волк, обливаясь кровью, замертво распластался на снегу. Как безумная, забыв про усталость, лосиха топтала труп, пока от него не осталось лишь черное под луной окровавленное пятно. Но когда она дви-

Рис. В. В. Трофимова

нулась наискось по полю, оставшиеся два волка последовали за ней.

Наст в поле был крепче, плотнее, чем в лесу, снег глубже, и лосиха увязала по самый живот, израненные ноги закровоточили.

Опустив морду, горбясь, лосиха перешла на шаг. Ее шатало. Волки, не отставая, трусили сзади ленивой рысцой.

Вдруг копыта встали на что-то твердое, безопасное. Лосиха выбрела на припорошенную снегом дорогу, по которой на поле зимой вывозили навоз. Дорога пахла человеком и конским потом.

Собрав остаток сил, лосиха ударила по дороге размашистой иноходью. Волки сперва стлались прыжками рядом, забегали вперед, но вынуждены были отстать, когда пахнуло деревней, когда по глазам ударили им свет из окон изб.

Лосиха перепрыгнула изгородь. Оставляя на дороге капли крови, метнулась к какой-то избе на окопице, одним махом перелетела через другую изгородь и очутилась во дворе. Прислонилась боком

к бревенчатой стене хлева. Ноги тряслись мелкой дрожью и подгибались. Лосиха упала. Бока ее вздымались и опадали от свистящего прерывистого дыхания...

– Марфута, говори: «Слава богу!»

Жидкая, сквозящая бороденка Осипа дрожала, зуб на зуб не попадал.

– Говори: «Слава богу»... Чо-о? Не проснешься никак! – зашипел он, тыча старуху кулаком в бока. – Встань ты-и, очнись!

Марфа, борясь со сном, зевала, чесала всклокченную голову. В избе было темно, хоть глаз выколи. Окна чуть проступали из этой темноты, подсиненные рассветом. Радио еще молчало.

– Чего тебя среди ночи подняло? Свет бы включил...

– Свет, све-ет! – у Осипа пресекалось дыхание, отвисала и тряслась бороденка. – Тут такое дело, – по тайности. Коровку бог послал. Матерая! Слава тебе, господи... слава тебе, господи! Вышел во двор – прошумело там вроде, овцы заблеяли, – а она у самых ворот.

– Опомнись, старый, в уме ли ты? Какая коровка? – хриплым со сна голосом забрюзжала Марфа, надевая на себя кофту.

– Цить! – притопнул на нее Осип. – Раскрыла рот... На всю деревню слышно! Тише, кому говорят? Лось прибег, у хлева так с ног и пал. Зверь, поди, его

из лесу выгнал. Обезножел вконец, обессилел лось-то. Хи-хи... голыми руками его бери, слава тебе, господи! Мяса, мяса-то в нем, старуха. Пудов на пятнадцать коровка! Да не пялься ты-и... баржа неповоротливая, прости господи. Ищи топор, под лавкой был. Чего мешкаешь?

Марфа сошла с кровати, все еще зевая, полезла под лавку.

– Осип, а куда мы с лосем-то?

Старик, перед иконами стоя на коленях, отбивал поклоны.

– Ты-и... – зашипел он и плонул. – Молитву бы поминала, чем язык распускать. Куда? Куда? Сказано, чистого мяса будет пудов пятнадцать. С руками на базаре оторвут. Разберутся ли: говядина и говядина! По два рубли кило – за день всю тушу спустим. Не луком, чай, будем торговать.

И Марфа закрестилась, завела обрадованно:

– Слава тебе, господи, слава тебе!

– То-то, дошло-таки, – миролюбиво проворчал Осип, поднимаясь с колен. – Где топор? С чем и подступиться: то ли с ножом, то ли с топором – обухом ее, богоданную, сначала оглушить?

– Слыши, собаки-то по деревне всполошились: воют и воют, – вздохнула Марфа. – Как буду какую ворожат. Давай, Осипушко, покруче поворачиваться. Злыдни ведь у нас на деревне живут. Донесут, беды не оберешься. Под суд попадем... Ладно ли?

Осип потрогал ногтем лезвие топора, заторопился:

– Коли так, с богом! Фонарь возьми, посветишь.

Осип и Марфа сидели за самоваром, одетые по дорожному. Осип благодушно жмурил юркие, как мыши глазки, круглое с благообразной лысиной, красное, распаренное лицо его лоснилось. Опрокинул стакан на блюдце, отдуваясь, приглаживая бородку.

– Бог напитал, никто не видал!

Сыто рыгая, вылез из-за стола, заученно перекрестился.

– Ты того... лампадку бы, что ли, на божнице затеплила?

– Выглянь-ко лучше в окно, не идет ли машина? Не прозевать бы, поклажа ведь у нас, – деловито перебила Марфа. – Обманут, поди!

Осип успел сходить к шоферу, договорился, чтобы на грузовике его и Марфу довезли до базара пораньше.

– Народ, конечно, – поддакнул Осип, осуждающе покачав головой. – Что за люди пошли? Ни за кого поручиться нельзя. Завидущий народ! Злоба его съе-

дает, что мы живем, дом – полная чаша, а они жить не умеют. Ты давай кончай чаевничать. Слыши... – он поднял указательный палец. – Кажись, машина!

У крылечка избы на самом деле скрипнули тормоза подъехавшей автомашины, хлопнула дверка кабинки.

Осип отдернул оконную занавеску. Кровь у него отхлынула от лица, глаза побелели.

– Милиция, бабка... дождались! Не иначе как с обыском!

Участковый, сержант милиции Овалов, пробегал глазами протокол.

– Т-так! Следы с кровью к вашей избе привели, гражданин. Вещественные доказательства налицо: мясо, ливер, шкура. Обыск произведен по форме. Какие претензии имеете?

Осип, судорожно сглатывая, облизывая пересохшие губы, твердил:

– Бог вам судья, а только мы серые, законов не знаем...

Лысина блестела от пота, лежавшие на коленях руки мелко вздрогивали.

– Ничего не подпишу! – крикнул он визгливо, с надрывом.

– Не подпишем! – всхлипывала в углу Марфа.

– Ваше дело. – Овалов спокойно поправлял на шинели скрипучий ремень. – Прошу понятых расписаться. Ирина Павловна, прошу. Ваши ученики, спа-

сибо им, первые на след преступников навели. Глазастая публика... Уважаю!

– Вы понимаете, я ребятам не поверила, – взволнованно заговорила учительница. – Может ли быть: зверь искал защиты, а его – обухом по голове! Это же на всю деревню пятно. Есть ли у вас после этого, Осип, хоть капля совести, чего-то человеческого в сердце? Как вы людям в глаза смотреть станете?

– Совесть у них на базаре давно заложена по дешевке, – обронил второй понятой егерь Чебыкин, ставя свою подпись в протоколе.

– В колхозе эта семейка веком не работывала. Знай одну дорожку топчут: на базар да с базара! Лишние люди!

Осип утер локтем пот со лба.

– Серые мы, серые... – Но, подняв на учительницу белые, налитые злобой глаза, прошипел сквозь зубы: – Вот ты чему детей учишь. Ну, погоди, не встречу ли тебя на узенькой дорожке!

Ирина Павловна всплеснула руками:

– Понимаете, он еще и угрожает!

Сержант Овалов спрятал в планшет листки протокола, поднялся с лавки, надел фуражку с кокардой. Повел пристальным, изучающим взглядом на Осипа, и тот съежился, заерзал:

– Серые мы, конечно, серые, примите во внимание.

– Оно и точно, «серые», – произнес сержант со значением. – Вот что, гражданин, собирайтесь! Поедете со мной.

– За что? – взвизгнул Осип. – Люди-и... за что?

Вопросы и задания

1. Почему рассказ назван «Серые»? Посмотрите толкование слова «серые» в словаре С. И. Ожегова. Что вкладывает И. Д. Полуянов в понятие «серые»?

2. Что необходимо для того, чтобы человека можно было назвать человеком?

Золотые лапотки

На островах тёплых морей и в Индии, по берегам африканских озёр и в духоте болот Амазонки, где вершины увитых лианами деревьев тонут в испепеляюще знойном солнце, где кричат попугаи и порхают колибри, там находят орхидеи. Причудлив их облик. То цветы похожи на огромных бабочек, пауков и птиц, сверкающих как драгоценные камни, то, испещрённые солнечными пятнами, тигровыми полосами, трепещут, словно живая плоть. Есть в семействе орхидей лилипуты, есть исполины – выше роста человека.

Роскошны и удивительны эти обитатели тропиков!

Да только ли тропиков? И в северных лесах и лугах есть орхидеи.

Душистым до приторности запахом отличается любка, которую на базаре цветочницы выдают за ночную фиалку. Неказиста любка: днём равнодушно скользнёшь по ней взглядом. Но вечер наступит синий, роса окропит траву, закрякает, пристанывая, коростель в лугах – и даст знать о себе ночная кра-

савица при свете блёклых июльских звёзд! Бледные, в прозелень, немощные цветки, собранные в жидкую кисть, вдруг заблагоухают с такой силой, какую в слабом с виду растеньице ни почём бы не заподозрил. Сырые, мшистые ельники с вечерних синих до розовых утренних сумерек обволакивает тёплое облако, дурманит и завораживает.

Случилось мне заночевать однажды в лесу. И глаз не сомкнул от тревожного влекущего запаха любок! Он возвращал меня в детство – к серым избам среди берёз, к песчаному сосняку и белым мхам Пошкала, к той тропке заветной, по которой, бывало, чуть свет бегал рыбачить на речку *Городишну*. Сосновые шишки кололи босые ноги, гулко чикала по листьям осин роса, и мелеющим ручейком сквозь крепкий, свежий лесной дух, дух муравьищ и мхов, пробивался запах лесных орхидей – любок. Не добежишь ещё до реки, а он потух, перебежался, заглох, и вместо него чуешь уже говорок переката, запахи тины, холодных камней.

Где вы, берёзы детства? Тропку на Городишну, поди, лес одолел, а как она была обжита – от земляничника близ Митиного поля до куста калины на Брызгаловском угore, до трухлявого пня, где было гнездо дрозда!

Что было, того не вернёшь. Впопыхах, почти на ощупь, я набрал охапку орхидей и всё мял в пальцах, комкал. А они пахли. Как пахли! И будто звали куда-то – куда и дороги-то нет...

Однако и любке есть соперница среди орхидей. Правда, встречается очень редко.

Много лет назад были мы с товарищем в майском лесу. Разведывали глухаринный ток – в расчёте на будущую весну. И на орхидей наткнулись случайно. Весна выдалась ранняя, но всё-таки что и было цветов, так это фиалки-виолы, калужница и сиреневое волчье лыко.

И орхидеи? В такую-то рань – капризнейшие цветы?

И что за цветы: листьев нет, вместо корней рыжая борода и стебель дудкой!

В том, что перед нами орхидея, именно надбородник, убеждал запах. Нежный до беззащитности и какой-то знющий, горячий. Будто мы были не в тайге глухой, северной, а где-то на берегах Амазонки.

– Нарвём? – предложил товарищ.

– Конечно! – воскликнул я. – По цветку, ладно, Николай?

Признаться, нарвали мы больше.

Если наш брат, рыболов или охотник, мечтает поймать самую крупную щуку, леща с поднос, пытает счастье в облавах на волков и медвежьих охотах, то лещ с поднос, шкура медвежья нужны нам как залог. Залог того, что есть – понимаете? – есть в лесах, в озёрах наших что-то такое, что с чудом граничит, во что непосвящённые давно веру потеряли, как в сказ-

ку наяву. И диковинный надбородник (слово-то какое – надбородник!) был сорван, чтобы доказать нашим домашним, к какой дикой прелести мы пристрастны, бродяжа в лесах: вы посмотрите, вы только понюхайте, как пахнет!

А он, трофея наш необычный, к утру завял, сморщился. Ведь иначе выглядит и птица, когда её вынешь на стол из ягдташа: половину дикой стати мёртвая потеряла. Перья оглаживаешь, нарочно хвост оправишь, помятый в сумке... Нет, не то. Всё не то!

Не пахнул сорванный надбородник, будто за ночь иссяк без остатка волшебный его аромат, и тянуло от него гнилью и тленом...

Однако не запахом цветов, прежде всего самими цветами примечательны орхидеи.

Изящны жёлтые и синие ирисы; само совершенство – травка белозёр, прозванная солнечной росой; горделиво подают себя водяные лилии, на лаковых листьях, как на блюдечке. Но орхидеи – это орхидеи.

И самая прославленная из них – кукушкины сапожки.

Надо сказать, искал я её годами. Переписывался с лесниками, с любителями природы, запросы рассыпал...

По-научному эту орхидею зовут башмачник. Иначе: венерин башмачок. Тут уж легко догадаться, как прекрасна орхидея, если её отдали Венере – богине красоты! Самый большой лепесток цветка необычен по форме и напоминает носок туфли, сапожка. Отсюда пошло народное название – кукушкины сапожки. Впрочем, кукушкины сапожки известны также

и как царь-цвет, и как адамова голова. Последнее название, вероятно, восходит к глубокой старине, когда поразительному по необычности цветку приписывались лечебные свойства и входил он в состав колдовских снадобий, «приворотных зелий». А царь-цвет? Разве не звучит? Шутка ли – царь!

– Э, батенька, куда тебя занесло! – говорил мне как-то один знакомый. – Да из миллиона людей хоть один видел ли в лесу царь-цвет? Не поручусь, ей-богу.

Один из миллиона?

Да-а... Перехватил знакомый, преувеличил, конечно, да и я задал себе задачу, по-видимому, не выполнимую.

Вполне возможно, рассуждал я, отчаявшись в бесплодных поисках, башмачник изведён ещё в незапамятные годы. По-видимому, разделил судьбу дикого пиона марьян корень, который также почитался у травознаев-знахарей безотказным лекарством. Насколько известно, на Севере нынче дикий пион, замечательный яркими и крупными красными цветами, попадается лишь по реке Пинеге и на Печоре.

Но кукушкины сапожки нашлись в лесу!

Сначала я принял растения за черемицу: и высота была та же, что у этой ядовитой травы, и листья, и их расположение на стебле. Обмануться тем более было легко, что орхидеи, росшие группами по две-три, не цвели. Главное же потому, что тысячу раз я проходил этой просекой, наверняка бывал летом, в пору цветения...

Рядом с просекой было оживлённое шоссе. Порой казалось, что бензиновая гарь, запах растопленного жарой асфальта достигают чахлых в сырости елей, замшелых берёзок с муравьищами у подножий, высоких сосен, куда зимой вылетают глухари теребить мёрзлую хвою.

Канава, прорытая полвека назад, когда осушились луга Присухонской низины. Тёмный ручей, теряющий течение в зелёной ряске.

Колодины. Пни.

Шум вершин, ровный неумолчный шум леса.

И гудки, гудки, грохот самосвалов на шоссе.

И притулившиеся у самой тропы орхидеи, краше которых ничего нет...

Чернели головни кострища: обсушивался я здесь как-то после дождя, – не тащиться же в сырой одежде в переполненный автобус. Может быть, я топтал и жёг орхидей?

Черемица похожа на них. Не меньше, чем бледная поганка – на шампиньон, пятна лишайника – на бабочку-совку. Двойников много, я это знаю. И притворства – тоже. Слабость нередко выдаёт себя за силу, живое – за мёртвое, хищная алчность – за беззащитность, нуждающуюся в покровительстве. Яструб летом из кустов нет-нет и пискнет, как птенец, в расчёте коварно провести какую-нибудь сердобольную птаху; зато ящерица-медянка, кроткое создание, вся как змея, одно горе – нет ядовитых зубов!

Верилось мне и не верилось в находку. Всего орхидей было десятка полтора: под сосновыми у тропы и

в зарослях ёлок на старой вырубке. Несколько орхидей набирали бутоны.

Оставалось прийти сюда хотя бы неделю спустя и увидеть орхидеи в цвету...

А год миновал и другой – никак не приводили дороги на просеку, к ручью, запруженному ряской. Разве орхидеи – первая забота? Время уходило на что-то другое, дороги выпадали всё дальнение. Почему-то удаются легче дальнение, трудные пути, а то, что нам ближе, оставляем на потом – ладно, успеется.

Бывал я на просеке, но осенью, с ружьём, с корзиной, и взглядом искал моих избранниц, скромно зеленевших в травах и мхах, под хвойной сенью. Часть орхидей отцвела и гибла, вместо погибших отыскивались новые: так вечером стоит отыскать в небе одну звезду, чтобы по ней обнаружились над головой другие.

Пел рябчик в шорохах листопада. В лужицу, на-тёкшую в раздвоенный отпечаток лосиного копыта, бабочка макала тонкий хоботок. Непросохшей росой сверкали паучьи сети, гремел на шоссе железный поток, и грустно делалось на душе. Ну, нашёл... А дальше что?

Гремит, ревёт железный поток, бабочка льнёт к лосиному следу, рябчик поёт из берёз, и золотым дождём падают листья.

Нечего больше желать, стоя у красных сосен, – только бы дождь золотой шёл, на мхах круглились рыжики, бабочка пила из лосиного копыта и гремел железный поток. Но рядом. Вместе и рядом. Да ещё

зимой к соснам летали бы глухари набивать зоб обледенелой хвоей, лоси спали в сугробах и в зелёное перволетье распускался царь-цвет...

Навязался мне на голову этот царь-цвет!

Не отпускает, и всё тут.

Хм, сапожки... Куда уж в них напагаешь! По пням-то, а? По валежинам, по колодинам – куда? Наконец, измене то сродни, что с царь-цветом связался, будто веру потерял, что лес и без него хорош, сам по себе – с рыжиками на мхах и рябчиками в берёзах.

Так-то оно так. Но вдруг эти редкие цветы действительно последние из последних?

И снова было лето. Раннее лето, без грибов и ягод.

Ни следа на просеке, никем не смята трава.

Я не шёл, я бежал к соснам.

Издали было видно: орхидеи цветут. Отчего-то замедлил шаги и обнажил голову, словно то была не только встреча, но и прощание.

Не выделялись цветущие орхидеи в высокой траве, во мхах и хвоцах. Напрасны были мои опасения, что они окажутся чужими в лесу. Напротив, они и венчали лес, и давали ему новое начало: от себя и лиловов-смуглых пятен теней на красных стволах сосен, от бликов солнца, насквозь пронизавших траву, перистые опахала папоротников, и от парной истомы хвои, древесной прели, погустевшей в укромных закутках, где ветром не шелохнёт.

Самый крупный лепесток – туфелька – был ярко-жёлтый. Он покоялся на двух красно-бурых, а ещё два лепестка, длинные и кручёные, походили на завязки.

И в цвету не выделялись сказочные орхидеи: были в сыром, захламлённом пригородном леске на равных – с соснами не бог весть какой величины и стройности; с кривыми берёзками, прозябавшими в топких мхах; с чахлыми ёлками, шумом хвои напускавшими дрёму. На равных с каждой былинкой безымянной, с ручьём, побулькивавшим в торфяной канаве, и с дальним зовом кукушки:

«Ку-ку, ку-ку!»

Одолевали комары. Вот ведь как: царь-цвет, а в карауле, сторожат диво-дивное, клад бесценный одни комары! Правда, отчаянные ребята – так и лезут, так и лезут настырно. Лезут и колют.

Тосковала, томила кукушка:

«Ку-ку, ку-ку...»

Босой тебе щеголять, вот что скажу, горюнья: мало у нас в лесах сапожков.

Очень-очень мало...

Башмачник упорно и долго утверждает себя на земле, чтобы на равных стать с елями, с мхами сырьими. Семена орхидей (венерин башмачок не исключение) малы и невесомы, как пыль. Исчисляются они тысячами. Пылинки разносит ветер, терпят они жару и холод, сушь и сырость. Из несчётного множества семян прорастает то единственное, которое будет поражено плесенью. Да, только покрытое плесенью семечко разбухает в крохотный клубень, чтобы выпустить росток. Затем клубень отмирает, дав при этом начало новому клубню. Из этого клубня, едва видимого, по весне выпрашивается новый рос-

ток, который перед заморозками погибает, оставив в земле клубенёк.

Так длится долгих семнадцать лет. Велик испытательный срок! Лишь на восемнадцатое лето распускает башмачок блестательные цветы: чаще одну, иногда две, крайне редко три жёлтых или жгуче красных, фиолетово-синих туфельки с завязками – прилетай, кукушка, и обувайся.

Раз в восемнадцать лет...

Долго обновы ждать, поневоле догадаешься, отчего кукушка босиком!

Умеет природа поставить преграды даже перед тем, что её украшает достойно. Не терпит излишеств? Или не хочет, чтобы красота обесценилась? Не знаю. В одном убеждаешься: трудно, с потерями и утратами утверждает себя всё, что истинно прекрасно...

Грохотало рядом шоссе. С воем проносились самосвалы, гремели прицепами грузовики, и чудилось, что бензиновая гарь достигает хвойного закутка под соснами, куда зимой в утренней стылой рани глухари вылетают щипать мороженую хвою, осенью лоси бываются на заре, стуча костяными рогами, а сейчас орхидеи развесили золотые сапожки...

Нет-нет, вовсе это не сапожки, не туфельки сказочные, что и Золушке были бы малы! Желты лепестки орхидей, как молодое лыко, и туфелька-то не туфелька – просто маленький лапоть. Золотой лапоток, и больше ничего...

Гремит на шоссе железный поток. По просеке ветер шастает, качает золотые лапотки...

Кто к ним придёт? Кто их на свою ногу примерит?

Раз в восемнадцать лет по хвойникам нашим, под берёзами, под елями висят золотые лапотки и ждут, всё ждут кого-то – приди, примерь нас!

Городишина – река в Нюксенском районе Вологодской области.

Плач на пеньке

Контуры лесной гряды размыто синеют, как горы, – синие-синие, далёкие-далёкие. Оттуда, из дали дальней, вываливается и распухает что-то мутное, мглистое, чему и названья нет. Время от времени мглу распахивает розовый огонь, трепещут и колыхаются сполохи. Проблески отдалённых молний я, наслушавшись бабушкиных сказок, принимал в детстве за взмахи волшебного платка Василисы Прекрасной. Убегает она от Кощяя Бессмертного, машет платком, оставляет позади себя буреломы – дебри дикие, горы высокие, моря-озёра глубокие. Может, так и наши леса появились на земле от платка Василисы Прекрасной?

Надвигалась грозовая туча, ползла, готовая всё подавить своей грузной тяжестью. По-прежнему вспыхивал в ней розовый огонь. Сполохи его встряхивали мглу, на миг она обретала переменчивую игру изжелта-бурых тонов, на месте сполохов долго мерешились тёмные, чёрной густоты провалы.

Я собрался было уходить с поля, как в кустах у межи слух уловил непонятные звуки.

Плач? Да, тонкий, детский...

Кто-нибудь заблудился? Не может быть. Не такие у нас ребятишки, чтобы на виду у деревни нюни распускать!

Странно всё, очень странно.

Я напряг слух, и глаза у меня засияли: эге, да это вон кто расплакался!

Плохо, что сушь, не ступить шагу, чтобы под каблуком не выстрелил сучок с треском.

В кустах вижу лазейку. Боком, плечом вперёд я протискиваюсь в неё.

На пеньке в кустах – рыженький бурундук. С толстыми щёчками и ушками торчком. Полосатый мальчишка, он свесил плоский хвост с пенька и раскачивался из стороны в сторону. В его чёрных блестящих глазках застыла печаль и скорбь. Ах, убивался, горевал бурундучик! Передние лапки у него с пальчиками. Обхватив лапками голову, бурундук раскачивался, бил поклоны, и ныл жалостливо, и плакал. Плакал безутешно. Взыпал к сочувствию, просил разделить его горе горькое.

Посмотрел я, как бурундучик, свесив хвостик, убивается, и, не таясь более, затрещал сучьями, выбрался из кустов. Быть грозе, быть непогоде! Примета охотни-

чья, необманная – быть дождю! Бурундуку шубку замочит, норку подтопит, вот он почему стонет, плачет, на сочувствие напрашивается.

В полях стемнело. Налетает шквал, столбом заливая пыль на дороге. За серой пеленой – избы, косые изгороди. Из кустов несёт сбитые вихрем листья, и тревожным гулом полнятся сосны. Мутная мгла, заволокшая горизонт, отделила от себя облако. Оно низко волочится, сближаясь с полями, с деревней...

Сочно пробырзнуло из тучи. Капли свёртываются в пыли серыми шариками и, чудится мне, шипят.

Вопросы и задания

1. О чём заставляют задуматься рассказы И. Д. Полуянова?
2. Найдите строки, которые мы могли бы взять в качестве эпиграфа к творчеству автора.

СТИХОТВОРЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ПОЭТОВ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Родина – одно на свете чудо...

A. Романов

«Такая наша земля Россия, что у любого края – своя слава, своя красота. А просторы-то – даже у школьной карты надо руки распахнуть, чтобы охватить восток и запад Отечества. Но сердцу милее всего тот край, где нам выпадает родиться. Мы родились на севере России. Наш Север – не только леса темные да реки светлые, не только города да соборы, ставленные еще на заре Руси, не только

нынешняя многоэтажная новь, а еще и глубокие клады-родники народного языка...» — так говорит о своей малой родине известный вологодский поэт Александр Романов. Он считает, что именно чувство родины, России и делает человека в жизни настоящим гражданином и борцом. Без этого чувства не бывает настоящего человека.

Русская поэзия богата именами поэтов-вологжан, для которых Родина, природа, русская душа являются основными темами творчества. Любовь к родной земле, счастье осознавать свою принадлежность к ней, восторг от ее красоты звучат в стихотворениях Н. А. Клюева, Н. М. Рубцова, А. А. Романова.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЛЮЕВ (1884–1937)

Н. А. Клюев родился 10 октября 1884 года в одной из деревень Коштукской волости Вытегорского уезда. С 1896 года семья Клюевых жила в Вытегре. Там будущий поэт заканчивил двухклассное городское училище. Затем он поступил в Петрозаводскую фельдшерскую школу, в которой проучился всего год. Первые стихотворения Клюева появляются в печати в 1904 году на страницах петербургского альманаха «Новые поэты». Но творческая зрелость и известность пришли к нему позднее, в 1911 – 1912 годах, когда появились его сборники «Сосен перезвон» и «Братские песни». Читателю начала XX века он явился как поэт из народных глубин и привлек к себе внимание необычными образами, сочностью языка, глубоким знанием духовной жизни северного крестьянина. Мир, открывавшийся в стихах Н. А. Клюева, произвел глубокое впечатление на А. А. Блока, Н. С. Гумиле-

ва, А. А. Ахматову, А. Белого. Поэзия его в первую очередь обращена к городскому читателю, он зовет горожан, отправленных цивилизацией, вернуться к своей истинной, забытой им родине.

Альманах — непериодический сборник произведений разных авторов.

Черны проталины, навозом,
Капустной прелью тянет с гряд.
Ушли метелица с морозом,
Оставив марту снежный плат.

И за неделю март-портняжка
Из платы выкроил зипун,
Наделал дыр, где пол запашка,
На воротник нашил галун.

Кому достанется обнова?..
Трухлявы кочки, в поле сырь,
И на заре, в глухи еловой,
Как ангелок, поет снегирь.

Капели реже, тропки суще,
Ручьи скатились в долок...
Глядь, на припеке лен кукушний
Вздувает сизый огонек.

Уже хоронится от слежки
Прыскучий заяц... Синь и стыть,
И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.

Лесных прогалин скатеретка
В черничных пятнах, на реке
Горбуньей – девушки лодка
Грустит и старится в тоске.

Осина смотрит староверкой,
Как четки, листва обронив;
Забыв хомут, пасется Серко
На глади сонных, сжатых нив.

В лесной избе покой часовни –
Труда и светлой скорби след...
Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.

И ввечеру, под дождик сыпкий,
Знать, заплутав в пустом бору,
Зайчонок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.

Галун – нашивка из золотой или серебряной ленты на форменной одежде.

Дровни – крестьянские открытые сани для перевозки дров, грузов.

Дол – долина.

Зипун – крестьянская одежда из толстого сукна, обычно без воротника.

Зыбка – подвесная колыбель.

Лен кукушний – один из видов мха (кукушкин лен).

Ной ковчег – Ноев Ковчег, судно, в котором праведный человек Ной спас людей и животных от Всемирного потопа.

Старовер – человек, придерживающийся старых мнений, привычек.

Часовня – маленькое здание для молений.

Четки – шнурок с бусинами или узелками для отсчитывания молитв и поклонов.

Хомут – часть упряжи, надеваемая на шею лошади.

Вопросы и задания

1. Какие картины природы вы представляете, читая стихотворения Н. А. Клюева?

2. Каким настроением проникнуты стихотворения Н. А. Клюева. Какими художественными средствами автор создает образы весенней природы?

3. Приведите примеры олицетворений и объясните их роль в стихотворениях Н. А. Клюева.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ (1936 – 1971)

Н. М. Рубцов родился в селе Емецк Архангельской области. Когда началась война, мальчик оказался в детском доме на Вологодчине. Окончив семилетнюю школу, он уехал в Ригу поступать в мореходное училище. Но туда принимали только с пятнадцати лет. Поэтому мальчик вернулся и поступил в тотемский лесной техникум. Но мечта о море не покидала поэта. В 1952 году, получив паспорт, Николай Рубцов отправился в Архангельск, к морю. В 1955 году он приехал в Ленинград и работал на заводе. Военную службу проходил на Северном флоте. Там и началась его литературная жизнь. Он печатался во флотской газете. После завершения службы Рубцов работал в Ленинграде, учился в школе рабочей молодежи. Начинающий поэт выступал на литературных вечерах, публиковал свои стихи в заводской многотиражке. В 1962 году Рубцов приехал в Москву и поступил в Литературный институт им. М. Горького. Первый его сборник «Лирика» вышел в 1965 году. Позже были изданы сборники «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Зеленые цветы» (1971).

Критик Василий Оботуров писал: «У каждого поэта есть свой предмет поэзии. Для кого-то существует поэзия скоростей, но не для Рубцова. Ему роднее переданный в наследство Пушкиным, Кольцовым, Тютчевым интерес к природе, к интимной жизни человеческой души. Современному человеку – увы! – часто оказывается не до этого: в вечной спешке и жаворонка ему не услышать, не увидеть, как почки на деревьях распускаются. И Рубцов тайны зеленого мира открывает для всех... Жизнеутверждающая и грустная, зовущая к раздумью и действию, поэзия Рубцова настраивает душу

человека на волны добра и участия к людям. Без поучений и назиданий зовет она к сострадательности и совестливости, помогает открыть гармоничность целого мира...».

Назидание – наставление, поучение.

Жеребенок

Он увидел меня и замер,
Смешной и добрый, как божок.
Я повалил его на травку,
На чистый солнечный лужок!

И долго, долго, как попало,
На животе, на голове,
С восторгом, с хохотом и ржаньем
Мы кувыркались по траве.

Рис. Н. И. Мишусты

Про зайца

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Сlyша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

Рис. Н. И. Мишусты

Добрый Филя

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чём говорить?

Рис. Н. И. Мишусты

Вопросы и задания

1. Какое из стихотворений Н. М. Рубцова вам понравилось больше и почему? Какими предстают животные в стихотворениях этого поэта?

2. Объясните название стихотворения «Добрый Филя». Почему автор называет героя именно «добрым»?

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
РОМАНОВ**
(1930 – 1999)

А. А. Романов родился 18 июня 1930 года в деревне Петряево Сокольского района Вологодской области. Мать его была колхозницей, отец – учителем русского языка и литературы в местной Воробьевской семилетке. В 1945 году, после окончания школы, будущий поэт уехал в Вологду. Сначала учился в педагогическом училище, а затем в педагогическом институте. В 1952 году пошел работать в редакцию областной молодежной газеты. Много ездил по родному краю и «постепенно накапливал стихи». В 1956 году вышла его первая поэтическая книжка «Признание друзьям». В 1960 году он поступил на двухгодичные Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Около 10 лет А. А. Романов был ответственным секретарем Вологодской писательской организации. В Москве и Вологде вышло восемнадцать сборников его стихов и две книги публицистической прозы. «Образ России, судьба родительского поколения и жизненные пути моих сверстников – главное, что я старался в своих книгах донести до читателя», – писал поэт.

Публицистика – литература по общественно-политическим вопросам современности.

Родина

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берез...
Все, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина – одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скучеть.

Вопросы и задания

1. Перечитайте первые строки стихотворения А. А. Романова. Как представлен в них образ природы?
2. Какова главная мысль стихотворения?
3. Что объединяет стихотворения Н. А. Клюева, Н. М. Рубцова и А. А. Романова?

Изобразительно-выразительные средства, лирика, мироощущение, пейзажные зарисовки, пейзажная лирика, обобщающий образ.

СТИХОТВОРЕНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ПОЭТЫ-ВОЛОГЖАНЕ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Судьба фронтовая моя...

C. Орлов

Истинная поэзия всегда была голосом народа, воплощала его чувства, мысли и чаяния, оплакивала утраты и воспевала победы. В годы Великой Отечественной войны голос советской поэзии был выражением мужества народа, уверенного в неизбежной победе над фашизмом. Всенародная «наука ненависти» учила поэтов сражаться действенной силой слова. Их рабочим кабинетом были редакция фронтовой газеты или блиндаж, землянка на переднем крае... Стихи переписывались с газетной полосы в походные дневники солдат, передавались из уст в уста... Поэты говорили от имени народа, они имели на это право. Поэтическая летопись Великой Отечественной, начатая в июне 1941 года, – это летопись нравственного возмужания человека.

Когда-нибудь и мы домой приедем,
А если нет, пускай тогда о нас

Домашние, знакомые, соседи
Своим детишкам поведут рассказ.
О том, как мы в сражения ходили,
Любили жизнь и пали потому,
Что больше жизни родину любили.
Ее не уступая никому.

(C. C. Орлов)

Среди тех, кто, не жалея собственной жизни, защищал нашу землю от врагов в годы второй мировой войны, тех, чьи стихи о войне получили широкую известность, были поэты-вологжане Сергей Орлов и Александр Яшин.

«Когда началась война, мы, студенты университета, вступили в истребительный батальон», – написал в краткой автобиографии «О себе» Сергей Орлов. В истребительном батальоне молодые солдаты учились стрелять. Наверное, никто из них и не думал, что эти знания так скоро пригодятся. Через 3 недели добровольцы уже сражались с наступавшими на Петрозаводск финнами. Взрывы, стрельба, бомбы, убитые, раненые... С этой войны можно было и не вернуться живым. Но это стало только началом. После того, как истребительный батальон, в котором поэт прошел боевое крещение, расформировали, Сергей Орлов направился в Петрозаводский горвоенкомат. Вышел оттуда уже танкистом. На войне он несколько раз был ранен, горел в танке, но все-таки выжил, выстоял, победил. Далось это нелегко. Но как потом сам он скажет: «Солдаты победоносной армии, принесшие в своих вещмешках и планшетах стихи, имели право, а с ним и возможность говорить о войне откровенно и беспощадно не только между собой, а и со всеми, кто хотел слушать и читать стихи». Сам поэт Сергей Орлов говорил о войне «откровенно и беспощадно». Он поэт вопреки войне...

Но не только о себе писал Орлов. В его стихах слышен голос целого поколения:

Вот человек – он искаленен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.
Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть – и глаз не отвести!

Война перевернула и жизнь Александра Яшина. Начало Великой Отечественной войны совпало для молодого поэта с окончанием Литературного института. Первое время он был редактором краснофлотской газеты «Залп балтийцев» в одном из укрепрайонов. Легко догадаться, что редактору флотской многотиражки приходилось в то время писать неолько стихи, сколько очерки, заметки, репортажи с места боев. Но были, конечно, и стихи. И даже рассказы. Они печатались во фронтовых и армейских газетах, в журнале «Краснофлотец». Стихи были посвящены тяжелым будням фронтовой жизни, они воспевали героизм пехотинцев, моря-

Рис. А. Борисенко

ков, снайперов, пулеметчиков, которые полны мужества и решимости защищать страну от фашистского нашествия. Уже в 1942 году в военно-морском издательстве вышла книжка А. Я. Яшина «Красная горка. Балтийские стихи». А через год то же издательство выпустило «Город гнева», тоже книжку стихов, но уже со Сталинградского фронта. Она имела подзаголовок «Сталинградские эпизоды». И действительно – многие стихотворения здесь похожи на репортажи с места событий, «донесения с места боев».

До демобилизации в 1944 году Яшин некоторое время служил на Черноморском флоте, был заместителем редактора газеты «На страже». Стихотворение «Не разучился ль ходить за плугом?» написано в конце Великой Отечественной войны. Скромны желания поэта:

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый слопец изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночных?

Скоро ли буду в родном дому –
Издали встретят четыре березы, –
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидать,
Обо всех расспросить,
Полем пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

Демобилизовавшись из армии по инвалидности в мае 1944 года, Александр Яшин вскоре приехал в родную де-

ревню Блудново. Поэт радовался долгожданному покою, ходил на рыбалку, лечился. А в 1945 году вместе со всем народом он встретил долгожданную победу.

Война, выигранная ценой огромных потерь, оставила горький след в судьбах С. Орлова и А. Яшина. Говоря от имени народа, поэты писали о страшных испытаниях, выпавших на долю людей, напоминали о мужестве и стойкости советских солдат.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ

(1921 – 1977)

После марша

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча –
И в тень, в траву, но только прежде
Проверь мотор и люк открай:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой –
Мы люди, а она стальная.

Живая вода

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-белая.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна...

Сто нерусских – зеленых и синих – рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой –
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

Блиндаж – углубленное в землю полевое укрытие для защиты от огня противника.

Горвоенкомат – городской военный комиссариат.

Летопись – запись исторических событий по годам.

Демобилизация – увольнение с военной службы в запас.

Многотиражка – печатная газета предприятия, учреждения, воинской части.

Укрепрайон – район защитных оборонительных укреплений.

Броня – прочная защитная облицовка из специальных плит.

Косой – заяц.

Слопец – капкан.

Туес – берестяной короб.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН

(1913 – 1968)

Не позабыть мне первых схваток

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.
Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, –
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рев атак.
Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?
И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,
Что я ни в чем других не хуже,
Переношу тяжелый путь, –
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.
Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся.
На одного тебя глядят.

С тобой – удачи и победа,
Поешь и ходишь как во сне.
Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

Захолонуть – оцепенеть от страха, испуга.

Плащ-палатка – накидка у военных, которую можно использовать в качестве палатки и носилок.

Автобиографичность, героизм, мужество, патриотизм, самоотверженность.

Вопросы и задания

1. Какие факты биографии поэтов нашли отражение в их стихах?
2. Какой увидели войну поэты-фронтовики?
3. Найдите ключевые строки, отражающие основной смысл стихотворений «После марша», «Не позабыть мне первых схваток».
4. Перечитав стихотворение С. С. Орлова «Живая вода», ответьте на вопрос: «Что помогало солдату выжить на войне, выдержать все испытания?».
5. Чем ценные стихи поэтов-фронтовиков и в чем их современное звучание?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, РЕКОМЕНДУЕМОЙ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ:

Аринин В. И. Оранжевая звезда. Девочка-наоборот. Сказки Черноглазки. Атлантида. Ничего обыкновенного. Тайна моря. Голубянка.

Астафьев В. П. Дядя Кузя – куриный начальник. Белогрудка. В огороде чудеса. Карасина погибель. Бойе. Запах сена. Монах в новых штанах. Осенние грусти и радости. Осенью на вырубке. Медведи идут следом. Хлебозары.

Белов В. И. Рассказы о всякой живности. Катюшин дождик. Скворцы. Каникулы. Даня. Око дельфина. Жадный петух. На сенокосе. Птички-рукавички. Как воробья ворона обидела.

Багров С. П. Солнечный мальчик. Воробышко утро.

Варюхин А. Г. Сказы о самородках.

Дружининский Н. В. Пастушки напевы.

Елесин В. Д. Одноухий заяц. Пятачок на берегу. Кремешок.

Ехалов А. К. На волшебном плоту. Сказки.

Железняк В. С. Голоса времени.

Иванов С. А. Гость из Вологды.

Калевала. Карело-финский эпос в пересказе для детей А. Любарской.

Коротаев В. В. «Прекрасно однажды в России родиться...», «Ну что, казалось бы, такого...», Родное, «Россия, белая от снега...», «Потому ли, что снова в деревне...».

Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской.

Леднев Ю. М. Домашние фокусы. Макаркино детство.

Леднева Н. С. Я дарю вам цветы.

Мифы народов мира.

Орлов С. С. «Может, мне и осталось всего...», «Далеко течет река Шекспира...», «Спят солдаты крепким сном...», «Тонкая российская берега...», Победа.

Петухов А. В. Корень рода. Дай лапу, друг медведь.

Петухова Т. Л. Давай не будем хмуриться.

Полуянов И. Д. Месяцеслов. Деревенские святыни. Зеленое оконце. Василек-бегунок. Где рождаются облака.

Поэзия Севера. Сборник.

Романов А. А. Север, «Ах, Родина, – я тихо произнес...», Изба, «Тревожно, и сладко, и грустно...», Пляска, «Как услышу я знакомый говорок...».

Рубцов Н. М. Подорожники, «Сапоги мои – скрип да скрип...», «Доволен я буквально всем!», «Тихая моя родина...», «Выпал снег...», Первый снег, «Огороды русские...», Январское.

Сазонов А. И. Такой город в России один.

Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В. В. Гуры.

Тринова Е. С. Кружевные сказки

Фокина О. А. Маков день, Розовое мыло, Чере – чере – черемуха!, Наши дали сенокосные, Родник.

Фолькман Р. фон. Невеста Йорга. Искусственный орган. Глубокие слезы. Ангельские крылья.

Угрюмов А. А. Кокшенъга.

Яшин А. Я. Весеннее, Вологда, Не умру, В морском музее, Твоя Родина, Родничок, Кулик.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автобиографичность – использование автором фактов своей жизни при написании произведения.

Автор – писатель, создавший произведение и выразивший в нем свои взгляды на жизнь.

Авторский взгляд – отношение писателя к явлениям, событиям, персонажам, изображенным в произведении.

Антитеза – резкое противопоставление изображаемых в произведении явлений, событий, персонажей.

Герой – действующее лицо, персонаж произведения.

Гуманизм – отношение к людям, проникнутое сочувствием и любовью к ним, заботой об их благе.

Диалектизм – слово или выражение, употребляемое жителями определенной территории и не входящее в состав литературного языка.

Деталь художественная – подробность, характеризующая персонажа или обстановку, в которой он изображается.

Жанр – разновидность литературных произведений, отличающаяся от других разновидностей как по содержанию, так и по форме.

Загадка – жанр устного народного творчества: краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать, разгадать.

Заглавие – слово, словосочетание или небольшое высказывание, служащее образным обозначением всего произведения в целом.

Звукопись – повторение звуков или звукосочетаний, усиливающее выразительность художественной речи.

Иносказание – выражение, заключающее в себе скрытый смысл.

Композиция – построение художественного произведения, взаимное расположение его элементов и частей.

Конфликт – столкновение, противоборство персонажей, каких-либо сил или явлений в литературном произведении; он определяет развитие действия, движение сюжета.

Космогонический миф – миф о сотворении мира, о создании земли.

Легенда – жанр устного народного творчества или древней письменности: рассказ о жизни святого или об участии его в каких-либо событиях.

Лирика – род литературы, основанный на описании внутреннего мира человека (его мыслей, переживаний, настроений).

Метафора – вид образности: перенос признаков одного предмета или явления на другое явление или предмет по принципу сходства.

Миф – древнее народное сказание о происхождении мира, человека, жизни на земле, о богах и героях.

Олицетворение – вид образности: перенесение свойств живых существ на неодушевленные предметы и явления.

Описание – словесное изображение чего-либо в устной или письменной форме.

Перевод – пересоздание литературного произведения средствами другого языка.

Пересказ – изложение литературного произведения своими словами.

Песня – словесно-музыкальное произведение для пения.

Пейзаж – описание природы в литературном произведении.

Повтор – повторение слов, словосочетаний и других элементов текста в художественном произведении для усиления выразительности.

Поговорка – жанр устного народного творчества: краткое образное выражение, метко определяющее какое-либо явление жизни; в отличие от пословицы не составляет цельного предложения и не имеет обобщающего поучительного смысла.

Портрет – изображение внешности персонажа в литературном произведении.

Пословица – жанр устного народного творчества: сжатое образное изречение поучительного характера в форме законченного предложения.

Потешка – жанр устного народного творчества: шутливые стихи, которыми родители сопровождают игры с маленькими детьми.

Поэма – жанр литературы: лиро-эпическое произведение в стихах, в котором изображение событий сопровождается описанием внутреннего мира персонажей, а также отчетливым выражением отношения автора к происходящему.

Предание – жанр устного народного творчества: рассказ об исторических событиях, лицах, происхождении обычаях, населенных пунктов и их названий.

Проблема – важный вопрос, рассматриваемый писателем и созданными им персонажами в произведении.

Псевдоним – вымышленное имя, под которым писатель издает свои произведения.

Рассказ – литературный жанр: небольшое повествовательное произведение в прозе.

Рассказчик – персонаж, рассказывающий о событиях, которые происходят в литературном произведении.

Руна – жанр устного народного творчества: древняя песня карелов и финнов, повествующая о происхождении мира или о деяниях героев.

Символ – художественный образ, условно обозначающий какую-либо явление, представление, мысль.

Сказ – жанр устного народного творчества и литературы, произведение о примечательных событиях прошлого, в котором повествование ведется от лица рассказчика.

Сказание – предание или легенда, облеченные в литературную форму.

Сказка – 1) жанр устного народного творчества: занимательное произведение о вымышленных событиях (в зависимости от содержания сказки делятся на волшебные, бытовые и сказки о животных); 2) жанр литературы: произведение, в котором использованы сюжеты, образы и художественные средства народной сказки.

Сравнение – вид образности: уподобление одного явления, предмета, лица другому явлению, предмету или лицу.

Сюжет – цепь событий, составляющих содержание литературного произведения.

Традиция – передача жизненного или литературного опыта от одного поколения к другому.

Тема – круг явлений жизни, изображаемых в произведении и составляющих его содержательную основу.

Фольклор – народное художественное творчество: коллективное искусство, отражающее представления народа о жизни, о добре, о красоте.

Частушка – жанр словесно-музыкального народного творчества: короткая рифмованная припевка любовного или злободневно-политического содержания, состоящая обычно из двух строк и исполняемая в быстром темпе.

Эпос – жанр устного народного творчества: пространное повествование об исторических событиях и деяниях героев в давние времена.

Эпитет – вид образности: характеристика предмета или явления с помощью выразительного прилагательного.

Этимология – раздел языкоznания, изучающий происхождение слов и их древние значения.

Л 64 Литература Вологодского края: Хрестоматия для 5–6 классов. – Вологда: Издательский центр ВИРО, 2006. – 304 с.

Хрестоматия входит в серию учебных пособий, обеспечивающих литературное образование школьников по программе «Литература Вологодского края». В нее вошли как произведения русского народного творчества, так и произведения вологодских поэтов и писателей о красоте родной природы, выдающихся земляках. В хрестоматии представлен материал о старинных ремеслах, древних городах Вологодчины, помещены произведения, рекомендованные для самостоятельного чтения. При подборе текстов и заданий учитывались возрастные особенности детей.

Методический аппарат хрестоматии ориентирован на формирование литературно-художественных умений и развитие творческих способностей учащихся. В основе каждого задания – стремление помочь детям понять изучаемое произведение, представить себе его героев, стремление разбудить и активизировать их фантазию, самостоятельную мысль, эмоциональное восприятие. После каждого текста представлен лексический комментарий. В конце хрестоматии помещен словарь литературоведческих терминов.

Данное издание носит экспериментальный характер и предназначено для учащихся 5–6 классов общеобразовательных школ, гимназий и лицеев, а также для преподавания в рамках факультативных и элективных курсов по литературе родного края.

ISBN 5-87590-213-2

ББК 83.3я72

Л 64

ЛИТЕРАТУРА ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ:
Хрестоматия для 5–6 классов

В хрестоматии наряду с иллюстрациями известных художников использованы рисунки Юлии Егоровой и Эллады Новиковой, учениц 11 класса средней школы № 15 г. Вологды

Корректор *Н. В. Козелло*
Компьютерная верстка *А. Л. Малковой*

Подписано в печать 19.05.2006. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 17,67. Тираж 1000 экз. Заказ 1144

Издательский центр Вологодского института развития образования
160012, г. Вологда, ул. Козленская, 99а